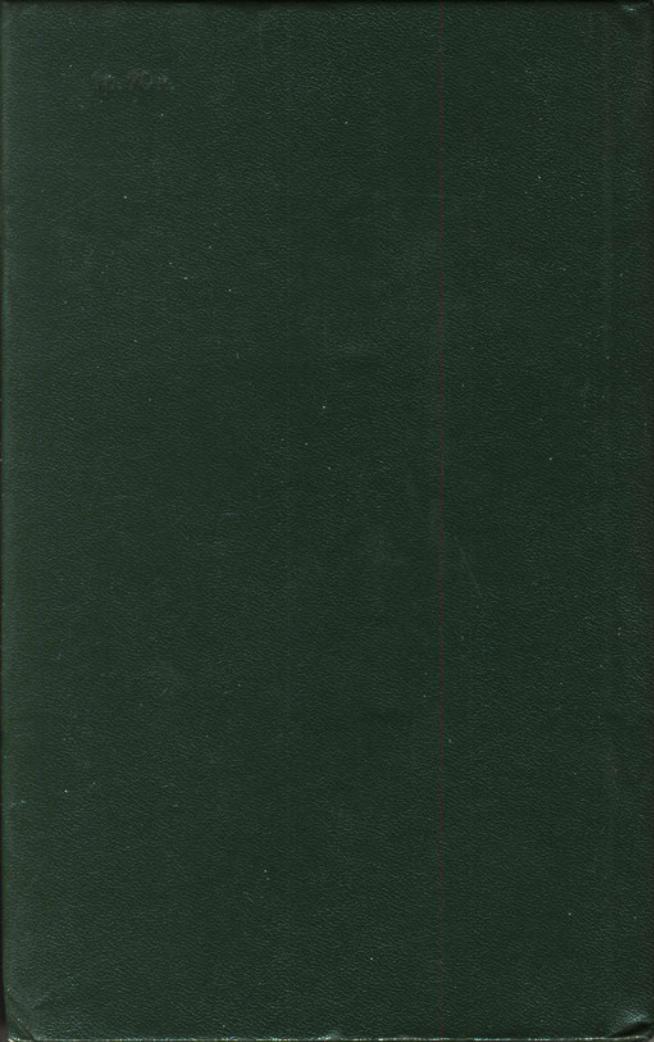
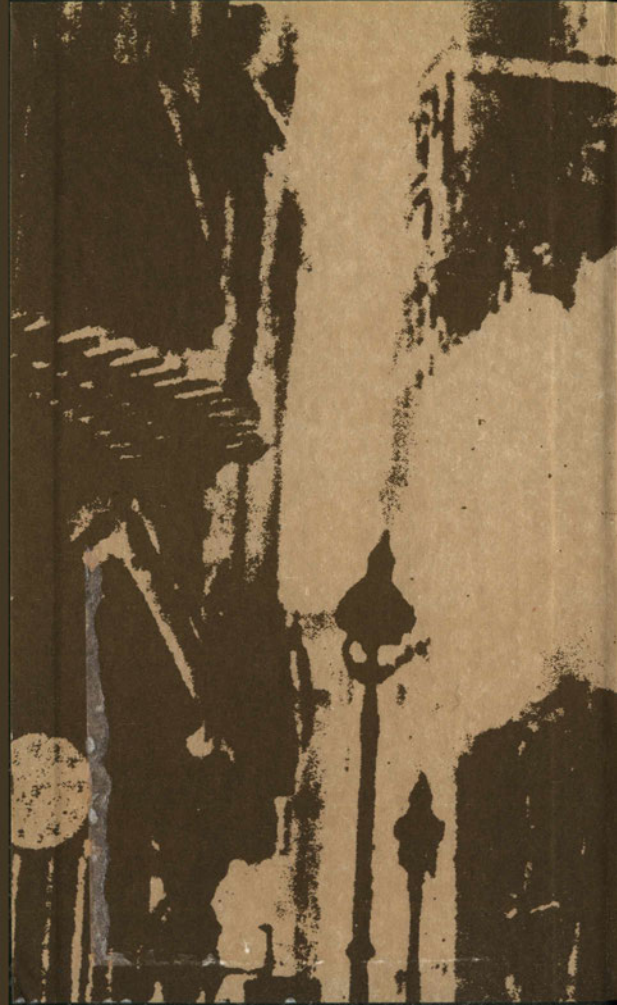

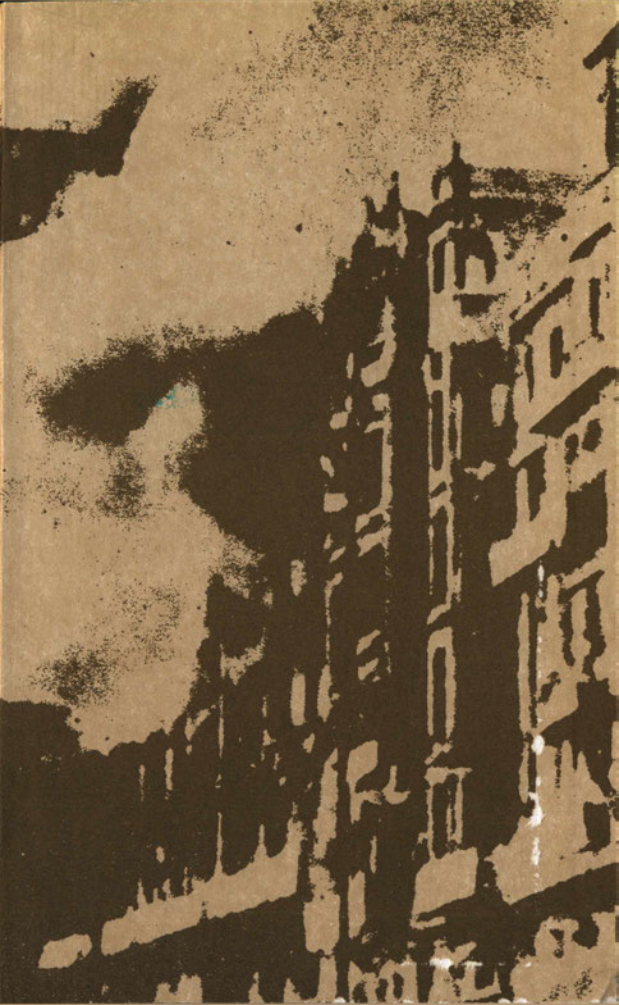
БЕССМЕРТЕН ПОДВИГ ВАШ

БЕССМЕРТЕН ПОДВИГ ВАШ

БЕССМЕРТЕН ПОДВИГ ВАШ

**К 50-ЛЕТИЮ АНТИФАШИСТСКОЙ ВОЙНЫ
ИСПАНСКОГО НАРОДА**

МОСКВА

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

1986

ББК 84

Б53

Вступление

Г. СТЕПАНОВА

Составление, предисловие и комментарии

В. СТОЛБОВА

Рецензенты:

Д. ПРИЦКЕР, д-р ист. наук

Э. БРАГИНСКАЯ

Оформление художника

В. ТЕРЕЩЕНКО

Б 4703000000-233 173-86
028(01)-86

© Состав, вступление, предисловие, справки об авторах, комментарии, оформление, стихи и переводы, отмеченные в содержании*. Издательство «Художественная литература», 1986 г.

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

В словарях память определяется как «способность сохранять и воспроизводить в сознании прежние впечатления».

Резинка времени бледнит или совсем стирает линии в рисунке былого, время прессует периоды и целые эпохи в тонкий лист прошлого, лишая их исторического промера. Память, напротив, стремится возродить образную структуру событий, придать им длительность, установить их последовательность, заполнить просветы, довести ретроспективу до мимолетного начала, сокрытого под толщей прошлого.

Однако прошлое заключено не в себе самом: оно предстает перед нами таким, каким мы его зрим из будущего, то есть с некоторой выдающейся вершины, которая — если речь идет не о науке — только усиливает личностное видение, подверженное чувствам и пропитанное ими. Сгущение чувственных восприятий, переживаний — тот же синтез, и ускользание некоторых существенных подробностей, неперенных и необходимых для правдивой истории, — неизбежная плата за этот синтез. Память обычно хранит и воспроизводит в сознании только главные впечатления, созидательная или рутинная деятельность новых поколений и даже равнодушная ко всему природа способствует забвению.

Со времени начала славных и трагических событий Национально-революционной войны в Испании прошло полвека.

Иссиня-серым асфальтом дорог и автострад затянулись шрамы-окопы, оплыли зеленою ямки-бойницы, выгорели когда-то багровые, желтые, черные отвилки и брустверы. Непобежденные крепостные стены прошлого сдались только несколько лет спустя полыни и макам. Ничья земля, бывшие нейтралки, некогда усыпанные по щиколотку миндалем, устланные оранжевыми коврами апельсинов, усеянные ничьими оливками, уже не выглядят теперь обездоленными, праздными и беспризорными.

Поседали ветераны — республиканцы, пережившие безвозвратные бои, постарели их сыновья, повзрослели внуки.

Чтобы понять страну, недостаточно ее просто видеть. Для постижения Испании мало ее резких контрастных очертаний, древних храмов, как бы завершающих натуральные высоты холмов и гор, вида ее печально-запустелых аббатств, причудливо-роскошных мавританских дворцов и заброшенных мельниц.

Знаменитый испанский поэт Хорхе Гильен, словно полемизируя с туристически-альбомным восприятием его страны, сказал:

¿Península? No basta geografía.
Queremos un paisaje con historia.

Полуостров? Географии мало.
Нам нужен пейзаж с историей.

Поэт прав: география, местность, пейзаж не только расшифровываются человеком, но и озаряются им, драматизируются или наполняются трагедийным смыслом. Испания знала периоды, когда на нее обрушивались бедствия, и она казалась безнадежно больной, как в страшной песне Данте. Постигание истории народа не терпит вымыслов и домыслов. История не роман, и мир не регулярный сад. Главное в понимании нации как единого социального организма — это реальное бытие народа и его духовная сила. Здесь важны героические вехи его истории, его поведение в счастливое время побед и в трагические годы поражений.

Несмотря на невзгоды, мор, междоусобицы, инквизицию, нашествия чужеземцев, дурные правительства, испанская нация всякий раз находила путь к спасению от смертного изнурения, благодаря порывам народного энтузиазма, повергавшего в изумление весь цивилизованный мир.

После восьмисотлетней борьбы с завоевателями-маврами, партизанской войны с войсками Наполеона самым впечатляющим событием уже в XX веке была Национально-революционная война испанского народа против фашизма, внутреннего и международного. Первому открытому бою с фашизмом, основную тяжесть которого приняли на себя испанские республиканцы, суждено было стать драматическим объектом европейской и мировой истории. Пример Испанской республики способствовал солидарному росту антифашистских идей и акций в мире, привлек к активной борьбе добровольцев-антифашистов из пятидесяти с лишним стран, в том числе и из Советского Союза...

Исторический синтаксис связал в единое политическое целое «локальную» войну за Пиренеями с будущими мировыми событиями и кардинальными решениями глобального масшта-

ба. Люди моего поколения — и те, кто с тревогой и надеждой следили за ходом далеких испанских боев за Мадрид, под Теруэлем, на Эбро, и те немногие, кому выпала честь принять в них личное участие, нынешние ветераны трудовых пятилеток и Великой Отечественной, — помнят, какой ценой был обретен опыт первого боя и какого невообразимого напряжения сил стоила решающая битва с фашизмом во второй мировой войне. Победа советского народа над фашизмом по праву может быть названа великой не только из-за военных итогов мирового масштаба, но и потому, что она внедрила в сознание людей идею планетизации человека, то есть способствовала рождению высшей формы коллективного сознания, которая делает каждого ответственным за судьбу нашей уникальной планеты.

Воспитание историей, насущно необходимое для сознания сопричастности с ней и ответственности за нее, достигается разными средствами, среди которых поэзии в силу ее необычайной эмоциональной уплотненности, слиянности мысли и чувства, открытой пристрастности всегда принадлежала важная роль. Стихи поэтов разных стран и поколений, собранные в настоящей книге, объединены чувством пронзительной любви к героическому народу Испании в один из сложных, славных, трагичных и поучительных периодов его истории. Реальные и душевные источники образа борющейся Испании, воплощенного в поэтической форме, несомненно, вызовут живой отклик в уме и сердце не только современников или очевидцев тех далеких событий, но и молодых читателей, усвоивших от своих дедов и отцов благотворные идеи интернационализма, выстраданной свободы, действенного гуманизма.

Академик *Г. Степанов*,
участник Национально-революционной войны в Испании
1936—1939 гг.

ИСПАНИЯ В СЕРДЦЕ

Это было при нас,
Это с нами вошло в поговорку.

Б. Пастернак

Да, это было при нас, в годы нашей молодости, в славное и трудное время первых пятилеток, коммунальных квартир, соевых котлет и парусиновых туфель. В те годы на стенах наших комнат висели карты Испании, а по утрам, раскрывая газету, мы прежде всего искали военную сводку с ее фронтов. В нашу речь легко и непринужденно, как в свой собственный дом, входили испанские слова: «Камарадас», «Но пасаран!», «Пасаремос!». Гневом и болью переполняли наши души имена залитых кровью, расстрелянных, разбомбленных испанских городов: Гранады, Бадахоса, Ируна, Малаги, Альмерии, Герники, Бильбао... И как боевые барабаны сердец, грохотали всеми своими раскатистыми испанскими «эрге» имена побед. Победы звались: Гвадаррзма, Гвадалахара, Харама, Мадрид... В особенности Мадрид, несломленная столица Испании, город — народная крепость, он первым шагнул в будущий, еще неведомый нам строй городов-героев.

Из школ убегали
мальчишки —
патроны тебе
подносить, —

напомнил Испании то время Ярослав Смеляков. Да только ли мальчишки? Юлия Друнина, боевая сестра милосердия Отечественной войны, вспоминает:

...в пятом классе
Я бежала защищать
Мадрид —
Я
и рыжий конопатый Вася,
Что потом
под Ельней
был зарыт.

А для моего поколения, для «комсомольцев тридцатых годов», высочайшей мечтой было пропасть «на испанскую войну» («Уезжали комсомольцы на испанскую войну»; — пели мы, вдохновенно переиначивая слова полюбившейся нам новой песни). Мы были романтиками и не только по молодости лет. Романтикой дышало время. Сложное, трудное, противоречивое время, для нас оно было прежде всего временем Подвига, временем ударных вахт и ударныхстроек, временем создания таких заводов, как Магнитка, таких городов, как Комсомольск-на-Амуре, таких гидроэлектростанций, как Днепрогэс, временем штурма далей небесных и пространств земных, — высотных рекордов Коккинаки, первых стратопланов, великих перелетов Чкалова и Громова, — временем, когда были спасены челюскинцы, проложен сквозь полярные льды Северный морской путь, десантом с неба оседлан Северный полюс.

Но с начала тридцатых годов, после того как в Германии к власти пришел Гитлер, над нашей социалистической Родиной нависла неотвратимая угроза фашистской агрессии. Мы знали, что война с фашизмом, где бы она ни велась, в конечном счете ведется и за наше будущее. К тому же Испания не была нам чужой. Мы знали и любили ее с детства. Это была Испания светловской Гренады, «моей Гренады», овеванная героикой нашей гражданской войны, это была страна Дон Кихота, последнего рыцаря на земле, страна Любви и Красоты, воспетая Пушкиным в стихах, которые мы знали со школьной скамьи. Разве можно было допустить, чтобы эту священную землю поэзии, где ночь «лимоном и лавром пахнет», топтали копыта марокканской конницы, давили железные гусеницы фашистских танков?

Испания представлялась нам в образе юной девушки, героини нашей мечты. Черноглазая, стройная, темноволосая, одетая в моно¹, лихо сдвинув пилотку набекрень, она стояла с гордо вскинутой головой, подняв в знак «ротфронтовского» приветствия правую руку со сжатым кулаком. А в левой руке или за плечами у нее была винтовка. Такой ее фотографировали корреспонденты на улицах осажденного Мадрида, такой ее писали художники и лепили скульпторы. В наших глазах она воплощала образ Борющейся Испании.

* * *

В те годы мир разделился надвое и линия раздела проходила поперх национальных или государственных границ. За

---

¹ Моно — рабочий комбинезон, во время войны ставший чем-то вроде военной формы ополченцев.

спиной испанских генералов, поднявших военный мятеж 18 июля 1936 года, выстроилась черная тройца фашистских диктаторов Европы — Гитлер, Муссолини, Салазар, — за ними были все профашистские, фашиствующие и просто реакционные силы мира. На их стороне оказались и буржуазные правители западных демократий; они помогли фашистам накинуть на дружественную Испанскую республику смертную петлю блокады. Но испанский народ не был одинок в своей борьбе за свободу и демократию. Его поддерживало все прогрессивное и передовое человечество, и прежде всего верный своему интернациональному долгу Советский Союз, к которому Испания обратилась с просьбой о помощи. Народы Европы и Америки с замиранием сердца следили за ходом испанской битвы. Создавались комитеты защиты Испанской республики, собирались средства для нее, на улицы выходили народные толпы, демонстрируя свою солидарность с испанским народом. У нас, в Стране Советов, сбор денег, продовольствия, медикаментов для Испании принял подлинно всенародный размах (о том, как он проходил, рассказывает А. Безыменский в стихотворении «Простые вещи»).

Добровольцы из многих стран мира — среди них немцы и итальянцы — доблестно сражались плечом к плечу с испанскими «милисиано» (ополченцами). Советские добровольцы — летчики и танкисты — бились за Мадрид с тем же бесстрашием, с каким через несколько лет они будут биться за Москву и Ленинград.

Естественно, что против фашизма выступила поэзия, иначе она была бы недостойна своего гордого имени и своего призвания — служить сердцем человечеству. Стихотворные волны перекачивались по планете, будоража сердца, тревожа сознание и совесть миллионов. Перед лицом фашистской угрозы поэзия пролетарского интернационализма, рожденная Великой Октябрьской социалистической революцией, сомкнулась с поэзией боевой солидарности людей доброй воли всей земли. Ведущим голосом в этом хоре был голос Испании.

В Испании эпопея народной войны с первых же дней взметнула мощную волну народной поэзии. Самой распространенной поэтической формой снова стал испанский романс, отличающийся простотой и вместительностью. Была у него и многовековая традиция: Этот лиро-эпический жанр исполнял функции «живой газеты» еще в XIV веке, во времена «реконкисты» (отвоевания), всенародной войны против мавров, захвативших добрую половину испанских земель. С тех пор он

с честью выдержал пятисотлетнее испытание временем. В предисловии к сборнику «Всеобщий романсеро¹ испанской войны», который вышел в Буэнос-Айресе в 1944 году, Рафаэль Альберти пишет: «Начиная с 18 июля 1936 года, к нам² со всех городов и селений, взявшихся за оружие, со всех внезапно образовавшихся фронтов сражений тысячами начали поступать романсы... Эти первые романсы имели информационный, почти газетный характер. В них встречались целые фразы, выхваченные из газет или из военных сводок. Поэты-импровизаторы старались рассказать о событиях, привести вдохновляющий пример героизма, порой спасти от забвения имя павшего товарища, доверив его бессмертию поэзии».

В народе сочинялись не только романсы, но и песни, боевые, походные, лирические песни, неожиданно взрывались сатирические или просто веселые «копльы» (куплеты). Испанская пословица гласит: «Чем труднее жизнь, тем бодрей держись». Эту черту испанского народного характера подтверждает популярнейшая песенка тех лет «Четыре генерала», написанная на мотив старинной народной песни «Мамита миа» («Матушка моя») и великолепно переведенная на русский язык Алексеем Эйсером. Задорная, искрящаяся весельем, боевая, она родилась в Мадриде в самые тяжкие дни осени 1936 года, когда судьба города, казалось, висела на волоске, когда Франко во всеуслышание объявил день 7 ноября днем торжественного вступления в столицу Испании.

Испанцы, подобно нам, русским, люди певческие. Не мудрено, что им полюбили русские песни, занесенные в Испанию советскими добровольцами. Безымянные поэты-песенники складывали на мотивы наших «По долинам и по взгорьям» и «Партизана Железняк» свои собственные, испанские песни. Мне не раз приходилось слышать, как испанцы-танкисты, оборонявшие Мадрид, пели такую песню, сочиненную на мотив нашей:

По военной дороге
Шел в борьбе и тревоге
Боевой восемнадцатый год.
Были сборы недолги,
От Кубани до Волги
Мы коней поднимали в поход.

---

¹ «Всеобщий романсеро» (исп. «Romancero general») — название первого полного сборника испанских романсов, выпущенного в начале XVII в.

² То есть в редакцию коммунистического журнала «Моно Асуль» («Синий комбинезон»), которую возглавлял поэт.

Мне запомнилось начало той песни:

Invasores sabéis
Esperamos aquí
Con el carro engrasado y cabal,
Esperando la voz
Del comisario Sendín
Que nos ordene: «¡Los carros, marchar!»

Это можно перевести примерно следующим образом:

Захватчики, знайте,
Готовые к бою,
Мы стоим у Мадридских ворот
В ожидание, когда
Комиссар наш Сендин¹
Нам скамандует: «Танки вперед!»

Рука об руку с народной поэзией шла поэзия профессиональных поэтов. На сторону Республики встал весь цвет испанского Парнаса того времени: старейшина стихотворного цеха, философ, гражданин, народолюбец Антонио Мачадо, весь свой творческий путь прошагавший по проселочным дорогам народной поэзии и народной мудрости; поэт-коммунист и вождь революционной поэзии, которого звали «испанским Маяковским», Рафаэль Альберти; неприкаянная душа, одинокий бунтарь, всемирный бродяга Леон Фелипе, поспешивший в осажденный Мадрид из далекой Панама; эрудиты и экспериментаторы, сочетавшие изысканную метафоричность испанской классики с темным потоком слов европейского сюрреализма, Луис Сернуда и Висенте Алейсандре; двадцатилетний сын пастуха и сам бывший пастух, художник невиданной стихийной силы, надежда последнего предвоенного поколения испанских поэтов, Мигель Эрнандес; Хосе Морено Вилья, Педро Гарфиас, Хосе Эррера Петере, Мануэль Альтолагирре и еще многие, многие стихотворцы. Их боевое содружество скрепила кровь Федерико Гарсиа Лорки, убитого фашистами в первые месяцы войны. Отклики на это преступление до сих пор расходятся по мировой поэзии, как круги по воде. Испанские поэты были и рядовыми бойцами, и так называемыми «бойцами культуры» («бойцами-пропагандистами»), и комиссарами батальонов и бригад, и военными корреспондентами, и редакторами фронтовых газет, и авторами листовок и подписей под карикатурами. Они читали свои стихи на передовых и выступали

---

¹ Сендин — коммунист, комиссар танковых войск Центральной зоны. Судьба его неизвестна.

с ними на митингах. Их стихотворения, напечатанные на серой оберточной бумаге, передавались из траншеи в траншею.

В нашей книге «Бессмертен подвиг ваш», посвященной стихам об испанской войне 1936—1939 годов, произведения испанских поэтов образуют своего рода костяк, на который накладываются все остальные стихи. Поэзия испанской войны чрезвычайно разнообразна по содержанию. Это — стихи-клятвы, стихи-призывы, стихи-проклятья, стихи-реквиемы, стихи об отдельных боях и героях боев, лирические стихи и т. д. Различны они и по стилю и по форме. Стихи романтические, вольные детища мечты, соприкасаются со стихами, исполненными жестокой реальностью, порожденными трудным опытом войны. Бесхитростное слово народной песни соседствует со сложной метафорой европейского авангардизма. Но в то же время поэзия, посвященная испанской войне 1936—1939 годов, удивительно едина в своей искренности, в пафосе борьбы, в ликовании побед и плаче утрат, в горечи поражения и тоске воспоминаний. Она едина в своей правде. Дабы сохранить это единство, мы отказались от обычно принятой в антологиях организации поэтического материала по странам, а внутри стран — по авторам. В сборнике «Бессмертен подвиг ваш» стихи распределяются по темам и стоят в едином строю, подобно тому, как были едины в своем творческом порыве создатели их — поэты.

Но не только общий духовный настрой объединяет мировую поэзию испанской войны. В ней можно выделить по меньшей мере два сквозных мотива, два ряда образов, переходящих из стихотворения в стихотворение, от одного поэта к другому. И это происходит не в результате каких-либо заимствований, а под воздействием общих традиций, сложившихся в то время и в мировой поэзии, и в мировой демократической культуре.

В битве с насилием, мраком, смертью, которые несет с собой фашизм, участвуют вместе с народом два бессмертных начала испанской жизни: природа¹ — горы и реки, камни и оливы Испании — и великое испанское искусство в лице своих гениев — Сервантеса и Лопе де Веги, Веласкеса и Гойи. Особенно часто поэты обращаются к образу Дон Кихота и берут его в различных преломлениях в зависимости от времени. В начале

---

¹ «В испанской поэзии, и у Неруды, и у Эренбурга мы видим ощущение нераздельности человека и природы, восстающей против поработителей. Между человеком и природой существует живая взаимосвязь, природа одушевлена, человек, в свою очередь, черпает силы в «стойкости» природы», — пишет Л. М. Юрьева в кн. «Национально-революционная война в Испании и мировая литература». — М., Наука, 1973, с. 168.

войны Дон Кихот «стреляет с рабочих баррикад», фашистский стервятник сбрасывает бомбу «над могилой Дон Кихота», в конце ее Дон Кихот олицетворяет горестную Испанию, а много позже, в начале семидесятых годов, «игрушки-донкихоты» — единственное, что хранит память о Гарсиа Лорке в хищном, тупом равнодушном буржуазном обществе.

* * *

В нашу книгу вошли стихотворения и фрагменты из поэмы десяти советских и зарубежных поэтов, художников различных мировоззрений и эстетических вкусов. Однако каждому из них присуще чувство гражданской совести, высокое сознание нравственного долга, которое в двадцатом столетии перерастает в интернационалистское антифашистское сознание.

Поэтому после поражения Испанской республики авторы нашего сборника вместе с ушедшими в эмиграцию испанскими республиканцами и бывшими воинами интернациональных бригад продолжали бороться с фашизмом на фронтах Великой Отечественной войны, в партизанских отрядах, в национальных движениях Сопротивления, в подполье, в тюрьмах, в концентрационных лагерях. После разгрома фашизма они приняли деятельное участие в борьбе за мир и за разоружение. Показательно, что уже в наши дни в США среди борцов против звездных и ядерных войн находятся ветераны батальона Линкольна, батальона американских добровольцев. Уже пожилые люди, они сохранили боевую закалку, приобретенную на фронтах Испании. Неизвестно, есть ли среди них поэты, но деяния их просятся в стихи.

* * *

Нам кажется целесообразным назвать поименно хотя бы некоторых поэтов, чьи стихи включены в книгу «Бессмертен подвиг ваш». Даже простой перечень их имен впечатляет. И начнем мы его, конечно, с павших.

В годы войны в Испании — это убитый под Кордовой двадцатилетний английский поэт и критик Джон Корнфорд, которому прочили блестящее научное будущее, и шестидесятилетний Антонио Мачадо. В январе 1939 года Мачадо вместе с беженцами покинул Барселону и зимней ночью прошел свой крестный путь до французской границы в народной толпе под ледяным дождем, поддерживая свою престарелую мать, которая ушла в изгнание вместе с сыном. Вскоре после этого и сын и мать умерли в пограничном городке Кольюре.

В годы второй мировой войны — это молодые советские поэты, павшие на фронтах Великой Отечественной войны: пехотинец Михаил Троицкий, моряк-подводник Алексей Лебедев и летчик Леонид Шернер; это умерший от голода в блокированном Ленинграде литературовед и поэт Иннокентий Оксенов и замученный в концентрационном лагере родоначальник кабардинской советской литературы Али Шогенцуков, и комиссар бригады Мигель Эрнандес, приговоренный к тридцати годам тюремного заключения и на пятом году погибший в тюрьме, и расстрелянный фашистами руководитель антифашистского подполья в Болгарии Никола Вапцаров, и убитый фашистами в «трудовом лагере» накануне освобождения талантливый венгерский поэт Миклош Радноти.

Среди поэтов, вынесших испытания военных лет, можно назвать:

— бывших воинов интернациональных бригад: немцев Эриха Арендта и Рудольфа Леонгарда, поляка Яна Выка, бельгийца Ашиля Шаве, русского Алексея Эйснера;

— ветеранов Великой Отечественной войны и движения Сопротивления: председателя антифашистского комитета «Свободная Германия» Эриха Вайнерта; дважды приговаривавшегося к смертной казни и на двадцать лет заключенного в тюрьму испанского коммуниста Фернандо Макалло Кастильо, публиковавшего свои стихи под псевдонимом Маркос Ана; члена подпольного ЦК Словацкой Компартии, одного из организаторов Словацкого национального восстания 1944 г. Лацо Новомеского; связного белорусского партизанского подполья Валентина Тавлая; поэта-революционера, все книги которого в королевской Югославии были сожжены полицией, политработника Югославской народно-освободительной армии серба Чедомира Миндеровича; испанца Хосе Мариа Альвареса, партизана, воевавшего во французских «маки»; одного из корифеев советской военной журналистики Константина Симонова, который в Великую Отечественную войну, будучи спецкором «Красной Звезды», участвовал в Сталинградской битве и битве на Курской дуге, в Черном море плавал на подлодке на боевое задание, за Полярным кругом ходил с разведчиками в тыл противника.

Среди авторов сборника немало лауреатов Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». Это писатели и поэты разных национальностей: испанец Рафаэль Альберти, француз Луи Арагон, немцы Иоганнес Бехер и Эрнст Буш, кубинец Николас Гильен, чилиец Пабло Неруда, русские советские писатели Николай Тихонов и Илья Эренбург.

Большинство советских поэтов, представленных в сборнике, участвовали в Великой Отечественной войне. Многие награждены боевыми орденами и медалями, многие удостоены Государственной и Ленинской премий по литературе. Есть среди них и народные поэты советских республик, и Герои Социалистического Труда.

Испанская война 1936—1939 годов принадлежит к эпохальным событиям уже отходящего в историю двадцатого столетия. Ее всемирно-историческое значение в том, что она явилась первой в истории открытой вооруженной схваткой с фашизмом, первой антифашистской войной, предшественницей Великой Отечественной войны, и как таковая осталась в памяти народов уроком и предостережением. К нам, свидетелям Хиросимы, участникам борьбы против грозящей миру ядерной катастрофы, борьбы, которая на наших глазах приобретает поистине всечеловеческие масштабы, обращены пророческие стихи перуанского поэта Сесара Вальехо. Тема одного из них («Траурный марш на равнинах Дуранго») — страшная картина превращения мира в «отче пепел». В другом («Масса») прочерчена мысль о том, что только усилиями всего человечества можно победить смерть.

* * *

В заключение нам хотелось бы объяснить самый принцип отбора стихотворений. Это важно потому, что нами впервые сделана попытка собрать поэзию на тему испанской войны в книгу, которая включала бы и стихи, бывшие непосредственными откликами на испанскую войну, и стихи, сочиненные много лет спустя, когда это событие явилось поэтам в ретроспективе. Конечно, в нашем сборнике представлена только небольшая часть поэтов, сердцем отзывавшихся на испанские события пятидесятилетней давности. Мы также не задавались целью представить все республики Советского Союза и все зарубежные страны. Эту задачу мы оставляем будущему. В наш сборник включались, в основном, стихи, опубликованные на русском языке в советской книжной печати. Исключения допускались только в редких случаях. К ним относятся стихотворения поэтов — непосредственных участников войны в Испании, а также некоторые стихотворения, опубликованные только в советской периодической печати и вошедшие в сборник «Салют», составленный для одного из московских издательств ленинградским поэтом Всеволодом Азаровым. Рукопись сборника в начале 1939 года была доведена до стадии верстки, но не вышла в свет в силу изменившихся обстоя-

тельств. Мы глубоко благодарны Всеволоду Борисовичу, с любезного разрешения которого в нашу книгу из его сборника перешло восемь стихотворений, а именно: «Зачем ты, о слово...» Я. Коласа, «Мадонна» Е. Серебровской, «Перед боем» и «Испанская песня» Л. Первомайского, «Я снова книгу сердца раскрываю...» С. Головановского, «Письмо в Мадрид» И. Муратова, «Испанским детям, живущим в городе Пушкине» И. Оксенова, «Ветераны прощаются» Э. Мадараса.

* * *

Время унесло с собой многих поэтов-авторов нашего сборника. Но и для тех, кто ушел от нас, и для тех, кому еще предстоит долгие или недолгие годы жизни, испанская тема была или остается существенно важной и глубоко личной частицей их творческой и жизненной биографии. Конечно, людская память несовершенна и со временем изменяется. Непосредственная, живая память об испанских событиях с годами становится памятью лирической, воспоминаниями о молодости или детстве, затем и наследственной памятью новых поколений. Но при этом она неизменно остается памятью о Подвиге.

В. Столбов,

участник Национально-революционной войны в Испании
1936—1939 гг.

МИХАИЛ СВЕТЛОВ

ГРЕНАДА

*Мы ехали шагом,
Мы мчались в боях
И «Яблочко»-песню
Держали в зубах.
Ах, песенку эту
Доныне хранит
Трава молодая —
Степной малахит.*

*Но песню иную
О дальней земле
Возил мой приятель
С собою в седле.
Он пел, озирая
Родные края:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя!»*

*Он песенку эту
Твердил наизусть...
Откуда у хлопца
Испанская грусть?
Ответь, Александровск,
И Харьков, ответь:
Давно ль по-испански
Вы начали петь?*

*Скажи мне, Украина,
Не в этой ли ржи*

*Тараса Шевченко
Папаху лежит?
Откуда ж, приятель,
Песня твоя:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя»?*

*Он медлит с ответом,
Мечтатель-хохол:
— Братишка! Гренаду
Я в книге нашел.
Красивое имя,
Высокая честь —
Гренадская волость
В Испании есть!*

*Я хату покинул,
Пошел воевать,
Чтоб землю в Гренаде
Крестьянам отдать.
Прощайте, родные!
Прощайте, семья!
«Гренада, Гренада,
Гренада моя!»*

*Мы мчались, мечтая
Постичь поскорей
Грамматику боя —
Язык батарей.
Восход поднимался
И падал опять,
И лошадь устала
Степями скакать.*

*Но «Яблочко»-песню
Играл эскадрон
Смычками страданий
На скрипках времен...*

*Где же, приятель,
Песня твоя:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя»?*

*Пробитое тело
Наземь сползло,
Товарищ впервые
Оставил седло.
Я видел: над трупом
Склонилась луна,
И мертвые губы
Шепнули: «Грена...»*

*Да. В дальнюю область,
В заоблачный плес
Ушел мой приятель
И песню унес.
С тех пор не слышали
Родные края:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя!»*

*Отряд не заметил
Потери бойца
И «Яблочко»-песню
Допел до конца.
Лишь по небу тихо
Сползла погода
На бархат заката
Слезинка дождя...*

*Новые песни
Придумала жизнь...
Не надо, ребята,
О песне тужить.
Не надо, не надо,
Не надо, друзья...
Гренада, Гренада,
Гренада моя!*

ВЕТЕР НАРОДА

НОЧЬЮ

*Когда страданье безысходно и в крови
толчками сердца тихо бьется ярость,
душа дрожит от злобы пробужденной,
сама себя сжигая жаждой мщенья, —
тогда слова становятся не нужны.*

Пули. Пули.

*Статьи, воззванья, речи, выступленья,
вы оказались призраком туманным,
печаль бумаг развеет скоро ветер,
грусть красок скоро смывается водой.*

Пули. Пули.

*Я понял, наконец, как бесполезен,
смешон, убог, безжизнен тот язык,
который даже закричать боится
и, подавляя судорожный крик, безмолвствует.*

Пули. Пули.

*Я слышал, как сегодня ночью ими
смертельно были ранены слова.*

ВЕТЕР НАРОДА

Ветром народа сорван,
ветром народа взвевя,
голос мой каждым звуком
с ветром народа сверен.
Плеть до земли склоняет
темные лбы воловьи,
но головы не клонит
лев в белозубом реве.
Народ мой — не вол в упряжке,
народ мой иной породы:
при каждом ударе множась,
встают из глубин народа
лавины отваги львиной,
теснины орлиных кличей
и в гордых рогах утесов
гранитные гряды бычьи.
Волы никогда не жили
на нашей земле суровой.
Так кто же на это племя
накинет ярем воловий!
Так кто же стреножит бурю,
и вал заарканит пенный,
и молнию в тесной клетке
удержит орлицей пленной!
Отважные астурийцы
и вы, сыновья Кастильи,
отточенные, как лемех,
и трепетные, как крылья;
кипучие андалусцы,
чью бронзу из слез отлило
расплесканного рыданья
клокочущее горнило;
бесстрашные арагонцы,
изваянные веками;

туманные галисийцы
и баски — кованный камень;
ржаные эстремадурцы,
мурсийцы — порошок и солнце;
веселые валенсийцы
и твердые каталонцы;
наваррцы, верные стражи
нужды, топора и пота,
монархи темных забоев,
сеньоры черной работы;
все, кто в земле пролагает,
как корневища тугие,
путь от рождения к смерти,
путь от могилы к могиле.
Ярмо вам сковали люди,
в чьих венах — настой цикуты;
скорее об их же спины
разбейте стальные пути!
Воловьи потемки тают,
когда рассветает небо.
Ложатся волы под обух,
одетые в запах хлева,
но львы умирают стоя,
в кровавом наряде гнева.
И жалкая смерть воловья
ни для кого не потеря,
но дарит миру величье
кончина гордого зверя.
Так пусть же, голову вскинув,
приму я удар кровавый
и, мертвый и трижды мертвый,
лицом к раскаленной лаве
застыну, сжимая зубы,
впиваясь губами в гравий!
Я песнею смерть встречаю,
как тот соловей весенний,
который в кольце винтовок
поет на полях сражений!

СТРЕЛКИ

Далекая перестрелка
до пахаря долетела.
Пластом он лежал, раскинув
уставшее за день тело.
Дети заныли спросонок,
жена впотьмах зарыдала,
но крикнул он, и в лачуге
по-прежнему тихо стало.
Лишь вдалеке добивали
истекшее кровью небо.
С нехитрым своим хозяйством
крестьянин простился немо,
заветный клочок суглинка
оглядел исподлобья
и снял со стены двустволку,
таившую смерть в утробе.
Прочистил ее умело,
потом зарядил как надо,
огладил ее любовно
от мушки и до приклада.
Большак преградили трупы
деревьев, поднявших сучья,
опутанные надежно
провоолокой колючей.
Крестьянин за белым камнем
залег, озирая поле,
и взгляд обегает всхолмья
сторожким зайцем на воле.
Но вот закатилось солнце,
и это было началом:
ружье громогласной пушке
вполголоса отвечало,

утиная дробь сражалась
с густой шрапнелью орудий,
и жалкий свинец встречался
с нагою широкою грудью.
За землю стрелки стояли,
сквозь дым ее озирая.
Геройский оплот свободы!
Защита родного края!

ГОРНЯКИ АСТУРИИ

Все святое ржавчина разъела.
Хлеб! Гремит война из-за него.
Хлебом в рабство обратили тело —
им же будет освобождено.

Со страстей слетели их обличья —
мир открыл доподлинность свою.
Если вы не можете без притчи —
слушайте!

Вот здесь, в глухом краю,

воссиял бессмертный дух народа:
пушки бьют, а он, геройством щедр,
поднял на сражение за свободу
черных ангелов из черных недр.

Не изменят боевым хоругвям.
Не страшит их месть, ни тяжкий труд.
Вот они, помазанные углем,
не елеем, в смертный бой идут.

Под огонь, под бомбы их дорога,
из подземной тьмы в кромешный ад...
Разве столько есть святых у бога,
сколько у свободы есть солдат?!

* * *

Тогда восстала горная порода,
Камней нагроможденье и сердец,
Медь Рио-Тинто бредила свободой,
И смертью стал Линареса свинец.
Рычали горы, щерились долины,
Моря оскалили свои клыки,
Прогнали горлиц гневные маслины,
Седой листвой прикрыв броневики,
Кусались травы, ветер жег и резал,
На приступ шли лопаты и скирды,
Узнали губы девушек железо,
В колодцах мертвых не было воды,
И вся земля пошла на чужеземца:
Коренья, камни, статуи, пески,
Тянулись к танкам нежные младенцы,
С гранатами дружили старики,
Покрылся кровью булочника фартук,
Огонь пропал, и вскинулось огнем
Все, что зовут Испанией на картах,
Что мы стыдливо воздухом зовем.

КАРТА ЕВРОПЫ

Вот, вот она! Истыканная в штабах,
Границами изрезанная вдрызг,
В концлагерях, на каторжных этапах,
Ее названья — горе, ярость, риск.

Сверкает Рейн. Теснятся Альпы слепо.
Даль Пиреней дымиться начала.
Всмотрись в нее. Она — посмертный слепок,
Который снят с любимого чела.

Швырни ее на стол, прикрой ладонью
Куски морей и полуострова.
В тебя ударит многовольтным током,
Дыханье хлора глотку оборвет.

Ее трамбуют медленные танки.
Ее пилоты видят издали.
Ее несут в манерке иль портянке,
Как амулет, — сухую горсть земли.

И руки свастика с обезьяньей силой
Впиваются когтями в горло ей.
И тощие садисты, сатанея,
В глаза окурки тычут ей с тоски.

И в диких визгах джаза, будто пиво,
Пролитое по стойкам и столам,
Морские штормы бьют ее крапивой,
Песок швыряют с пеной пополам,

Они хотят поднять ее до срока,
Который, может статься, точно дан.
И сжал кастет молодчик де ля Рокка
И прячет паспорт в плоский чемодан.

И черные торпеды из Марокко
Драконами вползают в Гибралтар
И рвут ночные берега до срока,
Который завтра утром будет стар...

О, смутный сон Мадрида! Смутный рокот
Бессонных сборищ! Смутный звон гитар!

Вот, вот она! Как грустно, как широко
Ее глаза открыты в эту ночь!
Всмотрись в нее! Не опоздай до срока.
И протяни ей руку, чтоб помочь.

жадным ухом
                                прислушаться к говору,
стобульварный Париж,
                                стозтажный Нью-Йорк,
все вобрать это
                                полностью
  в голову!

Но сегодня,
                                газету
  глазами скребя,
я забыл
                                другие
  искания,
все мечты о тебе,
                                все слова для тебя —
Испания!
Вот махнуть бы сейчас
  через все этажи...

(Там —
                                окопы
  повстанцами роются...)
И октябрьское зная
  на сердце
  зашить

астурийцам
                                от метростроевцев.
Ты на карте
                                показана
  желтым штрихом
в субтропическом
                                теплом покое,
а взаправду
                                твой зной
  проштрихован штыком,
я сейчас тебя вижу
  такою!
Не мерещатся мне
  улыбки Кармен
и гостиничное кофе.
Мне бы ночь пролежать,
  зажав карабин,
с астурийским
                                шахтером
  в окопе.

Кстати,
норму я сдал
в позапрошлом году,
ворошиловцы —
надобны вам они,
даже цветом волос
за испанца сойду, —
породнимся
на красном
знамени!

Мы жизни новой радость знаем,
Свое мы счастье бережем,
Но никогда не забываем
Товарищей за рубежом.

Как?

Беженцем пустить по свету
Геройский трудовой народ?
Нет палача!

На свете нету
Той силы, что народ согнет!

Мы твердо знаем:

быть свободе,
Она сомнет года невзгод.
У нас большое солнце всходит
И в страны Запада идет.

На дальний бой

за горизонтом
Глядят и горы и луга:
Испания единым фронтом
Пошла на черного врага.

* * *

Зачем ты, о слово,
    Не вихрь и не гром?
Тебе бы я парус
    Поставил крылом,

Высоко бы поднял
    В небесную высь,
Чтоб в дальние страны
    Стихи понеслись.

Чрез горы и море
    Пусть слово летит
К холмам Гвадаррамы,
    К тебе, мой Мадрид.

На темя убийцам
    Дождем с высоты,
Кипящей бы лавой
    Обрушилось ты.

Пускай уничтожит
    Твой гневный полет
Наемников Рима
    И Гитлера сброд.

Эх, стих мой, зачем ты
    Не вихрь и не гром?
Тебя б я обрушил
    Смертельным огнем!

ИСПАНСКИЕ ДНИ

Карелу Конраду

Все явления утратили цвет и сверканье.
Все другие дела отодвинулись в сторону.
Нам глаза ослепила земля запылавшая,
кровь на ярмарке страшной закаруселила,
воем схватки нам слух заложило.
Не на жизнь, а на смерть — схватка жизни со смертью.

О, скорей бы вступить в этот бой ради мира
и свой штык погрузить в грудь мерзавца.

Все другое нам кажется мелким, ничтожным.
Все другое застыло, оно неподвижно.
Все, что нами душою и сердцем любимо,
все, что всем существом ненавиждимо нами,
воплотилось в нее, в черно-красную землю.
Видит зренье лишь порывы пожаров,
и внимает наш слух только грома раскатам,
наша мысль ужаснулась,
а в сердцах у нас боль и надежда —
Испания!

Что за страшные дни! И недели, и месяцы...
И приходит к нам утром и вечером жалость.
Никогда так протяжно часы не тянулись.
Утро. Вечер. Шаги мы считаем к победе.
Никогда еще жизнь не была столь короткой.

ИРУН

За каждый камень сражались
и все полегли они там.
Мы им погибнуть дали —
да будет проклятье нам!

Тому, что такое было,
что ими проигран бой,
троица — хитрость, сила
и равнодушие — виной.

Сил у врагов немало,
у них легионы солдат;
фашистские генералы
никого не щадят.

На помощь им ринулись круппы,
стали и слез короли,
их танки и пушки по трупам
в испанские ночи вползли.

Республиканцев отряды
смели бы фашистов давно,
если бы мы встали рядом,
но нам было все равно.

В Ируне развалин груды,
в Ируне кровавая мгла
и трупы, трупы повсюду —
свобода там полегла.

Они за свободу пали
в этом неравном бою;
знайте, они защищали
свободу мою и твою.

Погибших за нас, мы не смеем
забыть их, и всякий раз,
когда от стыда краснеем, —
это их кровь на нас.

Дав их убить, мы причастны
стали к победе тьмы.
О них нам помнить всечасно —
да будем прокляты мы!

ДОН КИХОТ

Нарисованные в небе облака.
Нарисованные на холмах дубы.
У ручья два нарисованных быка
Перед боем грозно наклонили лбы.

В поле пастухами разведен огонь.
Чуть дрожат в тумане крыши дальних сел.
По дороге выступает тощий конь,
Рядом с ним бежит откормленный осел.

На картинах у испанских мастеров
Я люблю веселых розовых крестьян,
Одинаковых: пасет ли он коров,
Иль сидит в таверне, важен, сыт и пьян.

Вот такой же самый лубочный мужик
Завтракает сыром, сидя на осле.
И в седле старинном, сумрачен и дик,
Едет он — последний рыцарь на земле.

На пейзаже этом он смешная быль.
Прикрывает локоть бутафорский щит.
На узорных латах ржавчина и пыль.
Из-под шлема грустно черный ус торчит.

— Что же, ваша милость, не проходит дня
Без жестоких драк, а толку не видать.
Кто же завоюет остров для меня,
Мне, клянусь Мадонной, надоело ждать!

— Мир велик и страшен, добрый мой слуга.
По большим дорогам разъезжает зло;
Заливает кровью пашни и луга,
Набивает звонким золотом седло.

Знай же, если наши встретятся пути,
Может быть, я, Санчо, жизнь свою отдам
Для того, чтоб этот бедный мир спасти,
Для прекраснейшей из всех прекрасных дам.

Зазвенели стремена из серебра.
Странно дрогнула седеющая бровь...
О, какая безнадежная игра —
Старая игра в безумье и любовь.

А в селе Тобосо, чистя скотный двор,
Толстая крестьянка говорит другой:
— Ах, кума, ведь сумасшедший наш сеньор
До сих пор еще волочится за мной!..

В небе пропылило несколько веков.
Люди так же умирают, любят, лгут,
Но следы несуществующих подков
Росинанта в темных душах берегут.

Потому что наша жизнь — игра теней,
Что осмеяны герои и сейчас
И что много грубоватых Дульсиной
Так же вдохновляют на безумства нас.

Вы, кто сердцем непорочны и чисты,
Вы, кого мечты о подвигах томят,—
В руки копья и картонные щиты!
Слышите, как мельницы шумят?..

СРАЖАЮЩИЙСЯ ДОН КИХОТ

Когда позолотевший сад
принес осенний плод
на Росинанте вдоль оград
проехал Дон Кихот

Как по Кастилии родной
он брел своим путем
пусть бьется с мельницей другой.
А мы на фронт идем

Смеется Панса позади
не в силах радость скрыть
«Пришел в себя мой господин
фашистов едет бить»

Когда позолотевший сад
принес осенний плод
стрелял с рабочих баррикад
отважный Дон Кихот.

СЕСТРА ДОЛОРЕС, БРАТЯ БАСКИ

Умолкла песня, стихла серенада,
Не слышно Инезилии моей.
Огнем и пламенем объята Гренада
Залита кровью женщин и детей.
Уж смех Кармен не радует Толедо —
Горячий, страстный, оборвался он.
Раздавленные дети... До рассвета
Вопль матерей летит со всех сторон.
Наваху молча точит баск суровый,
С врагом по-вражьи встретиться готовый.

На баррикадах крик единодушный
Сквозь грохот выстрелов доносится до нас:
«Позор тому, кто дрогнет, малодушный,
И смерть тому, кто родину предаст!»
На карту здесь поставлена свобода,
О помощи взывает вся страна.
И, словно гром, упавший с небосвода,
Зовет народ к отмщению она —
Пасионария, взъяренная тигрица,
Кому весь мир не устает дивиться.

Бой до конца и битва до победы!
Вот клич ее. И, отвечая ей,
Встает Астурия, вздымается Толедо,
Чтоб жизнь отдать республике своей.
Здесь каждый знаменосец, каждый воин —
Как лев израненный. Он мщением горит.
И, ошестинившись, весь город дышит боем.
Но защищен со всех сторон Мадрид.
И, не страшась раскатов грозной бури,
В рядах бойцов шагает Ибаррури.

Слыхал я, что в Испанию когда-то
Отправился пустынный Иоанн,
Чтоб разыскать грузинского собрата,
Страну Иберию среди далеких стран.
Предшественник печальный Дон Кихота,
Вторую родину искал он на пути.
Печаль многострадального народа
Гнала его... Но что он мог найти?
Не только две — одна страна родная,
И та лежала в прахе, изнывая.

Теперь Испания — дочь грозных революций —
Вот наша родина! Она взывает к нам.
Смотри туда — там наши братья бьются,
Идут за нас и погибают там.
И голосу неистовой Долорес
Ученье партии дает такую мощь,
Что для рабочих этот грозный голос
Верней и крепче, чем снарядов дождь.
В нем — революция и пламень беспримерный.
Сестра Долорес, братья баски... Тает
Гора Астурия, и кровью залит свет.
Но бьются яростно, и вся страна мужает,
И это — верное преддверие побед.

ПАСИОНАРИЯ

Я с песней на устах умру, как птица,
расправившая крылья в поднебесье.
Прощусь со всем, что дорого и мило
мне в мире этом. Взор мой обратится
к земным красотам, и со звонкой песней
сойду без страха в мягкую могилу.

О женщина с закалкою стальнойю!
Звучит твой голос, пламенный и страстный,
прокатываясь вспененной волною
из края в край страны моей прекрасной.

Охваченная горем безутешным,
Испания истерзана войною.
Мне хочется, твоим призывам внемля,
припасть губами к траурным одеждам
и целовать израненную землю.

Ты вся — огонь. Ты источаешь пламя.
Ты как миндаль весенний, искрометный,
заполыхавший яркими цветами.
У ног твоих дымится пепел мертвый.

Дочь гордых басков, земледельцев честных,
ты выросла в нагорьях величавых
сильнее ветра, тверже скал отвесных,
под стать деревьям в вековых дубравах.

Твоя походка сотрясает горы.
Сиянье солнца, корневые соки,
тебя взрастили, дали силу эту.
Твой голос слыша, движутся шахтеры
в крошечном мраке, в штреках шахт глубоких,
сквозь твердь глухую пробиваясь к свету.

Горят твои артерии, в которых
бушует кровь, кипящая от гнева.
Слова твои взрываются, как порох,
и сноп огня захлестывает небо.

Расплескивая сердце в смелом споре
с жестоким вихрем, что над миром свищет,
сражаться будешь ты отважно, стойко,
пока повсюду столько слез и горя,
и столько нищих,
и голодных столько.

Песнь о тебе поет кузнец у горна
и пастухи в горах. Рыбак выводит
на белом парусе твой профиль ясный.

В день бедствия, когда на тропах горных
заблудшие олени в страхе бродят,
им освещают путь во мгле ненастной
созвездья светляков — твой облик гордый —
и мириады искр — твой голос властный,

который из глубинных недр исходит
и рвется в небо, как горящий факел, —
как будто шепчут шахтные колодцы
губами, опаленными во мраке.
И звездный ливень по вселенной льется,
и стаи тигров отступают в страхе.

Твои слова близки простому люду,
познавшему нужду и труд кабальный.
И с именем твоим в груди повсюду
встают герои, статные, как пальмы.

Идут испанцы на поля сраженья,
где кровь струится и поют гитары,
услышав сердца твоего биенье —
набатный звон и молота удары...

ПРЕСТУПЛЕНИЕ В ГРАНАДЕ

ФЕДЕРИКО ГАРСИА ЛОРКА

МЕМЕНТО¹

*Когда умру,
схороните меня с гитарой
в речном песке.*

*Когда умру...
В апельсиновой роще старой,
в любом цветке.*

*Когда умру,
буду флюгером я на крыше,
и на ветру.*

*Тише...
когда умру!*

---

¹ Помни (лат.).

АНТОНИО МАЧАДО

ПРЕСТУПЛЕНИЕ БЫЛО В ГРАНАДЕ

I

Преступление

Он уходил, шагая среди ружей
по длинному кварталу,
туда, где над холодными полями
плыла звезда и медленно светало.
Его убили
с первыми лучами.
Никто из палачей глаза не поднял.
Была молитва краткой:
«Да не спасешься милостью господней!»
И мертвым пал на землю Федерико:
в глазах — рассвет, в груди — свинец заряда...

В Гранаде преступленье было — знайте —
в его Гранаде!.. Бедная Гранада...

II

Поэт и смерть

Он уходил, шагая с Нею рядом,
не трепеща перед холодной сталью.
«Уже бегут лучи от башни к башне
и наковальня будит наковальню...» —
он говорил. И спутница внимала
словам любви в молчанье погребальном.
«За то, что в ритмы строф моих, подруга,
удар сухих ладоней ты вплетала
и серп твой наполнял мои напевы
сверканием и холодом металла,
твое я славлю призрачное тело,
твоих очей незримые овалы,

и волосы, разметанные ветром,
и жгучий рот, от поцелуев алый.
Цыганка смерть! Как встарь, моя гитана,
под этой лаской утренней прохлады
мне хорошо наедине с тобою
в родных полях — полях моей Гранады!»

III

И он ушел...

Из камня и надежды
могильный холм ему сложите, братья,
в Альгамбре, чтобы плакали фонтаны,
над ним роняя горестные пряди,
и говорили вечно:

«Преступленье
в Гранаде свершено — в его Гранаде!»

ЭЛЕГИЯ ПОЭТУ, ПРИНЯВШЕМУ ЧУЖУЮ СМЕРТЬ

(Федерико Гарсиа Лорка)

Если смерть и ждала тебя, то не такая:
эта, злая, нарочно ошиблась тропой.
Жизнь моя не успела, вдогон окликаая,
за твоею судьбою.

А успела лишь смерть!.. Потрясенные вестью,
никнут башни и крыши в ночи беспросветной.
И река голосит, обращаясь к предместью,
и потемки стенают, крича это ветру.

Я в неволе не знал, что, прощаясь с тобою,
твоя смерть с уходящей моею прощалась.
С болью вижу теперь, с болью вижу я, с болью,
как настигло тебя то, что мне назначалось.

Смерть во славе ждала тебя, а не слепая
леденящая вспышка, пронзившая тело,
но и кровь твоя, чистый твой след огибая,
не затронула сердца, цветка не задела.

Это смерть моя пала, оставив с твоею
и меня в этой жизни — надолго ли? — бросив,
чтоб дозрел до нее и планета, светлея,
встала в золоте сжатых сегодня колосьев.

ПАВШИЙ

К Федерико

Друг, этим вечером поздним я-ощущаю:
ты — живой. Ответь мне. Я услышу тебя. Я услышу
твой голос сквозь землю, что пухом лежит
на груди твоей. Друг. Друг, живой и погибший,
я ощущаю, как пламенный голос твой
врастает в меня, в мою память,
пронзает тело мое насквозь. Но что говорит

твой голос?

Я ощущаю, как из уст твоих прорастают цветы, —
первые, ранние, непобедимые, — они тянутся к жизни.
Это — голос крови звучит или голос земли?
Это — бездна или же грудь твоя? В ней
бьется сегодня ветер, и твой голос летит ко мне.
Ты плачешь? Поёшь? Или живешь, просто живешь —
без слез?

Ты — человек, ты — сын света, и ты его ждешь теперь,
мудрец, познавший себя и мир, — там,
под тонким слоем земли?

Я не знаю. Не знаю... я смотрю на цветы, — их
овекает ласковый легкий ветер.

Но знаю, да, знаю... каждую клеткою тела я слышу
биение жизни твоей — из-под слоя земли, оттуда...

И поэтому поздним вечером — последним и скорбным,
проникающим в кровь, —
поэтому я тебя слышу. А вы, люди-слепцы,
вы идете, ему наступая на грудь! Вы, слепцы,
вы терпеливо ждете:
однажды пожнет вас властная жизнь! Вы, —
преходящая пена волны, люди без завтра,

люди забвенья.

...Только ты, только ты, бессмертное сердце, —

бейся!

НА СМЕРТЬ ФЕДЕРИКО ГАРСИА ЛОРКИ

Смотрит смерть влюбленными глазами,
сердце мертвое исходит криком,
попыхают пепельные зори

там, где расстреляли Федерико.

На земле, в тени густой оливы,
смерть стихи нашептывает тихо.
И шумят, во тьме шумят приливы

там, где расстреляли Федерико.

О, заря убийц и кардиналов,
преступленья страшная улика!
Вырастет бессмертник небывалый

там, где расстреляли Федерико.

Запевают вечером цикады,
херес по заре шелками выткан,
и цветут, во тьме цветут пионы

там, где расстреляли Федерико.

Всюду жизнь, бессмертная навеки,
обнимает камень повилика,
мчатся к морю сумрачные реки

там, где расстреляли Федерико.

Мертвые скорбят тореадоры,
лихорадит сердце злая прихоть,
и блестят, во тьме блестят навахи

там, где расстреляли Федерико.

Смотрит смерть влюбленными глазами,
алая в руках у ней гвоздика.
Отвоюем мы святую землю,
на которой умер Федерико.

ИСПАНИЯ

(Фрагменты из одноименной поэмы)

Федерико

Стучу я в двери напева:
«Эй, Федерико!..» В ответ
я слышу крик попугая:
«Нет Федерико, нет».

Стучу в стеклянные двери:
«Эй, Федерико!..» Рука
машет в сторону ночи:
«Его унесла река».

Пришел я к дому цыгана,
в дверь стучу и в окно:
«Эй, Федерико!..» Ни звука,
в доме этом темно.

Стены все обомшели,
нет в колодце ведра,
ящерицы — как плесень
посредине двора.

Медленные улитки
среди разбитых плит,
красный июльский ветер
прах руин шевелит.

Где он? Где остывает
жаркий цыганский взор?
Что же ты, Федерико,
Не идешь до сих пор!

Напев

*Ушел он воскресной ночью
и до сих пор не идет.
В руке у него был ирис,
во взгляде — весь небосвод.
Стал ирис кровью, а после
кровь превратилась в лед.*

Гарсиа Лорка

Вощеный нард, пунцовая гвоздика,
оливы под студеною луной,
весенняя Гранада, — Федерико,

ты грезил ими в тишине ночной,
в лукавом сумраке садов лимонных, —
звенело небо млечною струной,

струились звезды, ночь в просторах сонных
кисейный шлейф несла через туман
и осеняла тропы всех влюбленных.

Вдруг ты увидел связанных цыган.
«Эй, Федерико!..» Их уста молчали,
а кровь кричала из открытых ран,

и лица, пепельные от печали,
и ноги, опаленные в огне,
шагами еле слышными кричали.

Зеленые, как тени на луне,
в своем страданье озираясь дико,
они расплылись в черной тишине.

И ты над скорбной горечью их крика
вознесся в небо птицей голубой,
омытый светом всей весны! С тобой —
луна и нард, оливы и гвоздика.

СТРАШНАЯ УЛЫБКА

Памяти Гарсиа Лорки

Глаза его всего прекрасней были.
Глаза такие если глянут в небо —
одна звезда покроется румянцем
и потеряет навсегда покой;
она уронит на заре слезинку,
и та слезинка наземь упадет.
О, сколько дум в глазах его теснилось!
Какая воля отражалась в них!
Они пронзали светом города
и озаряли дальние просторы.
Быть может, для того весна явилась
и девушки кружились в легком танце,
чтоб он смотрел на них и любовался ими.
Один лишь выстрел — и глаза потухли.
И только в уголках открытых губ
навек застыла страшная улыбка.

За что? За что? Скажите мне, за что?

МИКЛОШ РАДНОТИ

ФЕДЕРИКО ГАРСИА ЛОРКА

За то, что был Испанией любим
и все влюбленные тебя твердили,
они, когда пришли, — что делать *им*? —
ты был поэтом — и тебя убили.
Народ один теперь воюет — погляди-ка,
эй, Федерико!

ГАРСИА ЛОРКА

Зеленый ветер ты! Кровь жаркая гитары!
И у цыганок свет луны дрожит в устах!
Все изменилось вмиг, и в снах Гранады старой
повозкой живодеpa правит страх...

Взметнулись выстрелы, и, словно птичьи тени,
вкруг люди падают... И ты к земле приник...
Страшились палачи твоих стихотворений —
в них звездный блеск и звездной бури вскрик.

По Андалусии трусливо смерть снует.
С ней бьется безоружный твой народ.

Но день наступит, верю,
когда нам песнь твою победный хор споет,

и вновь забытые гитары зазвучат,
сорвется жаркий вихрь с вершин Невадской Сьерры,
цыганки смех рассыплют, словно трели:
на площади сгорит повозка палача!

ПЕСНЯ О ГАРСИА ЛОРКЕ

Когда я умру,
меня скороните с гитарой.

Ф. Гарсиа Лорка

Где, где она, кровавая Гренада?
Могила где твоя?
Кто мне откроет?
Тот жеребец,
что ржет
и прах копытом роет?
Или орла спросить об этом надо,
парящего над скалами Невады?

Так далека,
так далека Гренада!
Там синью небо, как всегда, сияет
и зеленеет мирт?
Не знаю.
Но ты ведь пал, сражаясь за Гренаду.
Ведь там, где распевают сегедильи,
в земле испанской наших братьев сгнили
кровавые солдатские рубахи.

Так далека,
так далека Гренада!
Но ты нам близок!
Не скорбь несу к твоей могиле тесной.
Нет, я приду к твоей могиле с песней,
гитары зазвенит
веселый строй.
Кастильский меч о твой надгробный камень
я наточу вот этими руками
на тот — грядущий — бой!

ГОЛОСА

Песне Лорки пуля замолчать велела.
Но, как волны моря, душу мне и тело
Омывают ритмы, освежают строки
Песни долетевшей, боли черноокой.
Брат мой, угасая, — весь он был как пламя, —
«Пой!» — шепнул мне, словно передал мне знамя.
Голоса героев я ночами слышу,
Или это факелы запыляют крышу,
Прогоняя дрему, сладостную негу;
Из которой трудно выплыть человеку?..
Я знавала тоже этот плен бессилья,
Но, услышав голос, обретала крылья!

КОГДА УБИЛИ ЛОРКУ

Когда убили Лорку, —
а ведь его убили! —
жандарм дразнил молодку,
красуясь на кобыле.

Когда убили Лорку, —
а ведь его убили! —
сограждане ни ложку,
ни миску не забыли.

Поубивавшись малость,
Кармен в наряде модном
с живыми обнималась —
ведь спать не ляжешь с мертвым.

Знакомая гадалка
слонялась по халупам.
Ей Лорку было жалко,
но не гадают трупам.

Жизнь оставалась жизнью —
и запивохи рожа,
и свиньи в желтой жиже,
и за корсажем роза.

Остались юность, старость,
и нищие, и лорды.
На свете все осталось —
лишь не осталось Лорки.

И только в пыльной лавке
стояли, словно роты,
не веря смерти Лорки,
игрушки-донкихоты.

Пускай царят невежды
и лживые гадалки,
а ты живи надеждой,
игрушечный гидальго!

Средь сувенирной швали
они, вздымая горько
смешные крошки-шпаги,
кричали: «Где ты, Лорка?

Тебя ни вяз, ни ива
не скинули со счетов,
ведь ты бессмертен — ибо
из нас, из донкихотов!»

И пели травы ломко,
и журавли трубили,
что не убили Лорку,
когда его убили.

Но, говорят, в пустыне они слышнее,
отчетливей — звуки медных колоколов.
На этой земле кресты стоят, и могилы
похожи издалека на буханки хлеба,
и засуха на глазах осушила слезы,
а солнце разделено на четыре части —
оно четвертовано черным этим крестом...

О самые добрые!
Самые храбрые!
Самые нежные!

Ваше солнце четвертовано
черным могильным крестом,
а хлеб ваш —

только эти могилы,
как буханочки хлеба,
темнеющие у дороги.

Но гудящий гексаметром эпос связал континенты
и страны железным мостом,
а вы в героическом эпосе этом —
отдельные строфы и строки.

Моцарт,
играй свой реквием
на струнах ветра
в Пиренейских горах!

Встаньте, павшие за революцию,
самые добрые,
самые храбрые,
самые нежные!

Среди вас Федерико Гарсиа Лорка —
не тень и не прах,

а пахарь,
обходящий с винтовкой
поля безбрежные.

Ах, по ком звонит колокол,
о Мадрид,
этот ранний колокол

над старинными башнями,
где, как барка,
плывет мавританская арка?

Лорка! — в аэропорт врывается колокол.
Лорка! — по аэропорту медь разливает колокол.
Федерико Гарсиа Лорка!

КАЙСЫН КУЛИЕВ

Я ЗА ВАС СРАЖАЛСЯ, ПАВШИЕ

РЕКВИЕМ ФЕДЕРИКО ГАРСИА ЛОРКЕ

(Фрагменты из лирической поэмы)

О, как грустен твой день, Гранада,
Даже камни твои в слезах.

Гарсиа Лорка

У дороги, ведущей к Гранаде,
Точно дерево под топором,
Пал поэт. Он упал на землю,
На ту землю, чьи ел плоды,
Что пропахли свежей росой.
Пал на землю, куда приходят
И зима, и осень, и лето
И куда приходит весна.
Кровь поэта земля впитала,
Та земля, что дала ему кровь,
Эту кровь он вернул ей обратно.
Словно дерево одинокое,
Острым срубленное топором,
В его гордых и горьких песнях
Лорка наземь упал близ Гранады,
У дороги. О, черный час!
Поглядеть на милое небо,
В миг последний его увидеть,
Зажимая рукою рану,
Он, должно быть, все же успел...
О, увиденное перед смертью
В час последний поэта небо!
Федерико, о, Федерико!
Горе — камень, объятый пламенем!
Небо, вырос он под которым,
Небо, что для него сияло,
Небо, что для него каждый вечер
Зажигало так много звезд,
Небо, что своею лазурью

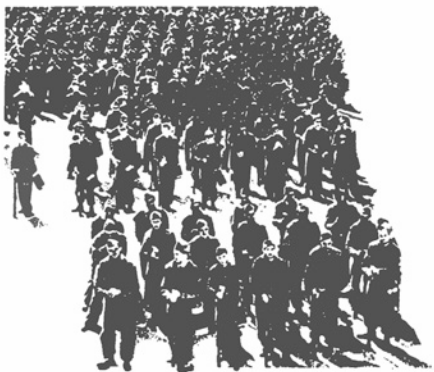
Столько раз ему счастье давало,
Небо, где облака проплывали,
Небо, что для него струило
Лунный свет, — он не мог не увидеть
В свой последний, в свой смертный миг.
Он глаза б не закрыл навеки,
Не увидев неба. И песня,
Обращенная к этому небу,
В час последний жила в его сердце...
У дороги, ведущей к Гранаде,
Сброд фашистский убил поэта,
У Гранады, его Гранады,
Что на рай бы он не променял!
Федерико, о, Федерико!
Горе — дерево обожженное.

. . . . .

На фронтах я бился с фашистами
За твою пролитую кровь,
Федерико, мой брат Федерико!
Я за всех вас сражался, павшие
От жестокой руки палачей.
За твою, Федерико, поэзию,
За поэзию всей земли
Я сражался с фашистской нечистью.
О цветах писавший так много,
Свою первую книгу назвавший
«Здравствуй, утро!» — я, если пролил
Кровь убивших тебя фашистов,
Разве буду землей обвинен я?
Разве звезды меня обвинят?
Разве станут винить меня дети
В том, что вражью я кровь проливал?
Нет! Они меня в бой послали,
Я их волю исполнил, и кровь,
Что, сражаясь за них, я пролил,
Черной кровью фашистов была,
Палачей отравленной кровью!
Если в бой не вступать с палачами,
То они убьют и поэзию.
Сердце всей поэзии мира
Их проклятые пули пробьют.
С палачами надо сражаться!
Федерико, о, Федерико!
Горе — черная весть среди ночи

Синеву андалусского неба,
И прохладу испанской Сьерры,
И испанских вкус апельсинов,
И огонь испанского танца,
И Испании радость и горе,
И отвагу тореадора
Подарил мне Гарсиа Лорка.
Даже тень понурого мула,
По тропинке бредущего в гору,
Даже боль упавшего дерева
Подарил мне Гарсиа Лорка.
Федерико, о, Федерико,
О, Гарсиа Лорка — мой брат!..

НО ПАСАРАН!

АНТОНИО МАЧАДО

МАДРИД

*Мадрид! Мадрид! Твое бессмертно имя,
Испании защитный волнолом!
Земля вздымается, и небо мечет пламя,
ты — улыбаешься, израненный свинцом.*

ОБЪЯСНЕНИЕ

Вы спросите: где же сирень,
где метафизика, усыпанная маками,
где дождь, что выстукивал слова,
полные пауз и птиц?

Я вам расскажу, что со мною случилось.

Я жил в Мадриде, в квартале,
где много колоколен,
много башенных часов и деревьев.

Оттуда я видел
сухое лицо Кастилии:
океан из кожи.
Мой дом называли «домом цветов».
Повсюду цвела герань.
Это был веселый дом
с собаками и с детьми.
Помнишь, Рауль?
Помнишь, Рафаэль?
Федерико, ты под землей, ты помнишь балкон?
Июнь метал цветы в твой рот.

Все окрест было громким:
горы взволнованных хлебов,
базар Аргуэльес и памятник,
как чернильница, среди рыбин.
Оливковое масло текло в жбаны.

Сердцебиение ног заполняло улицы.
Метры, литры. Острый настой жизни.
Груды судаков. Крыши
и усталая стрелка на холодном солнце.
Слоновая кость картошки,
а помидоры — до самого моря.

В одно утро все загорелось.
Из-под земли вышел огонь,
он пожирал живых.
С тех пор — огонь,
с тех пор — порох,
с тех пор — кровь.
Разбойники с марокканцами и самолетами,
разбойники с перстнями и герцогинями,
разбойники с монахами,
                    благословлявшими убийц,
пришли,
и по улицам кровь детей
текла просто как кровь детей.

Шакалы, от которых отступятся шакалы,
гадюки — их возненавидят гадюки,
камни — их выплюнет репейник.

Я видел, как в ответ поднялась кровь Испании,
чтобы потопить вас
в одной волне
гордости и ножей.

Предатели генералы,
посмотрите на мой мертвый дом,
на разломанную Испанию.
Но из каждого мертвого дома,
вместо цветов,
подымается сталь.
Но с каждого пустыря Испании
встает Испания.
Но из каждого убитого ребенка
прорастает ружье с глазами.
Но из каждого преступления
рождаются пули,
они заменят вам сердце.

Вы спрашиваете, почему я не говорю
о мечтах,
о листьях,
о больших вулканах моей жизни?

Смотрите: на улице кровь.
Смотрите:
кровь
на улице!

ОБОРОНА МАДРИДА

Мадрид — сердце Испании —
бьется как в лихорадке.
В нем бурно взволнованной крови
все яростней клочкотание.
Эта кровь не утихомирится,
к рассвету сном не забудется,
а если Мадрид задремлет,
вовремя он пробудится.
Мадрид, не забудь о подвиге,
Мадрид, позабудь усталость!
Помни — зрачками подлыми
враги на тебя уставились.
В небе кружатся коршуны,
вниз готовые ринуться —
на крыши, что кровью окрашены,
на площади и на улицы.
Мадрид! Пускай не посмеют
сказать о тебе иные,
что в жарком сердце Испании
кровь превратилась в иней.
Истоки отваги и мужества
еще в тебе не иссякли.
Огромные реки ужаса
оттуда возьмут начало.
Пусть каждый квартал и улица,
когда этот час настанет,
сильнее крепости встанет.
Пусть враг попробует сунется!
Здесь люди — как бастионы,
их лбы — угловые башни,
их руки — огромные стены,
за ними стоять не страшно.
Кто рвется к сердцу Испании,
пускай попробует сунется.

Скорей! Мадрид не достанешь.
Мадрид умеет сражаться
ногтями, локтями, зубами,
руками, боками, грудью,
суровый и непреклонный,
строгий, возле зеленого
Тахо, в Навальперале,
в Сигуэнсе, где пули, пули
свищут, жужжат, как пчелы,
чтоб кровь его заledenела.
Мадрид — сердце Испании,
оно из земли и глины,
и если разрыть эту землю,
там будет большое отверстие,
как будто пропасть отверстая.
Лишь в нее вмещается смерть!

ВЛАДИСЛАВ БРОНЕВСКИЙ

ЧЕСТЬ И ГРАНАТА

Лезут фашисты. Прут марокканцы.
Грозно кулак вздымается сжатый:
небо Мадрида в кровавом багрянце.
Честь и граната! Честь и граната!

Честь и граната — доблесть, и сила,
и обновляющаяся отчизна...
Сжатый кулак, чтоб верней сокрушил он
черные батальоны фашизма.

Рвутся снаряды в небе Мадрида,
пахнут знамена кровью и гарью.
Честь и граната! Слава убитым!
Ружья солдатам! *Arríba párias!*¹

Вышли литейщики и рудокопы,
вышли кастильские хлебопашцы
в битву за фабрики и за копи,
в битву за землю, в битву за пашни.

. . . . .

Бьются мадридцы в кровавой пене,
и гвадаррамцы, и самосьеррцы...
Пролетарии не падут на колени,
стоя глядят они в очи смерти.

Республиканцы, разите вернее.
Братья испанцы, слушайте брата:
я вам бросаю за Пиренеи
сердца поэта — честь и граната!

---

¹ Вставайте, отверженные! — начальные слова пролетарского гимна «Интернационал» на испанском языке.

МАДРИД И ЕГО ВРАГИ

На высотах Карабанчеля
я их увидел впервые —
вдали, у Каса дель Кампо,
где рощи растут вековые.
Вдалеке они были похожи
на муравьев суетливых.
И кто бы тогда подумал,
что с этих предгорий мирных
хлынет на розовый город
стальной многотонный ливень!
Я видел их из окошка,
откуда весь Пардо виден,
и Кампо дель Моро, и Сьерра —
Веласкес ею гордился.
Но Сьерру уже окружили,
там больше не было мира:
там был лишь бой барабанный,
и вой снарядов, и взрывы.
Те, которых в тот день
я в Мадриде впервые увидел,
у нас отобрали все,
что мы называли жизнью, —
книгу, дом и очаг,
даже воздуха нас лишили —
не долетает в Мадрид
свежий воздух горной вершины.
Я знаю, что на земле
не счесть городов красивых,
старинных сказочных парков,
уголков поэзии чистой.
Но для меня сегодня
всего дороже Вастильяс,
и Шамбери, и Монклоа,
Кастельяна, и Буэнависта.

Эта родная почва —
плоть и кровь моей жизни,
всходы сокровищ духовных
и школа любви к отчизне.
Мадрид — это я и ты,
и мы, и все наши жизни;
хороши они или плохи —
время их возьмет все едино.
Это в нас с тобою живут
Веласкес, Гойя, Сетина,
Кальдерон, Эль Греко и Лопе,
Сервантес, Чуэка, Соррилья.
В нас живут все эти дома,
пусть от них остались руины,
эти сорванные балконы
и снесенные взрывом крыши.
То не просто балконы и крыши
в нереальном, призрачном мире —
это все — наша плоть и кровь,
кровь потомства семьи единой,
испанской — пылкой, бунтарской,
в раздорах часто повинной,
но духом всегда благородной,
словно струи фонтана живые.
Пусть оспорят меня, если смогут,
кондоры наших Индий,
и пути каравелл в океане,
и Европа, что нас забыла
и лишь затем вспоминает,
чтобы нас погрести в руинах.

ПОД МАДРИДОМ

I

Под Мадридом
крутой транспортер рассвета
растет; мерцанием неясным одето,
с востока, что пепельно-сиз,
утро, — раскрытый веер видом, —
смотрит со взгорья вниз
в удивленье:

среди бойцов, готовых к защите,
твердой шагают ногою —
кто? — поглядите:
Веласкес и Гойя!

Глаза ослепляет это виденье.
Чудо какое-то! Волей судеб —
мифам надо бы в землю зарыться! —
глядите, кто не совсем ослеп:

там и Печального Образа Рыцарь —
сам Дон Кихот,
и Санчо Панса за ним идет!

Слышится: воздух крылатым шорохом
полон — это орлиный лёт;
звон оружия снова, пахнет порохом —
вновь наступленье, опять вперед!

II

Под Мадридом
новые Аттила и Ганнибал
стоят у ворот, подобно бандитам,
как Наполеон под Москвой стоял, —

в то время как на магистралях,
в грохоте взрывов, вслед воздушной эскадре,
исчезающей в далах,
ребенка сраженного тянется крик:
«mi padre, mi padre!»¹

Я чувствую сердцем поэта,
что во всех странах света
каждый бы в муке головою поник,
слыша детский стон замирающий,
видя взор застывающий
испуганных смертью зрачков!..

Но бесплодно умолк этот зов,
детской боли никто не заметил:
в окопах отец, за свободу борясь,
грудью пулю фашистскую встретил;
мать — хоронить его поплелась...
Лишь печально и гордо смотрит Кастилия,
как сломана ее красная лилия...

III

Город-мученик! Место пытки твоей —
плоскогорье суровое, где ты распят жестоко.
Ты железом засыпан до самых ушей,
медью, пеплом и серой; ты роешь траншеи,
ты живым зарываешься в землю глубоко,
ни ночью, ни днем отдохнуть не смея, —
но проклятья твои меткий шлет пулемет
всем, кто на дорогах твоих встает!

Город-герой! И моя рука
поднята здесь на твою защиту.
Мир не устанет бороться, пока
не придется увидеть праздник победы,
чтобы свобода, кровью добытая,
вознаградила за прошлые беды
народ, что, как пчелы собирая мед,
силу свою в кулак сожмет!

---

¹ «Отец, отец!» (исп.)

ТРЕВОГА

Мадрид, Мадрид, отовсюду
К твоим воротам, жилищам
Тянется черная морда,
Зверь подбирается хищный.
Теперь отдыхать не время.
Вставайте! На бой, мадридцы!
В воздухе пахнет железом,
Тьму рассекают зарницы,
Небо трясется от залпов,
Земля, содрогаясь, мечет
Трагические фонтаны
Из пороха и картечи.
Аэропланы фашистов
Уже стрекочут зловеще.
Гранаты уничтожают
Детей, стариков и женщин.
Мадрид, Мадрид, над тобою
Нависла эта угроза.
Скорей, скорей к оружию,
К оружию, пока не поздно!
Все на последнюю битву
С ордами гнусных пришельцев,
С предателями отчизны,
С наемной челядью немцев!
Пора, мадридцы, к оружию!
Уже готовый к удару,
Фашистский зверь над столицей
Занес когтистую лапу.
Кому дорогá свобода,
Кому дорогá надежда,
И хлеб, и дети, и счастье,
И завтрашняя победа,—
Все на защиту Мадрида!

Скорей подойдите к окнам,
Прислушайтесь к этим залпам!
Теперь отдыхать — позорно.
Холодным утром иль ночью,
Сейчас, сегодня иль завтра
Черные орды фашистов
Бросятся, хлынут внезапно,
Грозя неистовым штурмом
Твердыне нашей столицы.
Вам говорю я, испанцы,
Вам говорю я, мадридцы;
Пятым полком я направлен,
Чтоб вы, товарищи, знали:
Это решается участь
Республиканской Испании!
Сюда, земляки, спешите
Страну отстаивать грудью!
Мадридцы, вас ждут винтовки.
Скорей! К оружию, к оружию!

МАРШ ПЯТОГО ПОЛКА

В бой, стальные батальоны!
Бей врага, непобедимая пехота!
Слышишь, грохот звучит на заре —
грохот пушки, миномета, пулемета.

В бой, бойцы и командиры,
с ясным сердцем — сквозь огонь и
испытанья!
Ты идешь воевать, Пятый полк,
чтоб счастливою стала Испания.

Кровь Испании взывает.
Пятый полк, ты готов для походов.
Вместе с ветром испанским лети
в бой за мир и за хлеб для народа.

Наша храбрость беспредельна,
ну, а прочее — имеет ли значенье?
Стой как крепость! Ни шагу назад!
Вместе с Пятым полком — в наступленье!

Как атака — так победа,
что ни пуля — смерть взбесившейся собаки!
Пусть трепещет фашистская мразь,
как прослышит про наши атаки!

Штык вперед, смелей, солдаты,
ветер боя поет в отдаленье.
Заряжай, и врага — на прицел.
Вместе с Пятым полком — в наступленье!

В бой, товарищи-герои,
там, под солнцем, перед вами поле боя.
Тверже шаг, взгляд нацельте туда,
где смыкается небо с землею.

В бой, народ, нас ждет победа!
Не сломить нашу волю и отвагу.
Славься, наш гордый полк, Пятый полк!
В бой, друзья, и назад — ни шагу!

я из пятого полка

«Я завтра дом родной покину,
оставлю пашню и быка».
«Привет! Скажи, а кем ты станешь?»
«Солдатом Пятого полка.

Пойду я по горам и долам,
воды не будет ни глотка,
но будет торжество и слава:
ведь я из Пятого полка!»

ПЯТЫЙ ПОЛК

Ветер, кастильский ветер,
правда в тебе и сказка,
ласков ты и неласков,
звонкий и молчаливый.
От двух матерей ты, ветер, —
магнолии и оливы.
Республиканское знамя,
ветер в тебе, и пламя,
и кровь испанского сердца.
Тебя поднимают солдаты
полка, что зовется Пятым.
Знамя, винтовка, ветер,
горький кастильский ветер.
Настежь раскрыто сердце,
кровь запекает тихо,
кровь обретает выход
из обнаженного сердца —
выход на жаркий ветер,
на ветер, кастильский ветер.
Ветер морской и рабочий,
он крылья мельниц ворочал,
ветер страды военной —
он бьет, сокрушая стены,
он мчится, прямой и грозный,
и путь его неизменный —
к далеким, но ясным звездам.

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

МАДРИДСКАЯ ПЕСЕНКА

Четыре генерала,
четыре генерала,
четыре генерала,
    моя мамита,
        убить их мало,
        убить их мало.

Страну, не дрогнув бровью,
страну, не дрогнув бровью,
страну, не дрогнув бровью,
    моя мамита,
        залили кровью,
        залили кровью.

Широкий мост Французский,
широкий мост Французский,
широкий мост Французский,
    моя мамита,
        для них он узкий,
        для них он узкий!

Их ждали здесь не лавры,
их ждали здесь не лавры,
их ждали здесь не лавры,
    моя мамита,
        мертвы их мавры,
        мертвы их мавры.

Конец всей песни весел,
конец всей песни весел,
конец всей песни весел,
    моя мамита,
        мы их повесим,
        мы их повесим.

Вокруг Мадрида панцирь,
вокруг Мадрида панцирь,
вокруг Мадрида панцирь,
    моя мамита,
        ведь мы испанцы,
        ведь мы испанцы.

НО ПАСАРАН!

Ни присягу нарушивший капитан,
ни темный наемник из мусульман,
ни из-за угла наводящий наган,
ни шляющийся по салонам болван,
ни банкир, молящийся на чистоган,
ни епископ, шаманящий под орган,
и ни прочий клир, и ни весь их клан,
ни чужие фашисты из неких стран —
они не пройдут! Но пасаран!

Сколько раз они назначали дату —
ни капитану, ни его солдатам,
ни мавру, льющему кровь за плату,
ни тем, из пятой колонны, проклятым,
ни молодым шалопаям богатым,
ни банкирам и ни прелатам,
ни сеющим бомбы бандитам крылатым
и никаким другим пиратам
не взять Мадрида! Куда там!

Не поможет ни Библия им, ни Коран —
они не пройдут! Но пасаран!

ЭМИЛИО ПРАДОС

ОБМАНУТЫЙ МАВР

(Фрагмент)

Возвращайся в Африку, мавр,
но винтовку сожми покрепче
и горячее пламя битвы
сохрани в неистовом сердце.
В отчизне твоей далекой
матери, жены и дети
сражаются за свободу,
чтоб вызволить землю из плена,
чтоб избавить ее от власти
хозяев твоих бесчестных.
Неужели не слышишь ты, мавр,
как дрожат тюремные стены,
как среди ликующих криков
распадаются тяжкие цепи?
Не стань же предателем, мавр,
ведь ты отважен и честен;
скорей домой возвращайся,
не оставь в беде свою землю!
Помоги землякам беззащитным
в борьбе против псов неверных,
ведь здесь ты, не ведая правды,
защищаешь тех, кто вас предал.
Возвращайся в Африку, мавр,
пойми, что твой кровный недруг
тот, кто обманом и ложью
меж нами вражду посеял.
Скорей, скорей возвращайся
домой, в родные селенья, —
там ждут тебя верные люди,
а здесь ждут снега и ветер.
Растение жаркой пустыни,
ты погибнешь на склонах сьерры.

Опомнись, обманутый мавр,
выйди на свет из тени,
обрати против тех оружие,
кто насильно здесь тебя держит.
Мы тоже хотим свободы,
а ты нам желаешь смерти —
отравлено черным ядом
твое простодушное сердце.
Мавр, давай за свободу
будем сражаться вместе,
только ищи свободу
в Африке, а не здесь ты.
Разве можешь ты стать свободным,
на других налагая цепи,
покинув своих собратьев
в горести и унижение,
для них и для нас ты станешь
предателем подлым навеки.
Возвращайся в Африку, мавр,
здесь везде расставлены сети
смертью неумолимой...
А в Африке солнце светит!
Возвращайся в Африку, мавр,
мавр, воздух Испании вреден,
ведь за деньги тебя не купили,
тебя продали, мавр, за деньги!

МАДРИД ФРОНТОВОЙ

Черный вечер, дождь и слякоть,
звон трамваев и солдаты.

На шоссе неразбериха:
люди, тачки и повозки
с деревенским скарбом бедным,
и навьюченные мулы,
и расплывчатые лица
беженцев из-под Толедо,
старики, старухи, дети,
женщины в лохмотьях грязных,
а недавно все селенье
их нарядом любовалось.

Все молчат, и все уходят,
мы уходим вслед за всеми,
от войны ли, на войну ли, —
кажется, нас ветер гонит,
словно в осень золотую
оппадающие листья.

Мимо нас идут машины
и цепочками солдаты,
мимо, мимо, в непогоду,
в неизвестность, мрак и слякоть,
на грузовиках военных,
все изодранные в клочья,
красные флажки трепещут,
словно вестники победы.
Рядом в очереди длинной
женщины стоят за хлебом,
молоком и чечевицей.
Тротуар стеклом засыпан,
вместо окон ясноглазых
у домов зияют раны,
развороченные дыры,
леденящие провалы.

Исковерканные рельсы
встали грозными рогами,
и оцеплены кварталы,
те, где дым встает плюмажем,
где мешки и баррикады,
где, бывало, мы сидели,
глядя в ласковое небо
простодушного Мадрида,
растворившего все двери
для высоких чувств и ветра.
Я мечусь, как рыба в банке,
и по городу блуждаю,
тишину взрывая шагом.
Вот спускаюсь я под землю.
Все метро битком набито:
спят на станциях вповалку
семьи целые без крова,
воздух спертый и тяжелый,
стойкий, едкий запах хлева.
Вновь наверх я поднимаюсь,
выхожу в ненастный вечер.
Некуда идти мне, словно
заперт я в железной клетке.
По асфальтовому небу
воронье кругами чертит,
ожидая смерти слабых...
Черный вечер, дождь и слякоть,
звон трамваев и солдаты.

* * *

Отряды нищих бьются за Мадрид,
идут через Париж, Нью-Йорк и Лондон,
клея колені каменных святых
готическими пальцами голодных.
Бродяги, христарадники, с колен,
у римских стен, на мексиканских плитах,
кричат Христу, моля за Сантандер,
в бою без победивших и разбитых.
И, древней муке вверясь до конца,
у ног толпы дерутся, насмерть стоя,
и отливают слезы из свинца,
и, нищие, сражают нищетою.

Полки мольбы, где жалуется гнев,
где ярость побивается устало,
где замерло в протянутой руке
оружье, незнакомое с металлом,
убогий безответный легион,
они встают со стоном у ограды —
и бьют в упор запуганной мольбой
из каждой раны —
да! — из каждой раны.

Их тьма, осатанелых и босых:
безликие, без имени, без дома,
идут потенциальные бойцы,
беспалая рука на горле грома.

Крупницы жалких крох,
заплаты, словно воинские званья,
двойные дула ружей —
кровь и кровь...

Поэт приветствует оружие страданья!

**ПРИБЫТИЕ В МАДРИД
ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЙ БРИГАДЫ**

Утром, в холодный месяц,
в месяц ненастья, замазанный грязью и дымом,
в грустный месяц осады,
когда, щерясь, выли шакалы Марокко,
когда мы ни на что больше не надеялись,
когда мир казался добычей чудовищ, —
ломая легкий лед холодного утра,
в раннем тумане Мадрида
я увидел в туманное утро —
этим сердцем, что видит, —
шли вы:
нежная и зрелая, светлая, крепкая
бригада камня.
Это было время тоски, и разлука
жгла женщин, как уголь.
Испанская смерть,
что острее и терпче всех смертей,
бродила по полю, дотоле гордому хлебом.

На улице кровь людей
смешивалась с водой,
которая вытекала
из сердца разрушенного дома.
Невыносимое молчанье матерей,
глаза детей, навеки закрытые,
все было грустью, ущербом, утратой —
убитый сад, вытопанная вера.

Товарищи, тогда я вас увидел,
и мои глаза еще полны гордостью:
я увидел в туманное утро —
стойкие и спокойные,

с винтовками,
с голубыми глазами
вы уходили на фронт Кастилии,
пришедшие издалека,
из ваших потерянных родин, из ваших снов,
чтобы отстоять испанский город,
где раненая свобода
не знала, протянет ли она до ночи.

Братья,
пусть ребенок и муж, женщины, старцы
узнают вашу высокую повесть,
пусть она дойдет до сердец без надежды,
пусть пронесется по шахтам, полным удушья,
пусть спустится вниз

по бесчеловечной лестнице рабства.

Пусть все звезды, все колосья Кастилии и мира
запишут ваши имена, вашу суровую борьбу,
вашу победу, тяжелую и теплую, как сердце дуба.

Ибо вашей жертвой вы возродили доверье
к земле,
вашей щедростью и вашей смертью, —
река среди кровавых скал,
стальные голуби, надежда.

АЛАДАР КОМЪЯТ

МАРШ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫХ БРИГАД

Перед Мадридом дружно на страже
наши бригады в огне стоят.
Нет, нас не сломишь силою вражьей,
нет, не страшны нам танки и ад!

Все сокрушительней, все победней
освободительный наш поход.
Братья, вперед! К победе последней!
Многоязыкий отряд, вперед!

Мы однолюбь, хоть многоязыки.
Всякий, кто любит свободу, вставай!
Наших проклятий грозные клики
буря несет из края в край.

Все сокрушительней, все победней
освободительный наш поход.
Братья, вперед! К победе последней!
Многоязыкий отряд, вперед!

Перед Мадридом дружно на страже
несокрушимой стоим стеной,
перед Мадридом мертвые даже
рвутся, проснувшись, в яростный бой!

Все сокрушительней, все победней
освободительный наш поход.
Братья, вперед! К победе последней!
Многоязыкий отряд, вперед!

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫМ БРИГАДАМ

Вы пришли издалека... Но что такое «далеко»
для вашей крови, чья песня не признает границы.
Смерть, не зная пощады, вас выкликает до срока
на каждом поле, в пути, на площадях столицы.

Из каждой страны, из той, из великой, из малой,
из той, что видна на карте только пятном туманным,
вы явились сюда со своей мечтой небывалой,
и корни у вас одни, хоть каждый стал безымянным.

Вы даже не видели краску на этих стенах суровых,
когда из-под них в атаку ходили железным строем,
вы защищаете землю, в которую вас зароят,
кровью своей и смертью, смертью, одетой боем.

Вам говорят деревья: братья, оставайтесь с нами!
Так желают деревья, равнины, частицы света,
так возглашает чувство, колеблемое волнами.
Братья, оставайтесь с нами! Мадрид воздаст вам

за это!

ПЕСНЯ О ЛЕТЧИКЕ

Встает над Мадридом обычное утро,
Заря золотая плывет.
И летчик Республики
С ветром попутным
Торопится в дальний полет.

«Как звать тебя, сокол?»
Но скроется сокол,
Лишь в небе пропеллера гром;
Заоблачным краем,
Дорогой высокой
Летит он на битву с врагом.

Под ним дорогие сияют просторы
Навеки любимой земли —
Поля, и равнины,
И снежные горы,
И синее море вдали.

И страх соколиному сердцу неведом,
Оно устремляется в бой,
И знает боец: эскадрильи победы
Еще прошумят над землей.

А если погибнет он, полный отваги,
Друзья загрузят на заре
О Пьере в Париже,
О Петере в Праге,
А я загрущу о Петре.

ЕВГЕНИЙ ДОЛМАТОВСКИЙ

ВОЛЮНТАРИО¹

(Фрагмент из поэмы «Добровольцы»)

Бомбят Мадрид. Огромный древний город
Лежит, раскинув каменные руки.
Вой бомб и вой сирен — как голос горя.
Дрожит земля в невыносимой муке.
Клыкастый «юнкерс» ходит деловито,
Выискивая цели, завывая.
Беспомощное гуканье зениток,
И крики в опрокинутом трамвае.
Оцепененье, и толчок удара,
И дым пожара, черный дым пожара.

И вдруг как будто небо прочеркнули
Несущиеся строем крылья «чаек»,
Полетом звонким бронебойной пули
Тяжелое гудение встречая, —
И закружился бой кольцом Сатурна,
Седое небо сделалось ареной.
Снующих самолетов блеск латунный
Уходит выше, в глубину вселенной.
И, выпустив огня короткий росчерк,
Кренится на крыло бомбардировщик.

А там, внизу, на длинных плоских крышах
Толпятся жители и смотрят в небо.
Сейчас весь город из убежищ вышел:
Сидеть в подвалах для южан нелепо.
Смертельной красотой воздушной схватки
Взволнован весь Мадрид. Он ждет итога.
Вот «юнкерс» заметался в лихорадке
И на земле, не в небе ищет бога.
Летит, объятый пламенем зловещим,
И весь Мадрид победе рукоплещет.

---

¹ Доброволец (исп.).

...За городом зеленая равнина.
На ней сейчас аэродром «курносых».
Здесь приземлился и открыл кабину
Голубоглазый и русоволосый
Пилот Республики, сеньор Родригес,
Товарищ Карлос... Знаешь, это имя
Один мой друг в одной испанской книге
Нашел, когда мы были молодыми.
Но я об этом вспоминать не вправе.
Поговорим о мужестве и славе.

.....

Он вылетает в черное пространство,
Где ходит враг, определив по гуду.
Курносый самолет республиканца
Появится неведомо откуда.
Как вестник справедливости и мести,
Летит Родригес на ночную битву.
Два добровольца поднялись с ним вместе,
И каждый что-то шепчет. Не молитву,
А песню, что пленила эскадрилью:
«Мы рождены, чтоб сказку сделать былью».

Он ищет, ищет в крестике прицела
Свою мишень. Он жадно ищет, боя
И «фокке-вульфа» клепаное тело
В отсветах лунных видит под собою
И черный крест с загнутыми краями...
Сейчас, воздушным вопреки законам,
Он мог бы задушить его руками,
Сойдясь, как в сказке, — человек с драконом.
Сраженье — на виду у всей вселенной,
И, словно мысли, выстрелы мгновенны.

И падает противник, как комета...
Немного покружившись для порядка,
Родригес приземлился до рассвета
И входит в командирскую палатку.
«Как было дело?» — «Он ходил за тучей,
Я вынырнул и по хребту ударил».
«А знаешь ли, что это первый случай
Ночной победы? Это ж подвиг, парень!»
«Не разобрался я в горячке боя,
Кто сбил врага. Нас в небе было трое».

ТОВАРИЩ

(Поэма)

1

Сперва ему еще казалось,
Что он решетки тут согнет,
И жизнь его не умещалась
За их железный переплет.

Грудь молча стены обступали,
О своды билась голова,
А ноги на полу решали
Все те же вечных — дважды два.

Здесь перестал ты быть скитальцем,
Здесь без оков одна душа;
Тюрьма считает дни по пальцам,
Их погибает не спеша.

Покуда время еле-еле
Ползет в тюремной тишине,
Ты, как безумный, ищешь щели
В непроницаемой стене.

И каждый день однообразно,
Увидев сторожа с судком,
Ты пальцы сводишь от соблазна
Его оставить под замком.

И в каждую грозу ты снова
Упрямо просишь дальний гром
Испепелить твои оковы
Багровых молний языком.

Не бей об стену кулаками,
С ней спор не выдержит рука,
Кирпич века срастили в камень,
И стал он крепок, как века.

Но слушай, слушай! Непреклонно
Пушай живет в твоих ушах
Далекий, многомиллионный
Шаг на московских площадях.

И ты привыкнешь постепенно
Ловить, как отзвук тех шагов,
Шум наших дум, что через стены
Идут в атаку на врагов.

Не властны камень и известка
Над нашею живой душой,
Сквозь них с мадридских перекрестков
К нам в камеры влетает бой.

Пусть завтра карцер мой пустует,
Но тем, что в ночь меня убьют,
Сто камер словом: «Протестую!» —
С утра пощечин надают.

О прошлом вдруг нахлынут думы:
Разлука с домом, пыльный шлях
И слезы матери, угрюмо
Так и застывшие в глазах.

Асфальт расторгся под ногами,
Распалась надвое стена,
И ты неслышными шагами
Все ходишь дотемна.

Не по тюремным серым плитам,
Не по казенным злым камням,
А по тропинкам, по забытым,
Полынью пахнущим полям.

С тобою рядом шляхом дальним
Пылят жандармы с двух сторон,
А сзади с шелестом печальным
Березы отдают поклон.

4

Ты к камере своей привязан,
Ты выучил тюремный стук,
Ты карцером пять раз наказан
В алфавите за каждый звук.

Ты понимаешь с полуслова
Намеки через три стены,
И запросто с тобою снова
Товарищи со всей страны.

Как старый политзаключенный,
Ты можешь запустить «коня», —
С запискою шпагат крученный —
К соседу среди бела дня.

Очередной доклад без сна
Приняв по буквам терпеливо,
Ты рад: какая перспектива
Из камеры твоей видна!

Тебя с взведенными курками
Ведут на суд, чтоб срок добавить,
И ты, вернувшись, окнам камер
На пальцах объясняешь: «Пять!»

5

Франко готовит мавров к штурму,
Чтобы Мадрид свободный взять,
И пан министр Грабовский в тюрьмах
Решил нас тоже штурмовать.

Он двинул голод в наступленье
На маленький Мадрид в тюрьме,
Но мы пока в своем уме,
Умрем, но не согнем колени.

Был парень в карцер брошен снова,
В мешок из камня, без окон.
Наверх из карцера сырого
С колючим кашлем вышел он.

И сразу же к стене, и сразу
Соседу выстукать спешит:
«Как там франкистская зараза?
Как держится там наш Мадрид?»

Вплоть до тюремного обеда
Лежал, стараясь не грустить,
Потом у верхнего соседа
Решил махорки попросить.

Но у соседа нет махорки,
Лишь в мыслях можно дым пускать
И фалангистов на все корки
С Грабовским заодно ругать.

6

Сны о Мадриде над тюрьмою
Тревожно к западу плывут.
Душа болит? Крепись душою!
Салют, Испания! Салют!

Весь день с Грабовским он воюет,
Но лишь отворит двери сон —
С Интербригадой марширует
Дорогою к Мадриду он.

Но почему вдруг, словно связан,
Нельзя рукою шевельнуть?
Огромный марокканец сразу
Сжал горло и налег на грудь...

Очнулся весь в поту, усталый,
В ушах еще орудий гром,
А за окном уж засвистала
Тюрьма своим беззубым ртом.

Поднялся с койки: что за пятна?
Шатнувшись, плюнул, поднял бровь,
Еще раз плюнул — снова кровь.
И больше не смотрел. Понятно.

Ломая о решетки крылья,
 День все горел и не сгорал;
 Горшок с похлебкой остывал,
 Есть не хотелось — от бессилья.

Взял книгу — буквы в ней горели.
 Листы пылали, как костер.
 Рукою дотянувшись еле,
 Он пересохший рот обтер.

Кувшин в углу как будто рядом,
 Но, смерив пять шагов пути
 Пылающим от жажды взглядом,
 Он трезво понял — не дойти.

Поднялся. Ухо уловило
 Знакомый стук, — припал к стене:
 То пулеметы слышно было,
 То крик «Камрадос!» в тишине.

«Нет, не могу, пока прилягу,
 Пусть жар к утру перегорит.
 Малага ты, моя Малага,
 Высокий мой, родной Мадрид!

Долóрес, слушай, поскорее
 Скажи им — ни на шаг назад!
 Я встану, я еще успею
 К атаке всех интербригад!»

В бреду поднялся до рассвета
 И так стучал, в огне горя,
 Что за тремя стенами где-то
 Стук поднял с нар секретаря.

Слез на пол секретарь усталый
 И нехотя к стене приник,
 Но эхо складывать вдруг стало
 Из мертвых букв пылавший крик:

«Я ждать... не в силах... Там сражение...
 Там без меня... мой взвод стоит...
 Дай, секретарь, мне открепление,
 Пусти... меня... на фронт... в Мадрид».

«Наверно, парень шутит с нами, —
Подумал секретарь. — Пускай».
И, улыбнувшись под усами,
«Согласен! — стукнул. — Поезжай!»

Не понял, секретарь, не понял,
О чем твой коммунист просил,
Когда пылающей ладонью
Он, умирая, в стену бил.

Не сможешь завтра ты без боли
Узнать, как недогадлив был,
И вспомнить, что ему позволил,
Куда его ты отпустил...

9

День занялся сырой, осторожный,
Как каждый день, свистел свисток,
Впервые на поверку можно
Ему не вскакивать с досок.

В конторе принесенных мамой
Уже не взвесят сухарей,
И врач не проскрипит упрямо:
— Здоров как бык, вставай живей!

Сломались перед сердца силой
Решеток сталь и стен бетон,
Сквозь них из камеры постылой
В Мадрид ушел сражаться он.

Мамуся, родна матери, мама!
Сто раз оплачь, но не забудь
Фигурку хлопца, что упрямо
Ушел из хаты в этот путь.

Ушел, тебе оставив слезы,
Ушел, чтоб не вернуться к нам —
Ни к Белоруссии березам,
Ни к тихим матери рукам.

На нарах, грязных и холодных,
Лежит он телом, где упал,
А сердцем на ветру походном
Пылает с пиренейских скал!

ПОЖЕЛАНИЯ

(Фрагмент)

Если б я был облаком летучим,
дуновеньем реял бы по тучам.
Если бы по небу голубому
я понесся далеко от дома,
не туда б летел я, где, качая
парусные корабли и чаек,
плел бы из меня прохладный ветер
ярких роз гирлянды на рассвете;
полетел бы я туда, где жгуче
греет солнце грозовые тучи,
в них накапливая, как червонцы,
быстрых молний маленькие солнца;
не резвился бы я в небе синем,
не носился с ветром по вершинам,
под сияньем месяца не стлался,
отражением своим в озерах
разочарованно не любовался,
плавая в просторах...
В тучу бы сгустился я туманом,
зазмеился б огненным изломом,
загремел бы грозно гулким громом,
словно трубами, пред ураганом;
долетел бы до того уступа,
где слетелись коршуны у трупов,
где встает скалистыми горами
Сьерра Гвадаррама...
Слышишь, как над пропастью на кручи
двигаются грозовые тучи?
Это молний батареи!
Там, ударив градом по граниту,
я гремел бы, молниями рея,
путь загородив врагам к Мадриду!

ИСПАНИЯ

Чем ты была обычно для меня?
Ничем.

Почти погибшая страна
гидальго, голых гор...
Чем ты была обычно для меня?
Костром
любви жестокой,
что упивается несыто
кровью,
сверканьем скрещенных шпаг,
гитарой
и треском кастаньет:
всё — страсть,
и набожность,
и ревность, что ни шаг...

Теперь ты — жизнь моя, кипучий
мой полдень, гордая судьба.
Я обручен, я неразлучен
с тобой, пока идет борьба.

Теперь свое обрел я счастье
в твоих успехах боевых.
Я весь — в твоей могучей власти,
мой подвиг — в подвигах твоих.

И на уме одно: победа!
У пулемета в землю врыт,
дерусь на улицах Толедо,
дерусь у стен твоих, Мадрид,

Вот рядом — блуза голубая:
рабочий пулею прошит,
и кровь, с виска его стекая,
горячим ручейком бежит...

То кровь — моя: по этим венам
Течет, как в нем она текла —
моем напарнике бессменном
у ланкаширского котла,

где мы с лопатами стояли
у огнедышащих печей...
Нас не согнули, не сломали
гнев и посулы палачей.

Спокойно спи... В меня вольется
святая кровь твоя, мой друг,
и новой силой отзовется,
и землю оживит вокруг.

И, заалев на черных пашнях
и заструясь по городам,
подымет к бою братьев наших
на смену нам, в подмогу нам —

на зов ее встают заводы,
сурово пахари идут,
клич окровавленной свободы
услышит весь рабочий люд.

Кровь укрепляет баррикады
и души мужеством крепит,
твердя, что выше нет награды,
чем если б нашим
был Мадрид!

Он — наш! Здесь кровь твоя дымится...
И целый мир — для нас,
для нас!

Так пусть тебе
спокойно спится,
товарищ,
в звездный этот час!

ФРАНТИШЕК ГАЛАС

ЦЕЛЬТЕСЬ

Цельтесь цельтесь лучше
стань любовь смертоносной
лучше лучше цельтесь

В черной пасти затишья
в губительной корриде этой
судорожный вздох последний
к небесам вызывает хрипло

Апокалипсис в зените
дыбится земля взгляните
это братские могилы
нас живых упрекают

Ясновидящ и бесчувствен
лик пальбой изрытый лунный
все в нем все в нем отболело
как и в мертвом Унамуно

Нет Вы павшие живете
под крылами у вас вечность
имена священны ваши
в этот мрак гнетущий серый
врезаны алмазом веры

Фронт встает стальной осокой
и Мадрид огнем объятый
гневно смотрит вскинув крылья
как детей кольцо гранаты
обручает со смертью

Цельтесь цельтесь лучше
будь любовь беспощадной
лучше лучше цельтесь

ПАБЛО ПИКАССО

I

Лицо оливкового цвета,
Огромных глаз горячий взгляд...
Он жизнь преображал в портреты
Из удивительных шарад.

Где зыбь волны — квадратом синим,
Где музыка — лишь взлет смычка,
Где человек — смещение линий...
Но давит мастера тоска.

То было страшное уменье
Преображать моря, людей
Своим жестоким вдохновеньем
В немое скопище теней.

Но даже там, на дне крошечном,
Художник детство вспоминал,
И неожиданною, нежной
Он кистью небо рисовал.

II

И все-таки он жил надеждой,
Вольнолюбивой как моря,
Как та страна, где рос он прежде,
Которую он звал — моя.

Не Альбы край, не край Альфонса,
Но лавры те и те дубы —
И волны, хлещущие грозно
О Геркулесовы столбы.

Народ великий, непокорный
Изведал гнет чужих племен,
Но, твердый, словно камень горный,
Не плакал перед горем он.

Так думал мастер... Душным летом
Шел Пикассо в безмолвный Лувр.
Все каменело в мире этом,
Орел точил о камень клюв.

Среди наяд и львов крылатых
Белела статуя во мгле.
Безвестный пахарь Аликанте
Ее нашел в сухой земле.

Глядит на мир, как бы впервые,
Резца и страсти торжество.
То слава древней Иберии,
То дочь народа твоего.

III

Объятые пожаром своды
И мертвые глаза детей.
Мадрид отважного народа
Стал жизнью новою твоей.

В ту пору Пятый полк железный
Великую защиту нес.
И рухнул первый «хейнкель» в бездну,
Кровавым факелом меж звезд.

Одно есть только слово — мщенье!
За детские тела в крови.
Он так захвачен вдохновеньем,
Как в годы лучшие свои.

Теперь он только понял Гойю,
В его суровой правоте.
Испания, в годину боя
С тобой твои сыны — везде!

Он кистью как штыком ответит
Тому, кто родину гнетет.
Он жизнь несет испанским детям
И прославляет свой народ.

...Сквозь орудийные раскаты
Гремел «Интернационал»
И через пропасти и скаты
К нему в Париж перелетал.

В траншеях, где сражался Пятый,—
Он женщины лицо узнал.

Она к победам призывала.
Смерть веяла над головой.
Но подвигов казалось мало
Колоннам, устремленным в бой.

Он в мир глядит как бы впервые,—
Зовет победы торжество.

О, слава древней Иберии,
О, дочь народа своего!

ПИСЬМО В МАДРИД

Октябрь стучит крылом упругим в раму,
Плывут трамваи в полутьме сырой,
А я спешу опасными тропами
На хриплый зов валторны войсковой.
И ты со мною. Грандов древний замок
Свинцовым залпом нам в лицо гремит.
Обломок солнца тусклого — над нами...
Пред нами — смерть. За нами — наш Мадрид.
Вперед! Вперед! Когда с врагом покончим
И с площадей дождями смоем кровь,
Скажу тебе о том, как поздней ночью
Ты мне привиделась, моя любовь.
Про солнечные расскажу долины,
Про дальнюю Полтавщину мою.
И песни урожайной Украины
Тебе негромко, девушка, спою.
Когда в походе ты устанешь, — взоры
Твои не слабостью, а гневом заблестят,
Я на руки тебя возьму... А горы
Высоким гимном нас благословят.
Ты никогда со мной не говорила,
Не прикасался я к руке твоей.
Так отчего знакомы мне и милы
И голос твой, и смех, и звук речей?
Зачем, зачем? И где, скажи, я встретил
Те косы темные и очи те?
Ужель с листа вечернего газеты
Ко мне пришла ты, призрачная тень?
Не верю я! Тебя давно ищу я,
Любовь моя далекая, и я
Пытливо всматриваюсь в тьму ночную,
Где образ твой встает и песнь моя.

Поверишь ли, такими вечерами
Так трудно подбирать слова, чтоб в них
Огнем сверкнули горы Гвадаррамы
И тяжкий топот коней боевых.
Мне б этот стих в оружие боевое
Перековать в краю, где бой горит,
Чтоб мужественно, девушка, с тобою
Иль победить, иль пасть за наш Мадрид!

ВЫ ИЗ МАДРИДА

В Мадриде смотрят
«Мы из Кронштадта».
Город
дождем непогоды
продут.
Тысячестный театр
расшатан
хлопками
и криками:
— Они не пройдут! —
С борта корабля,
с экрана сурового
к испанцам
спустили
сияющий трап —
под шум
петроградского ветра
сырого
с испанцами
встретился
русский Октябрь.
Он крейсером шел,
он держался бок о бок,
покуда в пальцах
оружие есть,
балтийским матросом
сражался в окопах
с испанским товарищем
за Аранжуэс.
Когда расходились
к себе
по окраинам,

к себе
по окопам,
по нарам казарм —
сиянье
советской победы
с экрана
как отблеск
проскальзывало
по глазам.

Я верю —
придется врагу
зашататься!

Время фашистов
уже сочтено.

И может быть,
очень скоро —
кронштадтцы
увидят друзей
в кронштадтском кино.

Экран засияет
светло и открыто,
то ливнем омыт,
то зноем палим...

Кронштадтцы увидят —
«Мы из Мадрида» —
документальный фильм.

Там будут:
и факелы взорванных танков,
и «юнкерсов»
падающие орлы,
и бегство
наемников

Мола и Франко —
бросая оружие —
обратно,
в Берлин!

И может быть,
вовсе не на экране —
из Барселоны в Неву
крейсер испанский,
сияя огнями,
в гости к «Авроре»
придет наяву.

Я верю,
я знаю —
будет отбита
фашистская нечисть
и выжжена в дым!
И мы из Кронштадта,
и вы из Мадрида
сроднимся,
и встретимся,
и победим!

ТОВАРИЩУ АНТОНИО КОЛЮ

На морях земли, лежащих
под небесными морями,
в этом мире, по какому,
снявшись с якоря поспешно,
паруса раздув по ветру,
проиграв сигнал тревоги,
наводя стволы орудий,
наш Мадрид плывет в сраженье, —
все сердца совместно бьются,
и твое стучит со всеми.

На морях земли, лежащих
под морями нашей грусти,
в ледовитом море смерти
и в крови своей горячей
чувствую тебя и вижу,
Коль Антонио, товарищ,
образец морского волка,
человек соленых шквалов,
человек смоленых палуб,
черных туч над гибкой мачтой
и под легкой лаской бриза
развевающихся флагов.

Всюду: в рвущем парусину
вихре, и в зеркальном штиле,
и в луче звезды холодной,
и в крови своей горячей —
чувствую тебя и вижу,
Коль Антонио, товарищ.

Чувствую твои туманы,
привкус йода в брызгах пены,
ручки теплые штурвала,
и подводные течения,
и таинственные бухты,
стерегущие в глубинах

горькое твое молчанье, —
в океанах беззаконий
мы омыли наши весла,
Коль Антонио, товарищ!
Вижу я тебя в дельфине,
режущем морские волны
и резвящемся над бездной,
ты, смеясь, играл со смертью,
пел, сражаясь со стихией,
ты всегда был тверже стали,
горячее был, чем пламя,
ты, в морской воде рожденный,
урожденный сын народа,
и корабль твоей оснастки
выдержит любые штормы.
Вы, томящиеся в тюрьмах
ветра, берегов и неба,
древние моря кастильцев,
валенсийцев, каталонцев,
арагонцев, — посмотрите,
вон плывет Мадрид, наш флагман,
а из адмиральской рубки
историческим сраженьем
Коль руководит бессменно,
кто ему не подчинится,
тот не истинный испанец.
Коль измерил море смерти,
и перед таким героизмом
жизнь не удержалась в теле,
но и смерть в нем не осталась.
Коль Антонио, товарищ,
все сердца совместно бьются,
и твое стучит со всеми, —
подожди, и ты услышишь,
как фрегат победы нашей,
салютуя, входит в порт.

* * *

Здесь так же, как и встарь,
Рамон Кольяр,
твоя семья привычно тянет лямку,
пока лежат на сердце у тебя
семеркой пик печальные свиданья
в твоём Мадриде,
фронтовом Мадриде.

Рамон Кольяр, работник и вояка —
со всеми, вплоть до собственного тестя,
батрак и муж, связующая плоть
от плоти Человеческого Сына!
Герой, герольд, мадридский паладин,
вообще фартовый парень! Рамонете,
здесь часто вспоминают твои кудри!..
Твои все те же: скорые на плач,
коли дойдет до слез, коли набат —
бегут на сход. И говорят с волами,
когда доходит дело до земли.

Рамон! Кольяр! Ты жив там? Если ранят —
стой до конца, назло не умирай!
А здесь
твоя жестокость — под замочком
и бедные штаны уже умеют
бродить одни, отмеривая время,
и старый тесть
тебя в который раз
теряет заново при каждой встрече с дочкой!

И здесь, Рамон, съедают твоё тело,
не ведая об этом,
твое сердце,
ступни...
Но отзываются в сердцах
твои шаги, увенчанные пылью!

Здесь помолились, сели на постель,
твою постель, и громко толковали
среди твоих вещиц и твоего молчанья,
и кто-то встал, и кто-то взял твой плуг,
и кто-то вывел твоего гнедого...

Рамон Кольяр, святая ты душа,
здесь, наконец, остался твой товарищ!
Ну, будь здоров, пиши. И убивай.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ОПОЛЧЕНЕЦ

МАДРИДСКИЙ ФРОНТ

Как звать его? Я не знаю.
Спроси у земли изрытой,
у береговых окопов
и у самого Мадрида.
Встает он с каждой зарею,
пылающий на рассвете
огнем вездесущей жизни,
огнем повсеместной смерти.
Встает он с каждой зарею,
как ствол, наведенный твердо,
и взгляд его по округе
проходит чертою мертвой.
Как звать его? Я не знаю:
из памяти имя стерто.
Встречая утро и вечер,
стоит на переднем крае,
круша, когтя, наступая,
кружа, ползя, побеждая;
стоит, не отдав ни пяди,
недвижной застыв скалою,
внезапным обвалом рушась,
прицельной разя стрелою.
Он плоть от плоти Мадрида,
Мадрида пульс воспаленный,
в нем жаркая кровь Мадрида
рекою бурлит каленой,
а в сердце его охрипшем —
поющие миллионы!
Что было с ним? Что с ним стало?
Все то, что с его страной:
Мадрид ему в спину дышит,
Мадрид за его спиною.

Гигантом у стен Мадрида,
неодолимым пределом
насмерть стоит ополченец
всей жизнью, душой и телом!
Приземистый, грузный, смуглый?
Высокий, худой и светлый?
Как всякий. Как все мы разом.
А имя? Спроси у ветра,
что носит его, живое,
под гиблым ливнем картечи
живым пронося бутонем,
который вовеки вечен.
Андресом, Франсиско, Педро,
Антонио, Хоакином,
Висенте, Хосе, Рикардо
стоит он в строю едином...
Как звать? А зовите просто —
Народом Непобедимым.

СЕГОДНЯШНИЙ МУЖЧИНА

Сапоги и защитный плащ,
на подбородке — щетина,
с револьвером или с ружьем.
Груб на слово. Это — мужчина.
Твердый шаг и пристальный взгляд.
Ляжет спать — одежды не скинет.
Вот мужчина нашего дня,
ты других людей не увидишь
на улицах, почтах, вокзалах,
и в солнечный день, и в ливень,
среди обломков уюта,
и фонарей погибших,
среди бумажного хлама,
где ветер холодный рыщет.
Сегодня стал ему домом
весь город — ему безразлично
после бессонной недели,
в каком углу притулиться.
Как будто вовеки не было
у него ни земли, ни скотины,
не знал он забот о детях
и женщин вовек не любил он.
Пьет, поет, сражается, падает
(пасть в бою — это доля мужчины)
и почти ничего не знает
(крепко знает дело мужчины).
Он ждет от людей уваженья
и с ними слит воедино;
он ценит труд, и веселье,
и хлеб, и очаг, и книгу,
и все, что делают люди
для людей руками своими,

и все, что дает природа.
человеку с начала мира.
Сквозь грозный гул канонады,
под зимним холодным ливнем
в городе осажденном
его я повсюду вижу —
суров он и благороден.
Таков сегодня мужчина.

НАЗЫМ ХИКМЕТ

У ВОРОТ МАДРИДА

Не слушать голоса потусторонних сфер,
в ткань строчек не вплетать
«поэзии необъяснимой»

и не искать
с упорством ювелира
изящных рифм
и тонких выражений —
сегодня вечером я, слава богу, выше
всего такого.

Сегодня вечером я
уличный певец,
чей голос неискусный прост,
чью песню
не можешь слышать ты...

Ночь.

Снег идет.

Ты у ворот Мадрида.

Перед тобою армия врагов,
которая пришла, чтобы убить
все самое прекрасное:
свободу,
мечту,
надежду
и детей.

А снег идет.

И, может быть,

твои босые ноги мерзнут.

Снег падает и падает...

И вот сейчас,

вот в эту самую минуту,
когда я думаю всем сердцем о тебе,
быть может,

пуля жизнь твою прервет
и больше для тебя уже не будет
ни снега
и ни ветра,
ни ночи
и ни дня...

А снег идет.

И знаю я,

что до того, как крикнуть:

«No pasarán!» —

и встать на страже

у ворот Мадрида,

ты существовал!

Кем был ты

и откуда ты пришел?

Не знаю.

Может быть,

из шахт Астурии пришел ты?

Может быть,

кровавый бинт на лбу твоём

прикрыл

на севере полученную рану?

Быть может,

это ты последний

стрелял в ту ночь, когда Бильбао

бомбили «юнгерсы»?

А может быть, служил ты в батраках

в поместьях какого-нибудь графа

Фернандо Валескero Кортолона?

Быть может,

маленькую лавку ты имел

на Пласа дель Соль

и фрукты продавал испанской краски?

Быть может, не имел ты дарованья,

а может быть, имел прекрасный голос?

А может быть, ты был студентом,

юристом будущим,

и книги твои

под гусеницей танка итальянского

остались

в квартале университетском?

Быть может, ты не верил в бога,

а может быть, носил ты медный крестик

на шелковом шнурке?

Кто ты,

и как тебя зовут,

и сколько лет тебе?

Не знаю.

Я твоего лица не видел

и не увижу.

Может быть,
        оно напоминает лица тех,
        кто банды Колчака разбил в Сибири?

А может быть,
        какою-то чертой,
ты был похож на тех,
        кто пал
        в Домлупынаре?

А может быть, похож на Робеспьера?
Ты имени не слышал моего
и не услышишь.

Между нами, брат,
        моря и горы,
        мое проклятое бессилье
        и Комитета невмешательства устав...

Я не могу прийти к тебе
и не могу

        послать тебе отсюда
ни ящика патронов,
        ни яиц,
        ни пары шерстяных носков...

Я знаю,
        в эту стужу
твои босые ноги
        там, у ворот Мадрида,
как два младенца,
        мерзнут на ветру...

Я знаю,
        все, что есть на этом свете
великого,
прекрасного,
я знаю,
        все то, что будет создано людьми, —
        вся будущая Правда
        и Величье,
чего я жду с такой тоскою в сердце, —
все это есть в глазах твоих,
        мой часовой,

стоящий ночью
        у ворот Мадрида...

И ни сегодня,
ни вчера,
        ни завтра
я делать ничего другого не могу
как только думать о тебе,
        любить тебя!

МЕРТВЫЕ ДЕТИ

Они спросить не успели, почему и за что умирают.

В десять часов самолеты сбросили с неба ракеты, все осветив фейерверком, как в карнавальную ночь. Шпиону, что слал им сигналы, пулей пробило череп. Над городом реяла смерчем в одеянье слепящем смерть. В десять и две минуты раздались гулкие взрывы. Бросились в бегство трамваи, и воздух в агонии пал. Манекен, от бессонницы желтый, стал первой бескровной жертвой.

Ракетницу и план Прадо предатель в руках сжимал.

В трещинах, как в морщинах, окон дрожащие стекла. О помощи в брошенных виллах зывают портреты со стен.

Иностранные репортеры толпятся вокруг убитой девушки, первой убитой в этот кровавый день. Черная крышка рояля стучит, словно крышка гроба. Запах горелой плоти проник в аромат садов. Лай собак заунывный, сдавленный вопль роженицы. Манекен парикмахерской дамской — раскинулись две косы...

Все, как на киноленте, проходит в одно мгновение, — еще не успел затихнуть вой гигантской осы. Смерть на детей изрыгнули летающие машины. Игрушки и мертвые дети — рядом на пыльной земле. В это раннее утро всех вместе детей хоронили, впервые так хоронили первых мертвых детей — без факелов, песнопений, белых коней и шествий... Первые мертвые дети — кровь их текла всю ночь. Я видел на детских грудках номера: седьмой, сто третий, но кровь текла и сливалась в единый страшный поток.

Он тек по каналам скорби, ненависти и страха,
и на земле, орошенной кровью мертвых детей,
выросла ночью магнолия из кровавого праха.
Она у ворот Мадрида стоит на страже теперь.
И когда зловещие осы снова тревожат небо,
магнолия лепестками грозно целится в них...
Рядом стоят солдаты с улыбкой на лицах усталых.
Знают солдаты: за ними насмерть стоит Мадрид.

СМЕРТЬ РАНЕНОГО РЕБЕНКА

И снова ночь... И молотом тяжелым
стучит озноб в горячие виски.
...Ты видишь, мама, птицы в платье желтом!
И черно-золотые мотыльки!

Усни, дитя... И мать склонилась ниже —
как загасить огонь и чем помочь?..
Ручонка жаркая, кровать в нише.
Лекарством и лавандой пахнет ночь.

А за окном луна висит, кругла,
и где-то самолет незримый кружит,
и белизна легла на купола.

Ты спишь, мой маленький?.. В ответ тяжелый,
короткий всхлип оконного стекла.
И — холод, холод, холод, холод.

Я С ТОБОЙ

Можно спать. Окно закрыто,
На засов закрыта дверь.
Восьмилетняя Анита
В доме старшая теперь.

Говорит Анита брату:
— Месяц на небе погас,
От фашистских самолетов
Темнота укроет нас.

Ты не бойся темноты:
В темноте не виден ты.
А когда начнется бой,
Ты не бойся — я с тобой...

МАДОННА

Сходила в булочную. А когда
Пришла — жилища не было на месте.
Дымилась известь. Грохнула беда
Смертельным, незаслуженным известьем.

Ребенок спал за занавеской. Но
Постелька глыбой каменной растерта.
К земле прибито мокрое пятно,
Тоскует дом, разрушенный и мертвый.

И женщина то плакала, то зло
Сжимала зубы, на коленях стоя.
Пора кормить. И молоко прошло —
Две капли — сквозь белье ее простое.

Был маленький, полгода, хохотал,
В ладошки хлопал, плакал. Больше нету.
Она пошла, шатаясь, сквозь квартал,
Чтоб отвечать, чтоб требовать к ответу

Того, кто, с неба бомбой разрывной
Казня детей, пытается материнство,
Кто проклят всей измученной страной,
Теперь кулак поднявший в знак единства.

Так шла она по улицам. Мадрид
Местами вспыхивал. В ушах шумело.
Остановилась: нищий дом горит.
Детей выносит прочь дружинник смелый.

Пора кормить ребенка. Камня два
Висят над сердцем... И взяла чужого,
Осиротел, родившись едва,
Но снова — мать, и материнство — снова.

Нет одиноких. Плотную стеной
Плечом к плечу — рабочая колонна.
Ребенка держит — близкий и родной! —
Под пулями идущая Мадонна.

МАДРИД

1937

Сейчас я вспоминаю все и всех.
Вторая зима.
В этом городе, где все, что я люблю,
нет больше ни хлеба, ни света.
Над сухой геранью хрустальный холод.
Ночью в стены, пробитые снарядом,
входит черный сон.
На рассвете средь укреплений — никого,
только телега без хозяина.
В сгоревшем доме с дверью в небо
вместо ласточек заплесневелый камень
и тишина столетий.
Базар. Немного нищей зелени.
Сюда привозят каждый день
дорогой крови
рыбу, апельсины —
сестре или вдове.
Город горя, раненый,
расщепленный, подточенный,
осколки стекла и кровь,
город, лишенный ночи, город ночи,
город тишины и канонады,
город героев.
Новая зима, вторая,
голая — ни хлеба, ни шагов.
Солдатская луна и город.
Нищая земля и жилы настезь —
кровь, большое сердце,
а слезы падают, как пули,
на истерзанную землю,
как голуби — звеня.
Кровь что ни час.

Я не говорю о вас, уснувшие герои:
пред вашей волей дрогнула земля.
Я слушаю: по улице
идет зима.
Дом, где я жил, дома и город —
все оцеплено огнем.
Уж больше года, как предатели с разбега
ударились об этот берег.
Ток крови Мадрида их сразил.
Ни огонь, ни смерть не повалили этих стен.
Убийцы ждут:
епископ с низким лбом,
золотая рота бездельников,
генерал и тридцать серебреников.
Вокруг тебя центурии слезливых богомольцев,
эскадроны протухших послов,
вся свора в мундирах.

Хвала тебе! Туман ли, свет ли — хвала!
Ты колыбель грозы,
ты воздух крови,
в котором рождается пчела!
Сейчас, Хуан, ты дышишь,
Педро, ты смотришь, думаешь, ты спишь.
Сейчас, в ночи без света,
без сна, без отдыха,
одни, среди бетона
и проволоки,
на юге, в центре, на каждом повороте
люди, без неба, без чудес,
обороняют город
Мадрид,
в высокой тишине победы,
потрясенный, как сломанная роза,
и окруженный лаврами.

ЛЮДМИЛ СТОЯНОВ

МАДРИД – 1937

А. Н. Толстому

Геройский город уплывает в ночь,
уходит океанским кораблем.
Испания, плывущая на нем,
быть может, смерть сумеет превозмочь.

Иная жизнь дана ему судьбой —
ни танцев, ни огней, ни кастаньет.
Под вечным небом темнотой одет,
стоит утес и дышит, как живой.

Здесь бьется сердце горестной страны.
Мадрид — огня и мужества итог,
и взгляд его спокоен и глубок,
мы по глазам узнать его должны.

Твой славный подвиг видим мы, Мадрид.
Тебя мы славим яростным огнем,
с тобою мы по улицам идем,
твоя Долорес с нами говорит.

Мадрид, Мадрид! Сияет в сердце свет,
решимость в каждом возгласе слышна!
Твоя душа в боях закалена,
и раненый, ты не застонешь, нет!

И день и ночь над крышами теперь
проносится стервятник-самолет.
Для каждого народа свой черед —
очнется он, рыча, как сильный зверь.

Народ велик, ему неведом страх,
решимости ему не занимать —
нахмурившись, дитя качает мать,
фронт от нее проходит в двух шагах.

И день и ночь, во мраке и во мгле
над городом кипит смертельный бой.
Мадрид, не в силах справиться с тобой,
враг мстит деревьям, камню и земле!

Но, все ожесточенней и сильней,
надежда здесь грядущее кует.
Геройский город, время настает —
стань знаменем свободных светлых дней.

На улицы ложится черный дым,
на камни оседает тишина.
Мы знаем: это смерть, фашизм, война,
но знаем, что народ непобедим.

МАДРИД

Мадрид

взрывая бессмертные камни
всех шести букв слагающих имя твое
ты построил себе триумфальную арку
сквозь которую память моя с винтовкою на плече
вступает в эпос творимый тобою

Привет камарада Пичи

Ты нынче ходишь в гимнастерке и брюках
потому что в июле грома фалангистов в горах
вконец изодрала комбинезон

Привет малыш парикмахер

задержавший мавров в Каса дель Кампо
Сейчас ты командуешь «антиарийцами»
которые даже не знают что их так зовут

Привет Мадрид попирающий

скелеты ноябрьских минотавров
остовы подожженных танков

В траншеях Карабанчеля

звучит в твоём голосе астурийский динамитный акцент

Как пулеметная лента

раскручивается дорога в Корунью
и гранатам на ней целей пока что хвátает
но в горах Гвадаррамы
нерушима колонна Монкада
и все так же кричит на придорожном столбе
лозунг «No pasarán!»

Мадрид

позабывший про отдых и воскресенья

Мадрид надевший военную форму
Мадрид эпический стоический и насмешливый
Мадрид чьи мужчины на пути у врага встали стальной
стенной

Мадрид чьи женщины не желают тебя покидать
Мадрид выбивающий рукоятью штыка
похоронный марш
на гробе фашизма
Мадрид идущий в кино на Пятую авениду
Мадрид написавший на будке трамвайного стрелочника
«Вместимость — один человек»
Мадрид надевший на Пласа Майор королю Филиппу
пилотку милисиано
Мадрид проводящий ночи бомбежек
в метро за игрою в туге
Мадрид превративший небо над ним
в арену для боя крылатых быков
Мадрид чьим детям поет колыбельные
пушка «Старушка»

из парка Ретиро
Мадрид ты глазами своих ополченцев
видишь зарю победы
мой Мадрид в твою честь
я кричу троекратно «Ура!»

ВЛАДИСЛАВ БРОНЕВСКИЙ

NO PASARÁN!

Республиканцы насмерть стояли,
кровь их на землю сочилась из ран,
на обожженных стенах развалин
кровью писали: «No pasarán!»

Выбита надпись огнем и металлом
среди баррикад из сердец и камней.
В битве свобода Мадрида вставала,
жизни дороже, смерти сильней.

Враг наступал на свободу два года,
веруя в силу огня и меча.
Статуй родины встала свобода,
выдержав натиск, насилье топча.

Стих мой — он братство и равенство славит,
залит он кровью собственных ран.
Если умрет он, пускай оставит
слово надежды: «No pasarán!»

ЛЕТОПИСЬ ВОЙНЫ

ХОСЕ МОРЕНО ВИЛЬЯ

ФРОНТ

*Здесь фронт, здесь не пахнет игрою,
и громкое книжное слово
сердец здесь ничьих не раскроет,
здесь сдержанно все и сурово.
Над теплой землею в полете
кружат смертоносные стаи,
преграда из крови и плоти
противопоставлена стали.
Под тяжестью грозных орудий
холмы здесь в испуге застыли,
и слиться стараются люди
с камнями, землею и пылью.
В лишениях куется здесь воля,
здесь учатся ждать неустанно,
пока тишину не расколют
в атаку идущие танки.
И бьются здесь с мыслью одною:
победа любой ценою!*

ОДА НАРОДНОЙ АРМИИ

Армия народа,
тебя приветствуют все матери мира,
все школы,
все старые плотники.
Тебя приветствуют колосьями,
молоком, лимоном, лавром —
всем, что дает земля.
Тебе и ожерелье рук,
и гром упрямый,
день железа,
крепкая лазурь!
Братья, вперед
по распаханной земле,
по пустырям,
среди сухой ночи без сна!
Бойцы, острее, чем голос зимы,
проворней, чем веко,
точнее, чем алмаз шлифовщика,
вы пришли из недр,
как цветы или вино, как корни всех стволов,
как душистое добро земли.
Привет тебе, распаханная целина,
клевер и деревни, замершие в свете молний!
Вперед, вперед
по шахтам, по кладбищам —
смерти наперекор!
Народ, теперь ты — сердце и винтовка.
Вперед!
Фотографы, шахтеры, машинисты,
братья угля и камня,
друзья серпа,
на праздник ружей
вперед!

Бойцы, майоры, сержанты, комиссары,
летчики и партизаны,
солдаты ночи и солдаты моря,
вперед!

Пред вами гниль, болота с кровавым гноем —
ничто.

Испания, край яблонь, знамена злаков,
пропись огня, вперед!

В бою, на море,
среди гор, среди сумерек,
среди терпких запахов земли

рождается та нить,
что не порвется.

Все жаждут, армия народа,
уйти с тобой:

любой топор или пила,
любой кусок руды, любая капля крови.
Твоя звезда лучами пригвоздила смерть
и новые дала глаза — надежды.

ПРОТИВ МОРОЗА В ГОРАХ

Вершина ветров, Малагосто,
бровей не хмурь непреклонно!
Тепло земли сберегите,
овраги на горных склонах!
А вы, ледяные ветры,
зеленых садов не троньте,
чтобы солдаты народа
не замерзали на фронте!
Открытые горные пики,
вы ранний снег урезоньте!
Ноябрьский холод печальный
и тучи на горизонте,
не раньте солдат народа,
застигнутых ночью на фронте!

На север, на север, ветры,
несите мороз со снегами,—
оттуда идут фашисты
под черными злыми крестами.
На них вы бурю обрушьте,
чтоб лязгали в страхе зубами;
сорвите вы с них мундиры,
сутаны, береты, шинели;
пусть в эти морозные ночи
им смерть застелет постели!
Пронзительный ветер с моря,
мы все настоятельно просим:
своим ледяным дыханьем
скорей заморозь, отморозь им
ослиные длинные уши
и розово-толстые щеки,
язык их лживый, змеинный
и глаз лицемерный, жестокий!
Не троньте солдат, морозы!
Они — это честь Испании,
они — это самое лучшее,
что только есть у Испании!

КРЕСТЬЯНЕ

Они идут, сверкая смуглой кожей,
которой, верно, не берет топор.
С кремневой искрой их усмешка схожа,
а скрытность глубже, чем кедровый бор.

Козлом несет от вымокших шинелей,
в мешках картошка, и на ней песок,
и багажа походного тяжеле
лепешки на подошвах их сапог.

Все те ж они на мостовых столицы,
что на полях в страду у шалашей.
Им кажется, как семенной пшеницы,
их ждут в глубоких бороздах траншей.

Никто не отдает себе отчета,
куда спешит, а подоспевши вблизи,
находит ток, где до седьмого пота
молотят смерть, чтоб заработать жизнь.

ПАРТИЗАНСКАЯ СЕРРАНИЛЬЯ

По холмам и по предгорьям
молодежь уходит в бой
против гнета, против горя,
что фашизм несет с собой.
Выше, мимо гнезд орлиных,
мимо пропастей без дна:
сеговийская долина
им уж больше не видна.
Все внизу — и лес сосновый,
и альпийские луга,
и восходит месяц новый
над тропинкой в тыл врага.
Ночь ползут они по скалам,
мрак и холод, как в гробу.
Утром солнце приласкало
щеки небритых худобу.
День встречает их сурово,
пулеметною стрельбой,
и за мир родного крова
молодежь вступает в бой.

ПЕСНЯ ЖЕНАТОГО СОЛДАТА

Я чрево твое засеял зерном и любовью, подруга.
Всей кровью тебе откликаюсь, тобой мои вены полны,
над пашнею жду я всходов, жду ожиданием плуга,
дошедшего до глубины.

Хмельной глоток моей жизни, жена моей плоти и кожи,
смуглянка дозорных башен, всевидящих глаз и огня,
твои безумные груди на зачавших ланей похожи —
они заждались меня.

Мне кажется иногда, что ты — бокал тонкостенный:
чтобы тебя не разбить, я боюсь шевельнуть рукой.
Своею кожей солдата я хочу облечь твои вены,
словно вишенку кожурой.

Зеркало моей плоти, крыльев моих опора,
я смерть потому и отвергнул, что жизнь для тебя берегу.
Я так люблю тебя, милая, здесь, среди пуль и пороха,
где гибель на каждом шагу.

Здесь, над гробами пустыми, ждущими нас под
обстрелом,
над растерзанными, для которых и могила-то не нужна,
я люблю тебя и хотел бы поцеловать всем телом,
даже в прах рассыпаясь, жена.

Когда я тебя вспоминаю на страшном поле сраженья,
твой образ не исчезает, не стирается, но — растет!
Я вижу: ты приближаешься, и вся ты в эти мгновенья —
огромный голодный рот.

Почувствуй меня в траншее, пиши мне на поле брани.
Имя твое воскрешая, я пишу ружейным огнем,
чтоб защитить твое чрево, тоскующее в ожиданье,
и сына — во чреве твоём.

Наш сын родится, и будет в кулачок рука его сжата,
сына нашего спеленает гитар победный напев.
И жизнь моя постучится в твой дом рукою солдата,
забывшего боль и гнев.

Сейчас мы должны убивать, чтобы жизнь
восторжествовала,
но под сенью твоих волос я найду однажды покой,
на простынях засыпая, похрустывающих от крахмала,
сшитых твоей рукой.

В тяжком движении к родам шаги твои непреклонны,
и уста твои непокорные непреклонны на этом пути.
Сюда, в мое одиночество, где взрывы, атаки и стоны,
свой поцелуй — я знаю — ты хотела бы донести.

Для нашего сына добуду я мир на поле сраженья.
И пусть по закону жизни однажды накатит час,
когда в неизбежной пучине потерпят кораблекрушенье
два сердца — мужчина и женщина, обессиленные от ласк.

* * *

Он часто в воздухе чертил корявым пальцем:
ДАЗДРАВСТВУЮТ РЕБЯТА! ПЕДРО РОХАС,
путеец из Миранды, человек,
мужчина и еще раз человек,
отец и троекратно человек.
Педро и Рохас — и его две смерти.

Лист воздуха, сюда! — его убили.
Перо руки, сюда! — его убили.
Товарищей скорей оповестите!

Распятые, где прибит его обрубок,
его убили,
его убили у подножья пальца!
Убили разом — Рохаса и Педро!
Да здравствуют ребята
под пологом исчерченного ветра!
Да здравствуют — с вороньим этим «в» —
над сердцем Рохаса
и Педро, триумфатора и жертвы!..

Обыскивая труп, оцепенели,
увидев в теле мертвого — другое,
огромное, для мировой души,
а в сапоге — безжизненную ложку.
И Педро ведь имел привычку есть,
сидеть среди своих единокровных,
готовить стол, стелить, сорить на скатерть
и жить со вкусом на виду у всех,
и вместе с ним бродила эта ложка,
она сама и все ее девизы.
Да здравствуют ребята
в ее подножье ныне и вовеки!..

Убили — вынудили умереть —
Рохаса, Педро, труженика, мужа,
того, кто родился совсем малюткой
и вглядывался в небо, а потом
все рос и рос, стал красным и боролся
своими «мы», своими «никогда»,
бедой, нуждой, кровинками, зубами,
останками...

Его убили нежно,
на волосах жены, Хуаны Васкес,
в шестом часу, в пороховом году
и в двух шагах от долгожданной цели.

И, мертвый, Педро Рохас приподнялся,
поцеловал залитый кровью гроб,
склонился над Испанией, заплакал —
и вывел в воздухе своим корявым пальцем:
ДАЗДРАСТВУЮТ РЕБЯТА! ПЕДРО РОХАС.

И в тело мертвое вошел весь мир земной.

ВЫ НЕ ПОГИБЛИ

Погибшие в жару и в холод, погибшие в стужу
и в ливень,
погибшие возле артиллерийских воронок
или на чахлой травке, жалкой и сиротливой,
где стебель в крови журчащей, как струны сухие,
звонок.

Ростки молодой плоти, вырванные неумолимо
из одичалой почвы, из материнского лона,
вновь возрождает войною вспаханная долина,
вновь превращает в зерна быстро и неуклонно.

Слышно, как вы прорастаете, слышно ваше
страданье,
слышно, как вы ворочаетесь под оболочкой почвы,
земля из вас лепит колос и в таинстве воссоздания
чувствует, как молодеет, как наливается сочно.

Кто сказал, что вы умерли? В свисте свинцовой пули
слышится звук, похожий на победные клики,
и вы лежите далеко — в этом победном гуле —
от похоронной процессии и погребальной мотыги.

Братья, среди живущих вас никогда не забудут!
Так пойте вместе с нами песни свои боевые.
Подставьте лицо ветру, подставьте весеннему гуду,
вы — грядущая молодость. Вы — вовеки живые.

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ БРИГАДА

Мое сердце,
счастливое или несчастное,
все же имеет крылья,
ибо здесь, в горах и долинах,
люди идут на смерть
за свободу.

У птицы ведь тоже свой язык,
и она никогда не думает об удаче,
но удача всегда сопутствует ей,
даже там, где смерть поет свои песни.

Жизнь — это символ
для тех, кто идет на смерть,
преданный лунным светом
или пристальным взглядом солнца.

Среди нас есть люди из дальних стран,
они говорят о свободе, как о мраморной статуе;
среди нас есть люди из заброшенных деревень,
и они говорят о свободе, как о чистом источнике;
среди нас есть люди с суровых гор,
они объясняются знаками или молчаньем;
среди нас есть люди не важно откуда,
и у них такие же верные и неожиданные слова;
среди нас есть простые люди,
любители выпить и вовсе не пьющие;
и для них воедино слились свобода, смерть,
и любовь,
и память о матери,
своя судьба и судьба своей родины
в очень простых словах и белоснежных жестах.

ДОБРОВОЛЬЦЫ

Они ни о чем не спрашивают.

Посланцы различных земель, северных или южных,
ласковых или суровых,
братских или враждебных.
Они ни о чем не спрашивают.

О, эти странники!
На груди они прячут кинжалы и розы,
портреты любимых вождей, фотографии женщин
с детьми,
оставшихся где-то в далекой стране.
Они ни о чем не спрашивают.

Повинуясь лишь сердцу да голосу совести,
они приехали умереть под стенами осажденного города,
у которого им довелось повидать только стены.
Они ни о чем не спрашивают.

Их подвиг великолепен!
Избранники народа, аристократы крови,
как величава их смерть,
она затмевает разрывы гранат и вспышки выстрелов.
Они ни о чем не спрашивают.

Добровольцы первой колонны,
они не спрашивают: «Как пройти в музей?
Чем славится город — женщинами или вином?
Когда начинается служба в соборе и где ресторан?»
Они не задают вопросов, обычных для шумных туристов,
снимаемых голодом, жаждой и любопытством.

Они ни о чем не спрашивают.

БАТАЛЬОН ТЕЛЬМАНА

Над окопом неба звездный полог,
волны Тахо скрыли лунный след.
У костра солдатский сон недолог,
в новых битвах встретим мы рассвет.

Далеко она,
родная страна,
но в бой мы идем за тебя,
Тельман!

Кровь бойцов ведет в атаку звенья,
кровь друзей горит в огне знамен.
Нам в бою не будет отступленья —
марш на штурм, отважный батальон!

Все на приступ! Бейте, барабаны!
Знамя славы, в битву нас веди!
Скоро солнце встанет из тумана —
В бой, друзья! Победа впереди!

Далеко она,
родная страна,
но в бой мы идем за тебя,
Тельман!

СЬЕРРА ГВАДАРРАМА

Там, где ввысь подымается исполинский маяк
человечества,

Сьерра Гвадаррама,
Скала в основании нового мира,
Там, в далекой дали,
Мы, дыханье сдержав, смотрим, смотрим упрямо
На несчастную землю, на наше отечество,
Сквозь колючую проволоку бесчисленных концлагерей,
Сквозь пейзажи предместий, чье небо час от часу серей,
Сквозь дождливые мартовские, сквозь ледяные рассветы
в дороге —

Те, чужие, не наши, хоть мы и зовем их своими, —
Там, в далекой дали,
Там, в Испании нашей,

Разве ты не услышал еще, как ревет Мансанарес,
Да останется с нами вовек его славное имя!

Разве ты не услышал еще, как вздувается Тахо,
клокочет Харама,
Как победно бушует Испании кровь, как бежит она прямо?
Белый, дикий, обжигающий дым — дым убийства.
Разоренные башни антенн. Исковерканные мосты.

Бада́хос!
Обезглавленные тела — это дети мадридских предместий.
Пустыри. Пепелища. Под дождем разлагаются трупы.
Это трупы товарищей — тех, с кем были мы вместе.
По обочинам грязных дорог бесконечных
И в стрелковых окопах, полных темной водой до краев,
И на снежных вершинах —

Почернели тела

Тех, кто десять и сто раз отдать был готов
За Испанию, искалеченную, измученную,
Жизнь свою

И страдал оттого, что ее отдает лишь однажды.

Тишина!

Тишина!

Миллионы людей — настороженно вслушался каждый —
Настороженно ловят дыханье истории, взгляд уставив
в далекие дали.

Кочегары у топок океанских сверкающих лайнеров.
Землепашцы полей пробужденных, закутившихся в ветре
весны.

Миллионы их — каждый прислушался, вдаль взгляды
устремлены.

Там, вдали, поднимается ввысь исполинский маяк
человечества,

Скала в основании нового мира —

Сьерра Гвадаррама!

Все сильнее ревет Мансанарес!

Все сильнее вздувается Тахо, клокочет Харама —

Кровь Испании нашей, бегущая прямо!

Берега затопляет ртуть Испании окровавленная!

Так победа идет.

Так вдали развевается знамя победы и слышится пенье.

Началось наступленье!

Повсюду идет наступленье!

ОДНОЦВЕТНОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Пишущие об Испании расточают пять красок
охру
лазурь
пурпур
серебряную платину
чернь

Я знаю лишь одну
землисто-желтую
из нее шинель
окоп
сапог
мул
потертый ремень
плащ
вещмешок
предутренний свет
и вечерний сумрак
пальцы убитого
и могила

сгорбившее плечи поражение
стон и естественный вздох
победы
во вновь обретенном
будничном дне

Под стрехою солнца и хаты.

ИЗРАНЕННЫЕ ПЕЙЗАЖИ АНДАЛУСИИ

Залпы над павшими ранят пейзажи. Сердца —
безымянны.

Щупая пульс не смотри в словарь одинаковы раненых
жины
взгляд в забыты уста в немоте чувства под общим
наркозом
Тишина — пересохший ручей. Взрыв — раздробленный
крик.

Память в мозаику сложит осколки хрупкие правды
сложит повесть и песню из жил тех кто пал в сраженьях
гитару встряхнут кичливо осветят алым эстраду
слова — незажившие раны добытые из-под пыли.

Павшие слов не имеют ослепшие бродят в ущельях
Павшим не нужно полотен из видимостей и отчетов
Павшие не проверяют бланк печать пропуск
каменными рядами лежат за воротами кладбищ.

Навек присягнувшие юности клятвой что выше башен
в огранах надгробных деревьев те ритмы шумят вековечно.

Слагайте молитвы из клятв из присяг погребаемых на
рассвете
когда стражники ходят и каждый их шаг засыпает
прошлого тропы.

ПИСЬМО ИЗ АРАГОНА

Мы стоим на спокойном участке спокойного фронта.
Похоронили мы Руиса в новом сосновом гробу.
Его белые ноги торчали из-под короткого савана.
Сквозь чистые доски гроба просачивалось зловонье,
И кое-кто из носильщиков нос прикрывал платком.
Смерть равнодушна к величию.

Мы долго дробили мотыгами недружелюбную землю
И над неровной могилой дали недружный залп.
Мы цепенели в каком-то тягостном безразличье,
И можно было подумать, что Руиса нам не жаль.
Мы стоим на спокойном участке спокойного фронта.
Здесь ни газов, ни бомб.

Но когда начался артобстрел другого конца деревушки,
И завеса дыма и пыли скрыла от нас горизонт,
И обезумелые женщины, захлебнувшись слезами и
воплями,

Зажав голых младенцев под мышкой, выскочили из
домов,

Я подумал: как отвратителен страх!

Мы стоим на спокойном участке спокойного фронта.
Нервы еще не сдают, все еще крепок наш сон.

На чистой койке в больнице сомкнулись тяжелые веки
И от меня закрыли этот уродливый мир.

Рядом со мной на носилках истошно стонал ополченец.
Опасность уже миновала, а он все стонал и стонал.
Он не боялся смерти, но к боли он не был готов.
Нынче спокоен наш фронт.

Но каталонский рабочий, пожав на прощанье мне руку,
Сказал: «Передай моим братьям по классу, английским
рабочим,

Что развязали не мы эту бойню,

Нам война не нужна.

Если же на Барселону снова полезут фашисты,
Только по нашим трупам они в город развалин войдут».

К МАРГО ХЕЙНЕМАНН

Любовь моя! Мир бездушен.
Душа моя! Не оттого ль
Мысль о тебе превратилась
В острую вечную боль.

Предвестник осени, ветер
Все еще не утих.
Тебя потерять боюсь я,
Боюсь я страхов моих.

Последняя миля к Узске
Сулит нам победы час.
Люби меня, милая, чтобы
Мой пламень надежды не гас.

А если в тесном окопе
Закончу я ратный путь,
Взгрустни обо всем хорошем
И, как я любил, не забудь.

ГОЛОС НАДЕЖДЫ

(Фрагмент из поэмы «Испания»)

Испания, твои жилы пустеют, но вновь
их заполняет жаркая кровь,
улыбаются раненые твои сыны,
а для мертвых — могилой — все твои сны,
твои суровые батальоны —
погонщики мулов, рыбаки и пеоны.
Я, сын Америки,
сын Испании и Африки,
вчерашний раб белых надсмотрщиков
с их бешеными бичами,
а сегодня раб рыжих алчных плантаторов-янки,
я, капля в смуглой крови,
в которой купаются Антильские острова,
я, полузадушенный серо-зеленым зноем плантаций,
погребенный в пучине всех тюрем,
окруженный днем и ночью ненасытной
злостью штыков,
затерянный в завывающей чаще
островов, распятых на кресте тропиков,
я, сын Америки,
бегу к тебе, за тебя умираю.
Я, любящий свободу так же бесхитростно,
как любят ребенка, солнце
или посаженное у дома деревце,
я, чей голос увенчан
миллионолетней угрюмой сельвой,
я, в чьем сердце гул барабанов,
чей взгляд блуждает по горизонту,
чьи белые и крепкие зубы
перегрызают любой корень
и надкусывают древнейшие плоды,
я, чьи мясистые губы жаждут напиться
из рек — свидетелей моего рождения,

чей торс увлажнен соленым потом
уставших портовых грузчиков,
каменотесов, крестьян,
выращивающих кофе, и узников,
которые так одиноко и так напрасно
надрываются на каторге лишь потому,
что не хотели быть призраками, —
я кричу вам голосом свободного человека,
что буду с вами, товарищи,
что буду шагать нога в ногу с вами,
шагать просто и весело,
честно, спокойно, уверенно,
курчавый и смуглолицый, —
чтобы вместе с вами менять
ревушие ленты ваших пулеметов,
чтобы, сдерживая дыхание, ползти
рядом с вами,
там, где сейчас вы и где мы будем вместе
под жарким небом, продырявленным пулями,
строить новую, простую и безграничную,
чистую, простую и безграничную,
высокую, чистую, простую и безграничную
жизнь, звонкую от наших неистребимых голосов.

* * *

Россия, благородная Россия!
Ты во сто крат святей и благородней,
С тех пор как, жезл и скипетр свой сломив,
В свои ты руки серп взяла и молот!
Здесь крайний выступ Запада, здесь горы
Уходят ввысь зубчатою стеною,
Подобно необъятным лирам
Из камня и из солнца. Но повсюду,
Где бурые раскинулись равнины,
Где зеленеют нивы, где глубоко
Струятся реки, где морской простор
Светло смеется, где растет терновник,
На солнце зреет золотой лимон,
Где рядом с дроком расцвела гвоздика,
От гор к горе и от реки к реке
Испании ты слышишь голос.

Раскат грозы военной покрывая,
Гремя от моря и до моря,
Он говорит тебе:

Сестра!

МИХАИЛ СВЕТЛОВ

ИСПАНСКАЯ ПЕСНЯ

Над израненной пехотой
Солнце медленно плывет,
Над могилой Дон Кихота
Сбросил бомбу самолет.

И в дыму военной бури,
И у смерти на краю
Ходит с песней Ибаррури —
Ходит женщина в бою.

Я хотел бы с нею вместе
Об руку, ладонь в ладонь,
У пылающих предместий
Встретить полночи огонь, —

Чтоб отряды шли лавиной,
Чтобы пели на ходу
Все, что пела Украина
В девятнадцатом году;

Чтоб по улицам Толедо
С этой песней прошагать,
Теплым воздухом победы
Учащенно задышать!..

Над землей военнопленной,
Над Севильей держит путь
Гул, мешающий вселенной
Утомленной отдохнуть.

ЛЕОНИД ПЕРВОМАЙСКИЙ

ИСПАНСКАЯ ПЕСНЯ

Испания, полная гнева и стона,
Сегодня приснилася мне.
Я видел: над ней полыхают знамена,
И небо в дыму и огне.

И зарево ходит от края до края,
Долины пожаром цветут.
Добить воронья чернокрылую стаю
Стальные колонны идут.

С рассвета до ночи гремят батареи:
В бою зарождаются дни.
Колышется знамя — заката алее,
Походная песня звенит.

К нам ветры под Киев из Сан-Себастьяна
Знакомый напев принесли
О том, как сражались в тайге партизаны,
Как с боем Приморье прошли.

И слышно под гром канонады в Кордове,
Как вдоль апельсиновых рощ
Проходят бойцы с побеждающим словом,
С красногвардейским: «Даешь!»

Даешь, компаньерос, долины и горы —
Республики славу и мощь!
Достаточно в сердце накоплено горя,
Чтоб дружно воскликнуть: «Даешь!»

Даешь, компаньерос, под красные стяги
За славную землю свою!
Достаточно в сердце имеем отваги,
Чтоб дружно сражаться в бою!

От стен Овиедо до башен Мадрида
Дорога страданий лежит.
И лучше нам стоя конец свой увидеть,
Чем век на коленях прожить!

ЕВГЕНИЙ ДОЛМАТОВСКИЙ

ПИСЬМО РАФАЭЛЮ АЛЬБЕРТИ

Я только песню осторожно трону,
Она сухим огнем заговорит.
Взгляну в окно — увижу Барселону
И ружья заряжающий Мадрид.

Нас разделяют сотни километров,
Но мы, читая строки телеграмм,
Тревожно дышим крутизной и ветром,
Как будто с вами ходим по горам.

Мы с вами схожи, словно капли крови,
Нас мучает тревога этих дней.
У вас, пожалуй, брови чуть суровой
Да волосы курчавей и темней.

На мир идут, идут, идут солдаты,
И самолеты черные летят.
Но все-таки придет он — час расплаты
За гибель астурийских баррикад.

Там девочка Аида Лафуэнте
Пошла одна на острый дождь штыков.
У пулемета — до последней ленты —
Держалась, защищая горняков.

Что мертвая — еще не замечали, —
Ведь кровь по красной кофточке текла.
Да будет боем день моей печали,
Да будет память о тебе светла!

Пойду к друзьям.
В тяжелую минуту
Мы сходимся, чтоб сделаться сильней.
Плывет над нами синим парашютом
Большое небо родины моей.

И кровь по жилам
Пробежит быстрее,
Когда над картой дорогой земли
Склонимся мы,
Увидев Пиренеи,
Что черно-бурым волком залегли.

Мы слышим выстрелы и песни.
Верьте!
Земля должна цвести одной весной!
Вот наши руки, Рафаэль Альберти,
Певец моей Испании родной.

«БАНДЕРА РОХА»

Горы
дымом застланы в бою,
и в долинах
люди в полном сборе...
Говорят, в Испании поют
наше
«по долинам и по взгорьям».
Жар костра
у пушечных колес,
в перестрелке —
песня молодежи.
Их слова
звучат
на «лас» и «лос»,
содержание —
одно и то же.
Телеграф
сегодня рассказал,
что пожаром
ночь полиловела,
что дрожит
от штурма Алькасар,
что снарядом рвется
Талавера,
от разрывов рушатся мосты,
содрога
горы Гвадаррамы.
Мы встаем,
глядим из-за Москвы:
чья берет?
чье знамя за горами?
Враг летит.
Вы встретили его
той же ненавистью,
что и наша!

Враг летит,
                     на «юнкерсе» — кривой
 черный крест
                     войны и шпионажа,
 это общий, злобный, кровный враг, —
 то в погонах
                     генерала Франко,
 то с поддельным
                     паспортом
                                     в руках,
 купленный
                     германскою охранкой.
 Мурсия!
                     Валенсия!
                                     Мадрид!
 В бой,
                     вооруженные подруги!
 Пусть
                     вас подымает
                                     и бодрит
 наша помощь,
                     нашей дружбы руки!
 Пиренеи
                     вознесли хребет,
 нас не разделяет
                     отдаленность:
 слышишь
                     голос,
                                     посланный тебе,
 друг,
                     испанец,
                                     баск
   и каталонец!
 Вам, дерущимся в долине Тахо,
 грудью
                     свой Мадрид загородив,
 Вам — хлеба
                     орденоносных нив,
 вашим детям —
                     демченковский сахар!
 Пусть быстрее
                     плывет победа к вам,
 к стенам Сарагосы
                     и Кордовы,

как плывет
                    под знаменем багровым
к берегам Испании
                    «Нева»!
К вам домчалась
                    песня из Москвы
шибче птицы,
                    четче телеграммы.
Горы Гвадаррамы
                    высоки,
но победный день
                    не за горами!

— Мы горды
    страною лучшей в мире,
Рады мы
    рождению своему
Под Москвой,
    в Полтавщине, в Сибири,
На Кубани,
    в Грузии,
    в Крыму.

...Вот несут
    мешки пшеницы
    с воза.
Вот Грицько,
    Абдул
    или Иван
Их сгружают
    в тот амбар колхоза,
Где висит
    плакат
    «Но пасаран!».

...Вот гремят
    машины фабрик платья,
Вот идет
    конвейер обувной.
На знаменах:
    «Для любимых братьев,
Для бойцов
    Испании родной».
В этот труд
    всю мощь любви вложили
Мастера
    стахановских станков.
Сотни глаз
    любою складкой жили!
Сотни раз
    проверен каждый шов!

...На дворе
    огромнейшего дома
Собралась
    на митинг
    детвора.

Посреди —
    девятилетний Сема,
Предводитель
    детворы двора.
У него
    хватает сил и пыла
Сосчитать —
    хотя не без труда, —
Достоянье
    тридцати копилочек,
Отправляемое
    «туда».

...И текут
    рублевки и десятки
Из любого
    уголка страны,
Вот почтовый штемпель
    «Пятихатки»,
«Тула», «Томск»,
    «Владивосток»,
    «Ромны».

Вот слова,
    священные навеки:
— Для испанцев?
    Больше запиши! —
Это сваны,
    русские,
        узбеки,
Украинцы,
    лаки,
        чуваши...

* * *

В кастильском нищенском селенье,
Где только камень и война,
Была та ночь до одуренья
Криклива и раскалена.
Артиллерийской подготовки
Гроза гремела вдалеке.
Глаза хватались за винтовки,
И пулемет стучал в виске.
А в церкви — экая морока! —
Показывали нам кино.
Среди святителей барокко
Дрожало яркое пятно.
Как камень, сумрачны и стойки,
Молчали смутные бойцы.
Вдруг я услышал: русской тройки
Звенели лихо бубенцы,
И, памятью меня измаяв,
Расталкивая всех святых,
На стенке бушевал Чапаев,
Сзывал живых и неживых.
Как много силы у потери!
Как в годы переходит день!
И мечется по рыжей сьерре
Чапаева большая тень.
Земля моя, земли ты шире,
Страна, ты вышла из страны,
Ты стала воздухом, и в мире
Им дышат мужества сыны.
Но для меня ты с колыбели —
Моя земля, родимый край.
И знаю я, как пахнут ели,
С которыми дружил Чапай.

МИХАИЛ ТРОИЦКИЙ

ИСПАНИЯ

И вдруг по залу глуховато
Толпы дыханье пронеслось.
Оно с жужжаньем аппарата
В один и трудный вздох сошлось.

Так от колесиков зубчатых
Большая повернется ось,
Так струны: запоеет одна —
Другая задрожит струна.

Так свет изображение строит —
Далекий раскаленный день
Прошел, но долго целлулоид
Хранит живые свет и тень.

Ряды бойцов и небо юга,
Вот кто-то смотрит к нам сюда.
Я, может быть, такого друга
Не встречу больше никогда.

Винтовку взял шутя и взвесил.
Пусть поглядел он наугад,
Но взгляд его упрям и весел!
Мы здесь, товарищ! Все глядят.
Мы сжали пальцы, ручки кресел
У нас в руках, а не приклад.

Так мысль идет мгновенным чудом
На всех народов языки,
И смотрят женщины оттуда,
К плечам поднявши кулаки.

Там день, здесь вечер темный, ранний,
Там свет, но между нами нет
Ни дней пути, ни расстояний,
И все мы поняли привет.

Бойцы нам свой пароль сказали.
И дети закивали нам.
Они глядят как будто в зале,
А мы глядим как будто там.

Свои вершины приближая,
Идут вдали покатые холмы.
Твои дороги, родина чужая,
Как сказки детства, узнавали мы.

«Испания!» — мы повторяем глухо,
Мы узнаем, как имя произнести,
Чтоб оглянулась шедшая старуха,
Чтобы друзья услышали: мы здесь!

Мы здесь глядим, мы знаем все кругом.
Как мы глядим! В экран ворваться можем,
Как будто кинемся к прохожим,
Детей их на руки возьмем.

Я узнаю дороги жесткий камень
И матерей усталые глаза.
Покачивая серыми выюками,
Проходит мул — и трудно дышит зал.

Как мы глядим! Мы здесь. Мы узнаем
Обломки баррикад, пустые окна зданий.
Они живут в дыхании моем
И в горькой тишине воспоминаний.

Мы узнаем. Мы знаем все вокруг:
Шипенье пуль и крик гортанный.
О, если бы перешагнул я вдруг
На серую траву экрана!

Не подвиги, не воинская слава!
И клятвы ни одной не произнести!
К чужой земле, к чужим горячим травам
Прижаться грудью! Родина, ты здесь!

О, если бы... Но это только чудо!
О, если бы... Но это полотно!
Комок земли хотя бы взять оттуда,
Уж если мне там быть не суждено!

ЛАЦО НОВОМЕСКИЙ

СОН

Товарищам из Интербригады

Вдруг вспыхнуло,
потом забилося, взвихрилось, взвилось,
как будто новый флаг,
как будто пламя —
как пламя — где-то близко
затрепетало, ветром налилось.

В мир, в темноту, в часы и в нас упорно
вторгаются — без ритма, вкривь и вкось —
отрубленные руки, языки, кривые крылья.

Июльской ночью
я был разбужен в поле под Кихорно...

О сон,
о странный сон —
а это разгорался бой,
а это вдалеке огонь открыли.

Под ливнем стрел я сон толкую свой.
Как шар хрустальный,
я голову в ладонях прячу снова,
вычитываю в темноте ночной
грядущий светлый день,
который здесь берет сегодня слово.

Всплеск выстрелов ведет меня в места,
где побывал во сне я, — где бессонна
стрельба, тот дальний бой,
та ночь, когда под звездами засну,
и разгорятся надо мной знамена,
желаний давних свежие знамена,
и над пастушьими кострами —
холодный ветер

Гвадаррамы.

СНЫ

Я не знаю, надо иль не надо
Сны свои рассказывать в стихах.
Только возле города Гренады
Я сегодня ночевал в горах.

Я видал, как проходили грозы,
Слышал — толпами издалека
Проплывали верхом бомбовозы,
Низом проплывали облака.

После снов тяжелых, после боя,
После гулких вздохов батарей
Небо над Испанией такое,
Как весной над Родиной моей.

Я хожу по улицам суровый,
Сплю под дребезжанье гроз.
В комнате моей шестиметровой
Запах пороха мадридского и роз.

Из садов распахнутых Гренады,
Не увядших на крутых ветрах...
Я не знаю, надо иль не надо
Сны свои рассказывать в стихах.

Если звездными ночами снятся,
Как расходятся во тьму пути, —
Значит, сердцу дома не сидится,
Значит, сердцу хочется уйти.

Но оно не скажет мне ни слова,
Я пойму его по слуху сам —
К опаленным подступам Кордовы,
К астурийским рослым горнякам

Рвется сердце. Сквозь дожди и ветры
Путь его протянется, как нить...
...На пространстве в шесть квадратных
метров
Разве можно сердце уместить?

Пусть выходит сердце, как победа,
Как луна, к раскрытому окну,
К черноглазым девушкам Овьедо,
Отстоявшим пулями весну.

И они, уверенны и ловки,
Проходя сквозь орудийный дым,
Зарядят тяжелые винтовки
Сердцем сокрушающим моим...

АЛИ ШОГЕНЦУКОВ

РОЗА ПИРЕНЕЕВ

От тучи багровой
Очей не отвесь ей...
Ей слышатся зовы:
«Возмездье! Возмездье!»

Кровь мечется в жилах
И буйствует в сердце:
«За братьев, за милых!
За муку, за смерть их!»

И в диво кому же,
Что, вся пламенея,
Хватает оружие
Краса Пиренеев.

Как вестник отмщенья,
О пуля, домчись ты!
Нет лучше мишени,
Чем сердце фашиста!

Когда изуверы
Бомбили Мадрид твой,
О роза Сиерры,
Ты ринулась в битву.

И, гневом объята,
Разя без пощады,
Штыком и гранатой
Ты встретила гада.

Пусть гибели жало
Тебя не достанет,
Цвет губ твоих алых
Пусть вечно не вянет!

Пусть слово поэта
Хранит твою юность,
Чтоб в славе победы
Ты в сад свой вернулась!

ЛИНА ОДЕНА

Взбежала она на утес каменистый
И словно застыла, сжимая ружье.
...Такою и помнят ее коммунисты,
Как образ Испании,

любят ее.

Стояла она на обрыве прибрежном,
Как знамя отважных, свободных сердец.
...С друзьями была она ласково-нежной,
К врагам беспощадной,

как пули свинец.

Да, Лина Одена не ведала страха.
Глаза у нее — вороненая сталь.
Белки этих глаз — точно небо над Тахо,
И в небе два солнца затмила печаль.
Одежда проста:

темно-синий и старый,

С гранатой у пояса комбинезон.
Косынка на шее — как пламя пожара,
Которым война обожгла небосклон.
Мне руку пожала она на прощанье
И твердой походкой спокойно ушла.
Ушла отомстить за испанцев страданье,
В бою умереть, чтоб свобода жила.
...Голубка с пылающим сердцем орлицы,
Стервятников много,

но ты им страшна!

Коричнево-черная туча клубится.
Ты блещешь, как молния, в туче одна.
Одна...

Обжигает винтовка ладони.

Враг трусит, ползет, замыкает кольцо.
Уже не один между скалами стонет,
Навек захлебнувшись горячим свинцом.
Одна ты.

Но черная кровь фалангистов
Ржавеет на камнях...

Голубка, держись!

Нет больше патронов...

Вперед,
коммунистка!

И пальцы руки на гранате сошлись.

— Живой не возьмете!

Я Лина Одена! —

Враги отшатнулись, прицелились вновь.

...Семь пуль заморозили в сердце и венах

Горячую, алую девичью кровь.

...Да, Лина Одена была коммунистом,

И образ ее никогда не умрет.

Бессмертна она,

как утес каменистый,

Как Тахо волна,

как испанский народ.

Я помню,

как помнил,

где только я не был:

Глаза у нее — вороненая сталь.

Белки этих глаз —

два безоблачных неба,

В которых

два солнца

затмила печаль.

МИХАИЛ ИСАКОВСКИЙ

МАТЬ

*Героическим женщинам
Испанской республики*

Солнце жжет. Тиха долина.
Отгремел в долине бой...
— Где ж ты, дочка? Где ж ты, Лина?
Что случилось с тобой?

Иль твое не слышит ухо?
Иль дошла ты до беды?
Отзовись! — твоя старуха
Принесла тебе воды.

Дочь молчит, не отвечает,
Не выходит наперед,
Мать родную не встречает,
Ключевой воды не пьет.

Спит она под солнцем жгучим,
Спит она с ружьем в руке
На сыпучем, на горячем,
Окровавленном песке.

Платье девочки измято,
И растрепана коса,
И, не двигаясь, куда-то
Смотрят темные глаза.

Мать сама глаза закрыла —
Молчалива и проста;
Мать сама ее зарыла
У зеленого куста.

Положила серый камень
На могилу на ее,
Прядь волос взяла на память
И еще взяла ружье.

И по горным переходам,
Через камни и пески,
Со своим пошла народом
На фашистские полки.

За страну пошла родную,
За великие дела
И за воду ключевую,
Что не выпита была.

Сердце — в гневе, сердце — в горе,
Сердце плачет и поет:
«По долинам и по взгорьям
Шла дивизия вперед».

ПЕРЕД БОЕМ

Гасли в заводях зори,
Меркли ночи края,
Мы стояли в дозоре
Молча — песня и я.

Возле насыпи, рядом,
На испанской земле,
Чутко спали отряды,
Притаившись во мгле.

В полусумраке синем,
Что сгорал в этот час,
Шла она по долинам
И увидела нас.

Снилась родина ротам,
Снились дом и семья,
Вдруг окликнули: — Кто там? —
Разом песня и я.

И к вершинам орлиным
Предрассветной земли
Долетел из долины
Тихий отзыв: — Свои!

Шла над синей рекою,
Волны меркли во мгле,
И ни сна, ни покоя
Не нашла на земле.

Сосчитала могилы,
Оглядела живых —
Непоборных, любимых
Сыновей боевых.

Просыпалась отрядов
Боевая семья.
— Кто ты? — крикнули рядом.
— Ваша мать, сыновья!

Трубы трубят над строем
В непокорном краю, —
Будьте — каждый героем,
Непреклонным в бою.

Знамя вскинула к свету
И пошла, как в ряду,
Мимо песни неспетой
У меня на виду.

В небо взвились отвесно
Два зловещих крыла,
Отозвалась песня
И за нею пошла.

СЫН

Провожала сына мать,
Говорила сыну мать:

— Марокканские отряды
По твоей земле прошли.
Итальянские снаряды
Виноградники сожгли.
Дымной гарью пахнет воздух —
Села мирные горят,
Слышишь —
Это бомбовозы
По-немецки говорят.
Видишь —
В небе самолеты
Стаей воронов кружат.
У горячих пулеметов
Пулеметчики лежат.

Сестры братьев провожают...
Под обстрелом батарей
Дети наши умирают
На глазах у матерей.

Под Мадридом встретишь брата,
Помоги ему в бою:
Рядом встань и брось гранату
За Республику свою!

И, вдевая ногу в стремя,
Сын сказал тогда в ответ:
— В наших селах трусов нет!
Мать, я ухожу со всеми,
Мне уже пятнадцать лет!

ИНТЕРБРИГАДОВЦУ, ПАВШЕМУ В ИСПАНИИ

Если живы еще на земле исполины,
у которых сердца как подводные гроты,
а лицо бороздят корабли и долины,
горизонты и льды, — ты из этой породы.

Флаги родин слетелись на клич твой орлиный,
чтобы вздох твой наполнил их ветром свободы.
И ты встал на дороге звериной лавины,
и светлы были раны твои, как восходы.

Полной грудью вобрав все ветра и приливы,
ты в Испанию врос и воздвиг над камнями
свод ветвей, осеняющих земли и воды.

Из костей твоих мертвых восстанут оливы,
и навеки сплетутся стальными корнями,
и единым объятьем обнимут народы.

ПАБЛО ДЕ ЛА ТОРРЬЕНТЕ, ПОЛИТКОМИССАРУ

«Я остаюсь в Испании, друзья!» —
ты клятвою влюбленного поклялся.
И срублен ствол ударом лезвия —
в траве Испании навеки ты остался.
Не плачут над могилою твоей:
молчат бойцы — обветренные камни,
и тлеет жар обугленных бровей
над грозными гранитными зрачками.
Ровняя строй, проходит командир,
вливая силу в траурные волны,
и, как вулканы, в каменной груди
стальные слезы копит он безмолвно.

И Мануэль, застенчив и горяч,
смыкает губы гневно и печально —
так обрывает сиротливый плач
утратившая молот наковальня.
И руки офицеров и солдат,
склоняясь над могилою твоею,
кладут в нее осколки от гранат —
кладут как погребальные трофеи.

Твой голос смолк для мертвых и живых,
ты убаюкан доблестными снами
и никогда на звонких мостовых,
как стройный смерч, не встанешь перед нами.
Ты пал в Испании
и в сердце у меня,
тебя не встретит солнце спозаранку;
быки твою отвагу сохранят
и горы — гордую твою осанку.
Доверчиво прижав к чужой земле
о коцелуях бредившие губы,
ты спишь с испанским солнцем на челе
и в смертный мрак уносишь солнце Кубы...

Перед кубинским рыцарем застыв,
сомкните строй, бойцы его бригады,
спаяв ладоней стиснутый порыв
с рывком штыка и яростью приклада.
С улыбкой глядя на могильный ров,
на комья глины, порохом пропахшие,
на белизну немых его зубов,
клянитесь отомстить за раны павших.

Для Пабло оборвался бег минут...
Но он из тех, чьи раны — как рассветы,
из тех, что даже мертвыми растут,
пока дробят столетья их скелеты!

ГАНС БЕЙМЛЕР

Клочок земли. Лачуги нищеты.
Отец идет в поместье наниматься.
Ты смотришь, бедный Ганс, как тучки мчатся,
И о «Счастливом Гансе» гредишь ты.

Познал ты голод; мыкался немало;
Фабричным был; потом попал во флот.
Но лишь одно в тебе не угасало:
С народом в сердце драться за народ!

Концлагерь — вот отважному награда.
Каких ты только там не вынес кар!
Но от тебя отскакивал удар.
Однажды ночью ты бежал из ада.

В Испании, на опаленных кручах,
За родину ты пал... Вот — участь лучших.

ВЛАДИМИР ЛИФШИЦ

БАЛЛАДА О БЛОКНОТЕ

В Мадрид приехал журналист.
Тропа на фронт скалиста.
Пронумерован каждый лист
В блокноте журналиста.

От серой шляпы до штанин —
Он под защитой флага —
Тридцатилетний гражданин,
Газетчик из Чикаго.

Республиканский полк привык
К сухому парню с «лейкой» —
Он снял и полк, и труп, и штык,
Покрытый кровью клейкой.

Он снял и женщин и детей,
Копających траншеи.
Он снял залегших там людей —
Затылки их и шеи.

В его движениях сквозит
Ленивая отвага.
А впрочем, что ему грозит?
Он под защитой флага...

Вот первый лист из-под пера
Уходит телеграммой:
«Мятежный полк разбит вчера
В бою под Гвадаррамой».

Блокнот второй роняет лист...
Жара. Воды — ни капли!
Но пьет из фляги журналист
В костюме цвета пакли.

Шофер прилег за пулемет.
Девчонка бредит рядом.
Их только пленка заберет —
Им не уйти с отрядом!

Вторым прилег за пулемет
Учитель из поселка.
Его и пленка не берет —
Погибла от осколка!

Попали в сложный переплет
Рабочие колонны,
И третьим лег за пулемет
Монтер из Барселоны:

Он лег на пять минут всего —
Смертельная зевота...
И больше нету никого,
Кто б лег у пулемета!

Уже штыков неровный ряд
Спускается с пригорка,
Как вдруг их снова шлет назад
Свинца скороговорка!

За пулеметом — журналист.
А после боя кто-то
Последний вырывает лист
Из желтого блокнота

И пишет, улучив момент,
Как совесть повелела:
«Ваш собственный корреспондент
Погиб за наше дело!»

АМЕРИКАНЦАМ, ПАВШИМ ЗА ИСПАНИЮ

Этой ночью мертвые спят в холодной земле в Испании. Снег метет по оливковым рощам, забивается между корнями деревьев. Снег заносит холмики с дощечкой вместо надгробья. (Там, где успели поставить дощечки.) Оливковые деревья стоят оголенные на холодном ветру, потому что нижние ветви были обрублены для укрытия танков, и мертвые спят в холодной земле среди невысоких холмов над Харамой. Было холодно в феврале, когда они умерли, а с тех пор они не замечают смены времен года.

Два года прошло с тех пор, как батальон имени Линкольна четыре с половиной месяца удерживал высоты Харамы, и первые американцы, павшие там, давно уже стали частицей испанской земли.

Этой ночью мертвые спят в холодной земле в Испании и проспят всю холодную зиму, пока с ними вместе спит земля. Но весной пройдут дожди, и земля станет рыхлой и теплой. Ветер с юга мягко овеет холмы. Черные деревья опять оживут, покроются зелеными листьями, и яблони зацветут над Харамой. Весной мертвые почувствуют, что земля оживает.

Потому что наши мертвые стали частицей испанской земли, а испанская земля никогда не умрет. Каждую зиму она кажется мертвой, и каждую весну она вновь оживает. Наши мертвые с ней всегда будут живы.

Как земля никогда не умрет, так и тот, кто был однажды свободен, никогда не вернется к рабству. Крестьяне, которые пахут землю, где лежат наши мертвые, знают, во имя чего они пали. За два года войны они успели понять это, и никогда они этого не забудут.

Наши мертвые живы в памяти и в сердцах испанских крестьян, испанских рабочих, всех честных, простых, хороших людей, которые верили в Испанскую республику и сражались за нее. И пока наши мертвые живут как ча-

стица испанской земли, — а они будут жить, доколе живет земля, — никаким тиранам не одолеть Испании.

Фашисты могут пройти по стране, проламывая себе дорогу лавиной металла, ввезенного из других стран. Они могут продвигаться с помощью изменников и трусов. Они могут разрушать города и селения, пытаясь держать народ в рабстве. Но ни один народ нельзя удерживать в рабстве.

Испанский народ встанет против них, как он всегда вставал против тиранов.

Мертвым не надо вставать. Теперь они частица земли, а землю нельзя обратить в рабство. Ибо земля пребудет вовеки. Она переживет всех тиранов.

Те, что достойно сошли в нее, — а кто достойней сошел в нее, чем боец, павший за Испанию? — те уже достигли бессмертия.

РУССКИЙ В АНДАЛУСИИ

Гроб несли по розовому щебню,
И труба унылая трубила.
Выбегали на шоссе деревни,
Подымали грабли или вилы.
Музыкой встревоженные птицы,
Те свою высвистывали зорю.
А бойцы, не смея торопиться,
Задыхались от жары и горя.
Прикурить он больше не попросит,
Не вздохнет о той, что обманула.
Опускали голову колосья,
И на привязи кричали мулы.
А потом оливы задрожали,
Заступ землю жесткую ударил.
Имени погибшего не знали,
Говорили коротко «товарищ».
Под оливами могилу вырыв,
Положили на могиле камень.
На какой земле товарищ вырос?
Под какими плакал облаками?
И бойцы сутулились тоскливо,
Отвернувшись, сглатывали слезы.
Может быть, ему милей оливы
Простодушная печаль березы?
В темноте все листья пахнут летом,
Все могилы сиротливы ночью.
Что придумаешь просторней света,
Человеческой судьбы короче?

АЛЕКСЕЙ ЛЕБЕДЕВ

БОЙЦУ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО БАТАЛЬОНА

Его сволокли с парохода
И руки связали шкертом.
Горячее солнце восхода
Ударило в камень лучом.

Стоял он спокойно и прямо,
Как будто под сенью знамен,
И помнил: в горах Гвадаррамы
Идет на врага батальон.

И север он вспомнил дремучий,
Простор полноводной реки,
Нависшие серые тучи,
Тепло материнской руки.

Глухую норвежскую волость
И отблеск пожаров в снегах,
И трубка тогда раскололась
В сомкнувшихся твердо зубах.

В столбе налетающей пыли
Взлетели веревок клочки.
На уровне сердца застыли
Тяжелых винтовок зрачки.

Скатилось по склону утеса,
Туда, где гуляют валы, —
Тяжелое тело матроса,
Подобно обломку скалы.

Клянусь под высоким созвездьем
В погасшем немеркнувшем дне:
Мой кровный товарищ,
возмездье

Твое
поручается мне!

ЯН ВЫКА

* * *

По ком тоскуют гитары струны,
Твоей гитары, товарищ юный?

Кого там кличут орлы и бури
На горных кручах в Эстремадуре?

«Ты отзовись нам, Стах Томашевич,
В шорохе веток, в ветра напеве.

В небе весеннем клекотом стаи,
Что в твой далекий край улетает.

Кто там твердит, что на поле ратном
Пал ты и к нам не придешь обратно?

Что будто стал ты пленником смерти?
Это неправда, в это не верьте!

Вставший под наше бессмертное знамя,
С нами ты был и останешься с нами.

Не о тебе ли поем нашу песню,
Песню, что вольно летит к поднебесью?

Сумрак пред нею пятится хмурый
За перевалы Эстремадуры.

И озаряются небосводы
Светом победы, солнцем свободы».

МИХАИЛ ИСАКОВСКИЙ

ПЕСНЯ О ГЕНЕРАЛЕ ЛУКАЧЕ

Склоняя свои боевые знамена,
Испания молча скорбит:
Наш Лукач на знойной земле Арагона
Фашистским снарядом убит.

Родился он в Венгрии солнечным летом,
Европу в походах прошел.
В могучей и славной державе Советов
Бессмертную правду нашел.

Ее за моря, за высокие горы
Бесстрашно понес он вперед.
Пошел он туда, где фашистские своры
Терзают испанский народ.

Он умер за то, чтоб земля расцветала,
Чтоб дети спокойно росли...
До самой Валенсии гроб генерала
Бойцы на руках пронесли.

Страна своего схоронила героя,
Плотнее сомкнула штыки.
Лежит он, но имя его боевое
Ведет в наступленье полки.

Лежит он, не бьется горячее сердце,
И голос навеки погас.
Но слышат испанцы и знают венгерцы
Его командирский приказ.

* * *

Я снова книгу сердца раскрываю,
Страницы перелистываю вновь.
На самой первой шепотом читаю
Его я имя.

Пламенную кровь
Пролил он первый,
и в сердцах народов,
Любви исполненных, он вечно будет жив, —
Он, жизнь окончивший среди походов
За мир и счастье вытоптанных нив.

Мадьяра кровь порывы в нем будила,
Большая вера по земле вела,
Любовь великая и огненная сила
В душе его запрятана была.
Как гордый Байрон в злую непогоду,
Покинул он свой дом и край родной,

За счастье далекого народа
Отважно принял он неравный бой.
Цветет барвинок на его могиле
В полях далекой и родной земли,

Над ним дожди проносятся уныло,
Над ним колеблет ветер ковыли,
Над ним фанфара славы не смолкает, —
Но не услышит он в своем последнем сне;

И боль соленая и гнев во мне вскипает,
Затем что больше я не повстречаю
Того, кто близок так,
кто был так дорог мне.

И с каждым днем все тяжелей утрата,
Она гнетет и мучает меня.

Не стало друга,
нету больше брата,
Кому бы на плечо склонился я,

Кто б искру утешения и света
В минуту грусти в сердце зажигал,
Кто б с мужеством бойца и с чуткостью

поэта

Меня бы вдохновил и поддержал.

И я навеки буду горд тобою,
Кто был так тверд, путем борьбы идя,
Кто, выйдя первым,

в первой лаве боя
Погиб за свой народ,
за своего вождя,

Кто даже мертвым,

павшим на чужбине,
Свой видел край сквозь орудийный дым
И сыном мира поднялся над ним,
Взмахнув крылом широким,

соколиным,
Навек остался —
гордым и живым!

КОНСТАНТИН СИМОНОВ

ГЕНЕРАЛ

Памяти Матэ Залки

В горах этой ночью прохладно.
В разведке намаявшись днем,
Он греет холодные руки
Над желтым походным огнем.

В кофейнике кофе клокочет,
Солдаты усталые спят.
Над ним арагонские лавры
Тяжелой листвой шелестят.

И кажется вдруг генералу,
Что это зеленой листвой
Родные венгерские липы
Шумят над его головой.

Давно уж он в Венгрии не был —
С тех пор, как попал на войну,
С тех пор, как он стал коммунистом
В далеком сибирском плену.

Он знал уже грохот тачанок
И дважды был ранен, когда
На запад, к горящей отчизне,
Мадьяр повезли поезда.

Зачем в Будапешт он вернулся?
Чтоб драться за каждую пядь,
Чтоб плакать, чтоб, стиснувши зубы,
Бежать за границу опять?

Он этот приезд не считает,
Он помнит все эти года,
Что должен задолго до смерти
Вернуться домой навсегда.

С тех пор он повсюду воюет:
Он в Гамбурге был под огнем,
В Чапее о нем говорили,
В Хараме слышали о нем.

Давно уж он в Венгрии не был,
Но где бы он ни был — над ним
Венгерское синее небо,
Венгерская почва под ним.

Венгерское красное знамя
Его освящает в бою.
И где б он ни бился — он всюду
За Венгрию бьется свою.

Недавно в Москве говорили,
Я слышал от многих, что он
Осколком немецкой гранаты
В бою под Уэской сражен.

Но я никому не поверю:
Он должен еще воевать,
Он должен в своем Будапеште
До смерти еще побывать.

Пока еще в небе испанском
Германские птицы видны,
Не верьте: ни письма, ни слухи
О смерти его не верны.

Он жив. Он сейчас под Уэской.
Солдаты усталые спят.
Над ним арагонские лавры
Тяжелой листвой шелестят.

И кажется вдруг генералу,
Что это зеленой листвой
Родные венгерские липы
Шумят над его головой.

ВАЛЕРИЙ СТОЛБОВ

РАССКАЗ О ФАШИСТСКОМ ЛЕТЧИКЕ

Облака расступились
и летчик «фиата»
На испанскую землю поглядел свысока.
Только курицы да поросята
Остались на улицах городка.

Летчик сплюнул в первую улицу.
Вот и кружись с обоймами.
Не будешь же бить по курицам
Пулями бронебойными.

Замер поселок, свернулся в клубок
Крыш черепичных и белых дорог.

В душе у пилота досада и злость.
Впрочем... Что может быть проще?..
Он взял листовок полную горсть
И выбросил вниз на площадь.

Сначала из окон, глазам не веря,
Следили, и вдруг распахнулись двери.
И из домов, из канав, из ворот
Вихрем на площадь взметнулся народ.

Седые женщины в черных одеждах,
Прищурясь, глядели в небо.
«Плыви, листовка! Плыви, надежда!
Мира бы нам да хлеба».

Матери в небо младенцев тянули.
«Глянь-ка! Вон они, гуленьки-гули!»

Здесь и закончить бы нам эту повесть,
Тут и поставить бы многоточие...
Но в гущу людскую, прицелясь на совесть,
Летчик пустил пулеметную очередь...

На кровью политую землю, неловко,
Одна за другой опускались листовки.
Что в них написано, нам неизвестно,
Никому это не было интересно.

ТРАУРНЫЙ МАРШ НА РУИНАХ ДУРАНГО

Отче пепел испанских селений,
да хранит тебя вечное небо,
отче пепел, восставший из тленья.

Отче пепел, парящий над нами,
да взлетишь ты к небесному трону,
отче пепел, господнее знамя.

Отче пепел, потомок пожара,
да взметен будешь ты в беспредельность,
отче пепел, потомок пожара.

Отче пепел, предтеча возмездья,
да низринут ты будешь на землю,
отче пепел, предтеча возмездья.

Отче пепел в ладонях простертых,
да оденет господь тебя плотью,
отче пепел, проклятие мертвых.

Отче пепел, железные тучи,
да предстанешь ты в облике мужа,
отче пепел, суровый и жгучий.

Отче пепел, о рубище парий,
да не тронет никто твоих нитей,
отче пепел, о рубище парий.

Отче пепел, убийцами взрытый,
да сойдешь ты, шагая по праху,
отче пепел, с небесною свитой.

Отче пепел, о саван гигантский,
да вовеки хранит тебя небо,
отче наш, горький пепел испанский!

Отче пепел, летящий к рассвету,
да дарует господь тебе крылья,
отче пепел, летящий к рассвету!

* * *

Издавека, чем дальше, тем яснее,
в зенице мира, пристальной и страшной,
со дна страдания, где кротость сатанеет,
встает Герника адом рукопашной.
Бой априори, вечный, вне масштаба,
бой слабых душ
с бессильем плоти слабой,
бой, где в пеленках, скомканных и красных,
ребенок бьется — сам, без понуканий —
животную отчаянностью гласных,
и мать — похолодевшими руками,
и бьется хворый смятой простынею,
кольцом детей, таблеткою и стоном,
и старый — костылем и сединою,
и настоятель — именем Христовым!
Обида слабых,
жалкая, немая!
О безответные защитники Герники!
Вы поднимаетесь, планету обнимая
непобедимой беззащитностью великих!

АНРИ КОРНЕЛЮС

ПЕСНЬ ГЕРНИКИ

Мы не поедem в Гернику, —
Там лавры кровью омыты.

Мы не поедem в Гернику, —
Сады там войной изрыты.

Мы не поедem в Гернику, —
Ее сыновья убиты.

Мы не поедem в Гернику, —
Там вóроны смертью сыты.

Но все дороги Испании
Проходят через Гернику.

ПАБЛО НЕРУДА

АЛЬМЕРИЯ

Блюдо для епископа, блюдо растертое, горькое,
блюдо с кусками железа, с золой, со слезами,
блюдо падающих стен, —
блюдо для епископа, блюдо крови Альмерии.

Блюдо для банкира, блюдо, где лица, и щеки,
и ямочки
детей счастливого юга, блюдо с разрывами,
блюдо яростных вод, развалин и страха,
блюдо расщепленных позвонков, истоптанных лиц, —
черное блюдо, блюдо крови Альмерии.

Каждое утро, каждое мутное утро вашей жизни
оно будет дымиться, горячее, на вашем столе.
Вы его слегка отодвинете холеными руками,
поставите между хлебом и виноградом,
вы его слегка отодвинете, чтобы не видеть.
Но это блюдо тихой крови
будет каждое утро перед вами,
каждое утро.

Блюдо для полковника и для супруги полковника,
на полковом празднике,
блюдо для вас, богатые,
для послов, для министров, для нахлебников,
блюдо для дам в покойных креслах,
блюдо рубленого, жидкого, льющегося через край, —
блюдо нищей крови,
на каждое утро, на каждый день,
блюдо крови Альмерии —
навсегда, навеки.

СПИ

Всегда убийства где-нибудь —
и меж пытливых круч,
и в лоне дремлющих долин —
куда ни глянь. И зря
ты утешаешься: от нас
все это далеко!

Шанхай и Герника сейчас
для сердца моего
близки вот так же, как твоя
напуганная рука
или Юпитер — в небесах.

На небо не гляди
и не гляди на землю. Спи!

В пыли искрящегося Млечного Пути
бегущая смерть засыпает серебром
спотыкающиеся в смятенье
неистовые тени.

АГИТАЦИЯ

Когда канонада копает могилы —
тысячи опрокинутых колыбелей,
детских могил над городами,
букетики цветочков взмечтаются чудовищным
букетом.

Пускай столепестковым предостереженьем
поднимается над могилами кулак розы,
потому что напрасны, напрасны, напрасны
все любви, поцелуи, объятья,
когда разлетаются мелкие букеты,
когда канонада копает могилы —
тысячи опрокинутых колыбелей,
детских могил над городами.

АНРИ КОРНЕЛЮС

НЕСЛЫШНО СНЕГ ИДЕТ...

**Неслышно снег идет. Сеговия в снегу.
Расселось воронье на черных тополях.**

**Неслышно снег идет. Как девушкам найти
Могилы женихов в заснеженных полях?**

**Сеговия в огне. К могилам нет пути.
Невидимый огонь и нежный белый прах...**

**Неслышно снег идет. Сеговия в снегу.
И дремлет воронье на белых тополях.**

АНТОНИО МАЧАДО

* * *

Испания моя! Рукой нещадной
ты, лира вольная меж двух морей,
размечена на зоны лагерей
по взгорьям, по холмам, по ниве страдной.

Дух древней злобы рушит безоглядно
дубы твоих дубрав; с твоих полей
жнет хлеб и давит в виннице твоей
искристый сок из грозди виноградной.

Испания, страдальца моя, —
опять терзает враг твои моря,
на произвол предательству все отдано;

что́ ты хранишь в святилищах старинных,
что́ нарождается в твоих глубинах —
все ради власти предано и продано!

ШЕСТВИЕ НАД ПАВШИМ БИЛЬБАО

Израненный мертвый брат мой,
Республики смолкший возглас!
Они уже близко, бледный, они по ступеням трона
идут через твой бескровный, твой годовалый возраст,
глядящий в пустое небо печально и удивленно.

Сядь, отстрадавший воин,
встреть их спокойно и просто,
сдвинь этот крест неожиданный,
с трона взгляни на крыши.
Стынут хоругви мертвенно-белых простынь.
Они все ближе, товарищ, они все ближе.

Далекое «где ты?..»
затихло клочками голубки,
и дети не плача избегают откосом могилы,
Эрнесто Суньига, сложи свои думы и руки,
покоится мир твой,
и в мире война почила.

Приконченный жизнью товарищ,
товарищ конный,
товарищ конь — с седоком и быком напротив!
Костей твоих сирых рисунок высокий и скорбный —
орнамент испанского блеска
в венце благородных лохмотьев.

Присядь же, Эрнесто, один над пустым горизонтом.
Всем телом седея от серых волокон распада,
услышь, как восходят на трон твой...
Какой еще трон там!
На правый сапог твой!
Правый сапог солдата!

ОЛЬГА БЕРГГОЛЬЦ

СТИХИ ОБ ИСПАНСКИХ ДЕТЯХ

СЕСТРЕ

Ночь, и смерть, и духота...
И к морю
ты бежишь с ребенком на руках.
Торопись, сестра моя по горю,
пристань долгожданная близка.

Там стоит корабль моей отчизны,
он тебя нетерпеливо ждет:
он пришел сюда во имя жизни,
он детей испанских увезет.

Рев сирен...
Проклятый, чернокрылый
самолет опять кружит, опять...
Дымной шалью запахнула, скрыла,
жадно сына обнимает мать.

О сестра, спеши скорее к молу!
Как мне памятна такая ж ночь.
До зари со смертью я боролась
и не унесла от смерти дочь...

Дорогая, не страшись разлуки.
Слышишь ли, из дома своего
я к тебе протягиваю руки,
чтоб принять ребенка твоего.

Как и ты согреть его сумею,
никакому горю не отдам,
бережно в душе его взлелею
ненависть великую к врагам.

ВСТРЕЧА

Не стыдись ни счастья, ни печали,
не скрывая радости своей, —
так детей испанских мы встречали,
не родных, обиженных детей.

Вот они — смуглы, разноголосы,
на иной рожденные земле,
черноглазы и черноволосы, —
точно ласточки на корабле...

И звезда, звезда вела навстречу
к кораблям, над городом блестя,
и казалось всем, что в этот вечер
в каждом доме родилось дитя.

ПАРОХОД «САНТАЙ»

То было прошлым летом в Ленинграде.
Мерцал июньский полуночный час.
В прозрачный сумрак напряженно глядя,
Мы с горизонта не сводили глаз.

Три огонька, повиснув над волнами,
За маяком Толбухином росли
И двигались, переключаясь с нами,
С огнями ожидающей земли.

Стерев границы суток и пространства,
Смыкалось небо с белизною вод.
И завершал труднейшее из странствий
«Сантай» — выдавший виды пароход.

Кто в море провожал его? Бискайя.
Сирена выла, шли бои кругом.
Рыдала мать, в дорогу отпуская
Детей, забывших детство под огнем.

И вот возник у нашего причала
Высокий борт, отвесный, как стена,
Мелодией «Интернационала»
Вся палуба была озарена.

Там выстроились маленькие баски
И пели, как свои среди своих,
При этом озирая без опаски
Бессонный мир, усыновлявший их.

Придя из гордой и тревожной дали,
Они, пережитому вопреки,
В просторы детства заново вплывали,
Приветственно вздымая кулаки.

Изведав боль, и страх, и свист фугаски,
Приняв на плечи ранний груз утрат,
Отважно пели маленькие баски,
И слушал их притихший Ленинград.

Никто из них в таких широтах не был.
Блистал восход. Алел закатный след.
И белой ночи праздничное небо
Сияло им, как русской сказки свет.

ИННОКЕНТИЙ ОКСЕНОВ

ИСПАНСКИМ ДЕТАМ, ЖИВУЩИМ В ГОРОДЕ ПУШКИНЕ

Синеет снег в таинственной луне,
И легок след пронесшейся метели,
В такую ночь лицей вздыхал во сне,
А юный Пушкин вскакивал с постели.

Он подбегал к окну с пером в руке,
На зимний блеск, на лунные высоты
Глядел в восторге, в творческой тоске, —
Весь мир звучал торжественною нотой!

В такую ночь был слышен смутный гул,
Как будто гнал Нептун свою державу,
И мчали волны к Царскому Селу
Широкую воинственную славу.

И ныне славен тихий городок,
Он навсегда поэта принял имя
В тот год, когда и Запад и Восток
Пожарами пылали боевыми.

Несли народам гибель облака,
Гремели танки, падала пехота,
И странный звук чужого языка
Нам стал родным, как имя Дон Кихота.

Там шел народ за армией своей,
Кружили ястребы над перевалом,
И поникали руки матерей
В тот смертный час движением усталым.

В ущельях горных снежно и темно.
Несли детей, не нарушая строя.
Шумело море с ветром заодно,
Слагая песнь бессмертную героям.

Уже в тумане скрылись берега
Испании прекрасной и любимой.
Корабль детей уносит от врага,
Окутанный завесой черной дыма.

Есть мирный дом — свидетель двух веков,
В том городке, где вечно бродит муза.
Там дети астурийских рудников
Встречали нас под знаменем Союза.

Дыханье смерти веяло на них,
Они приплыли к нам дорогой горя.
И прозвучал в просторах снеговых
Из дальних стран суровый голос моря.

Вновь у детей улыбка на устах.
Открылся мир пред ними, вновь чудесен.
Они играют в пушкинских садах
И учатся напевам русских песен.

Они растут как юные бойцы
Европы новой, светлой и свободной,
За честь которой бьются их отцы,
Свой подвиг совершая благородный.

О, если б знал кудрявый лицеист!
С какою страстью звал бы он победу
Воителей, что мраку не сдались,
Над теми, кто отчизну смерти предал!

ТОВАРИЩ

Испанский мальчишка
В Испании жил.
Отец у мальчишки
На флоте служил.
Он был моряком
На большом корабле,
И песни он пел
О советской земле.

Мальчишка с друзьями
На улице рос,
Был честен и голоден,
Весел и бос.
И не было в городе
Ни у кого
Так много товарищей,
Как у него...

Однажды вернулся
Моряк с корабля
И сыну сказал:
— Это наша земля!
На ней виноградники
И города...
Фашистам не видеть ее
Никогда!

И сын, как товарищ,
Отца провожал
И руку ему,
Как товарищ, пожал.
— На севере бой
И на западе бой!..

Отец, ты возьми меня лучше
С собой!
И если винтовку
Ты выронишь вдруг,
Винтовку поднимет
Твой сын и твой друг!..

Тяжелые танки
По пастбищам шли.
Снаряды врагов
Виноградники жгли,
И лопались бомбы
С фашистским значком,
С предательским, черным
Значком-паучком...

В Москву из Бильбао
Неделю назад
Приехал
Пятнадцатилетний солдат,
Чтоб в лагере с нами
Учиться и жить.
Ребята, мы будем
С испанцем дружить?

ХОТА-ТАНЕЦ БАСКОВ

Был теплый дом и добрый мир.
Был свежий хлеб и козий сыр.
Был плох посев и труден труд
и скудный камень скуп и крут,
но в праздники в родных долинах
плясали люди — стар и млад, —
и вился воздух пляске в лад
под звуки скрипок и волынок.

Рос лавр у старого крыльца,
летели бабочки к маслинам,
кремневое ружье отца
висело косо над камином.
Проснулись дети поутру...
Стояло солнце за дверями.
Увидели, что нет ружья.
...Прощались с женами мужа,
сыны прощались с матерями...

А вы не знали о враге.
Трещали сучья в очаге,
обед нехитрый, баландá —
горох и постная вода —
на легком пламени кипела,
братишка на одной ноге
скакал...

Не знали о враге.
И девушка о милом пела.
И прыгали что было сил,
и мяч бросали за ворота,
когда им солнце заслонил
зловещий контур самолета.

И все. Остался дым и крик,
каменья и людей немного.
Вела ущельем напрямик
крутая узкая дорога.
Туман ложился, ветер дул,
колол шиповник, пахло мятой,
гнусил осел, и падал мул,
шли овцы, плакали ребята...
Рос гордый город среди гор.
Народу много, ветра мало.
И море — пенистый простор —
на камень шло и отступало.
Был нарисован пароход
пером на голубой эмали.
Чужие женщины сирот,
беззвучно плача, обнимали.
Не надо плакать!

Мы поем
испанский гимн, и вы не плачьте.
Не надо плакать!

Мы плывем,
и ласточки сидят на мачте.
Как много пролетело дней!
...Там лето кажется пожарче.
Тут небо кажется бледней,
но флаг неизмеримо ярче.
Все реже в темных их глазах
печаль.

Ребята делят с нами
и наше небо в облаках,
и наши праздники, и знамя,
и трудный северный мороз.
Их отогрели наши ласки.
Они забыли привкус слез
и вспомнили родные пляски,
родную музыку.

И вот,
Большой театр залит огнями.
Испанских девочек полет
под звуки хоты перед нами.
Испанских девочек полет...

Так некогда в родных долинах
плясал и пел простой народ
под звуки скрипок и волынок.

Лети же, музыка, лети!
Ночное небо в острых грозах.
Я вижу горные пути,
я слышу долгий скрип повозок.
Я вижу беженцев глаза,
я слышу, как жужжат «капрони»...

Не то! Не то!

Я вижу зал,
я слышу, как стучат ладони.
Как будто кто-то вдруг открыл
у птичьей клетки настежь дверцы.
Не гром ладоней — шелест крыл
в аплодисментах слышит сердце.
Встают пилоты и бойцы,
вперед протягивают руки,
и детям кажется: отцы! —
как будто не было разлуки.

И детям кажется: кругом
не кресла, ярусы и ложи,
а милый мир и добрый дом,
и не орудий грозный гром,
а музыка родная в нем
и море плещет у подножий...

ЛЮДИ И ОЛИВЫ

Вместе с испанскими детьми, эвакуированными в СССР в 1937 году, были вывезены саженцы оливковых деревьев и высажены в Крыму

Я говорю со старыми крестьянами
и говорю со старыми оливами,
что рождены в моей родной Испании,
но стали только здесь, в Крыму, счастливыми.
Я говорю с людьми и говорю с оливами.

Я знаю с детства труд крестьянский,
его земной, извечный непокой.
Я говорю с оливой по-испански
и глажу ствол заботливой рукой.

Кто приютил тебя среди полей,
дитя мое, озябшее в дороге?
И кто окутал нежностью своей,
когда беда стояла на пороге?

Кто защитил тебя в дыму боев
и бинтовал израненные ветки,
когда от изувеченных домов
остались только лестничные клетки?

Кто вынес, как ребенка, из огня
и выходил тебя в седой пустыне,
чтоб дожидая тебя до такого дня,
когда врагов не будет и в помине?

Ты снова расцвела среди полей
своей приемной родины, на воле.
И ты сестер далеких пожалей,
скиталиц, не обретших лучшей доли.

В чужих краях им не пришлось расцвести,
не довелось нигде укорениться,
а у тебя земля, и солнце есть,
и море созревающей пшеницы.

И в плодоносных жилистых ветвях
так сладко напевает летний ветер
о том, что на украинских полях
живется хорошо испанским детям.
Я говорю с людьми и говорю с оливами.

МОЕЙ СОБАКЕ НЬЕБЛЕ

Ах, Ньебла, славная псина, ласковая глупышка,
не понимаешь ты, беспечное существо,
почему взметнулась бризантного света вспышка,
что происходит в небе над твоей головой.

Взгляни на этих собак — как неслышно, сторожко,
угрюмо крадутся они в дымчатой пелене;
в них жив неизбывный ужас перед бомбежкой,
страшная память о доме, погибшем в огне.

Но хотя, разрушая домов наших стены,
рвутся бомбы, начиненные смертью слепой,
и мальчишки с восторгом, как на арену,
забыв про опасность, глядят на воздушный бой,

и хоть лучшие наши товарищи пали,
хоть от меня отвернулась моя семья,
и родные нашу правду своей не признали,
и хотя предают нас бывшие друзья,

и хоть нашим страданиям нет счета и меры
и не видно конца жестокой войны,
никому не убить нашей радостной веры —
этой верою счастливы мы и сильны.

СОЛДАТЫ СПЯТ

Погляди! Они спят, как в селеньях большие собаки —
звери, злые и ласковые. Их сон затопил, как вода,
он внезапно на них накатился, застиг их во мраке,
и они задремали, как псы, охраняющие стада.

А вокруг темнота, как изрытый копытами выгон или поле, где вырыто множество братских могил. И колеса в их сон однотонным впиваются скрипом, и вращаются сонно зрачки их, лишенные сил.

Да, вот так они спят. И во сне кулаки их разжаты, на минуту забыли они, что на этой земле есть враги и война, есть бои и солдаты... И винтовки забыли на миг о своем ремесле.

* * *

Парча румяных, жадных богородиц,
Эскуриала грузные гроба.
Века по каменной пустыне бродит
Суровая испанская судьба.
На голове кувшин. Не догадаться,
Как ноша тяжела. Не скажет цеп
О горе и о гордости батрацкой,
Дитя не всхлипнет, и не выдаст хлеб.
И если смерть теперь за облаками,
Безносая, она земле не вновь,
Она своя, и знает каждый камень
Осколки глины, человека кровь.
Ослы кричат. Поет труба пастушья.
В разгаре боя, в середине дня —
Вдруг смутная улыбка равнодушья,
Присущая оливам и камням.

ОЛИВКОВЫЕ РОШИ ВОЗЛЕ КАСТИЛЬСКИХ СЕЛ

В селах расстрелянных девушки спят. По разрушенным
стенам
бродит незрячая ночь, над руинами звезды дрожат.
Возле тех сел их отцы в карауле бессменном
рощи оливковые от врагов сторожат.

Девушки спят беспокойно. Им снится бывшее:
в призрачном свете луны они видят родимых своих,
к старой оливе отец прикоснулся рукою...
Снятся им сны о любви, но так сумрачны лица у них.

Снятся пора урожая: они собирают маслины,
пальцы распухли, болят, но работа кипит день-деньской.
Снятся: на спинах отцы тяжелые носят корзины,
но только спустится вечер, и матери всех созывают
домой.

Снятся: кружат жернова, и масла ручей золотистый неторопливо в глубокие чаны течет, все опускают ладони в поток изобильный и чистый, что умножает исправно хозяйский доход.

Девушки спят, и им снятся любимые лица,
только глаза их печальны, и девушки плачут во сне.
Видится им: над долиною снег начинает кружиться,
и одинокий могильщик бредет среди серых камней.

Сны снятся девушкам. Ветер проснулся со стоном,
мимо развалин летит, погребальную песню поет.
Там под оливами матери их и отцы в карауле бессонном.
Скоро ль с победою счастье к ним в села придет?

АНТОНИО МАЧАДО

ПЕСНЯ

Над апельсиновым садом
восходит луна, кругла.
Венера с луною рядом —
птенец из стекла.

Небо янтарно-чисто
над горной дальней грядой
и лиловой аметиста
над тихой морской водой.

Сады темнотой объаты,—
фонтан, не журчи! —
жасмин, соловей ароматов,
благоухает в ночи.

Война утратила ярость,
кажется, спит война!
И воду Гвадалавьяра
Валенсии пьет весна.

Валенсия башен легких
и нежной ночной теплыни!
Будешь ли ты со мной,
когда я уйду далеко,
в тот край, где лазурное море блекнет
и набегает песок волной?..

ВЕСНА

Но ты сильнее смерти. Даже в миг,
когда, расставив крылья неуклюже,
гудя мотором, падает и кружит
над мирной крышей коршуна двойник,—

То и тогда невозмутим твой лик,
и твой порядок вечный не нарушен:
проходит срок снегов и зимней стужи
и вот — ручей из-подо льда возник.

И пусть покой твой бомбами расколот,
и скорбен крик сирен над головой,
и небеса обрушились на город, —

все различим над времени игрой
бессмертной лютни серебристый голос,
девчонка, муза, ветреница — твой.

ТЕРУЭЛЬ

Лишь на мгновенье взвилось обожженное порохом знамя.
Над окопными рвами, над глыбами баррикад,
Над испанскими, кровью окрашенными холмами
Наши крики «ура!» и пароли победы гремят.

Как пришли мы сюда? Нас не только оружие вело.
Но, товарищ мой, ты, что изведаль всю боль поражения,
Видишь, как размахнулось над мраком рассвета крыло,
Веришь в солнце, и в жизнь, и грядущего дня
приближение.

Поднесем же стаканы к своим пересохшим губам!
Радость жизни светло озарит почерневшие лица.
Праздник нашей победы по праву является к нам,
Хоть наш праздник сегодня всего лишь мгновенье
продлится.

Но мы знаем, что с этой минуты, друзья,
Мы великою клятвою мужества спаяны с вами.
Нас сломить невозможно, убить нашу веру нельзя,
Никому, ни за что, никогда нас не сделать рабами.

Даже в час отступленья у смелых уныния нет.
Мы борьбу продолжаем, мы живы, и мы не сдаемся!
Сколько дней ни ушло бы и сколько ни минуло лет,
Мы сюда, на испанскую землю, с победой вернемся!

Будем бой продолжать! Этой битве еще не конец.
Под огнем пулеметов, под ливнем, под зноем и стужей
Все равно — негасимая вера разбуженных к жизни сердец
Убедительней пушек, сильнее любого оружия!

ЭРИХ АРЕНДТ

БАРСЕЛОНА

Март 1938 года

Дыханье ночи. Черный метеор
из звездных бездн несется в ветре диком,
и вздыблен кровли яростный шатер,
и матери проснулись с горьким криком.

Но дети не проснулись. В их очах
еще блуждает сон. И кирпичами
придавлены они. И ткань рубаш
покрыли пятна, алые, как пламя.

И руки светлые прожекторов
кромсают небо острыми клинками.
Кипит волна у крепостных камней,

пыль от развалин скрылась средь валов,
убийцы в даль ушли за облаками,
на темных балках стынет кровь детей...

ВАЛЕРИЙ СТОЛБОВ

НОЧЬ ПЕРЕД БОЕМ

О ночь перед боем! Твой воздух тревожен,
Кривые дороги темны.
Всадники едут, закованы в кожу,
Посеребренную светом луны.

Налево — гора,
направо — откос.
Ни слова, ни конского храпа.
Аромат доцветающих роз,
Падали душистый запах.

Размеренно, грузно, устало
Солдаты идут в тишине,
В скатках у них одеяла —
Испанской войны шинель.

Колышется плотная масса
Людей,
лошадей,
машин.

Холодом смертного часа
Веет из темных долин.

Завтра поле сраженья,
Вихри огня и свинца,
От тоски
или от удивленья
Приоткрытый рот мертвеца...

О, ночь перед боем! О, ветер тревоги!
Размеренный шаг, тишина.
С винтовкой и скаткой по темной дороге
Шагает война.

У ЭБРО

На ночь глядя выслали дозоры.
Горя повидали понтонеры.
До утра стучали пулеметы,
Над рекой сновали самолеты,
С гор, раздроблены, сползали глыбы,
Засыпали, проплывая, рыбы,
Умирая, подымались люди,
Не оставили они орудий,
И зенитки, заливаясь лаем,
Били по тому, что было раем.

Другом никогда не станет недруг,
Будь ты, ненависть, густой и щедрой,
Чтоб не дать врагам ни сна, ни хлеба,
Чтобы не было над ними неба,
Чтоб не ластились к ним дома звери,
Чтоб не знать, не говорить, не верить,
Чтобы мудрость нас не обманула,
Чтобы дулу отвечало дуло,
Чтоб прорваться с боем через реку
К утреннему, розовому веку.

ГОВОРIT ЭБРО

Мать Испания! Я вижу
Тени вражьих самолетов,
Чужеземцев кровожадных
На высоких берегах.
Мать Испания! Я слышу
Голос пушек и пожаров,
Клекот танков беспощадных
На замученных лугах.

Прямо в море уношу я
Мертвецов твоих несчетных,
Словно гневом, окружены
Шумной пеной удалцы.
«Вы за что погибли, дети?» —
Вопрошаю я погибших.
«За Испании свободу!» —
Отвечают мертвецы.

Речка малая Харама,
Мансанарес мелководный
Иль водой богатый Тахо,
Блеск Дуэро — взмах ножа —
Вы видали тех испанцев,
Вы видали тех друзей их,
Что дрались, не отступая,
Головой не дорожа.

Мать Испания! Однажды
Нашей славы батальоны
Тихо к берегу спустились —
Навести к утру мосты,
Кто входил по горло в воду,
Кто по пояс, кто по локоть,
Ставя грузные понтоны,
Ставя лодки и шесты.

И, смотря на это дело,
Обмелеть бы я хотела
Иль пригнать им сверху челны,
Чтоб сапер не горевал,
Силу вод своих уменьшить;
Я их холодом бодрила,
Через их нагие плечи
Перекатывая вал.

Только утро осветило
Берегов моих уступы,
Как, подобные в полете
Черным молниям шаровым,
Бомбы вражьих самолетов,
Воду вспенив, зашвыряли
Окровавленную пену
По настилам мостовым.

И когда мосты взлетали,
Вихрем щепок распадаясь,
В воду прыгали саперы,
И стояли вновь мосты;
Как сестра дивится братьям,
Я дивилась тем саперам,
Что простые были парни
Небывалой красоты.

Проходил народ веселый
По мостам, залитым кровью,
Он с улыбкой не случайной
Шел за правду умирать,
Пусть другие реки мира
Нам объявят перекличку,
Чтобы славу рек испанских
Славой собственной назвать.

Я хочу услышать голос
Хуанхэ, реки храбрейших,
Вод китайских ветерана —
Шум Янцзы, как шум грозы,
Я хочу услышать голос
Рек маньчжурских, абиссинских,
Сунгари или Такказе,
Партизанских рек язык.

Из других бассейнов водных
Я приветствовать желаю
Мне далекие, родные
Воды озера Хасан,
Где штыком красноармейским
Руку вору пригвоздили,
Славен будь Союз Советский
На земле и в небесах!

Мать Испания! Скажу я:
Вот Нумансия когда-то
Вся погибла, не сдаваясь,
Но досель она жива, —
Будешь ты костром вселенной
И теплом углей горящих
Согревать того, кто бьется
За народные права!..

ОСЕНЬ И ЭБРО

Энрике Листеру

Снова осень. Война продолжается. Все онемело,
все полно равнодушия к мерному бегу часов
и к приметам беды.

Как солдаты, защитники Эбро, во время обстрела
силуэты деревьев чернеют у красной воды.

Это сопротивление дерева,
        столь упорное и людское,
словно стойкость солдата, сражающегося среди
        темноты,
ожидającego, что забрезжит рассвет над рекою
и что вспыхнут на ветках неумирающие цветы.

Я гляжу на листву, я гляжу,
        как пустеет пространство
милрой сердцу земли, я дышу пустотою лесной.
В людях этой Испании те же стойкость
        и постоянство,
что в безлистных деревьях и в деревьях,
        покрытых листвою.

Снова осень. За нею — зима.
        Так на свете бывает.
Пусть деревья утратят наряд,
        пусть солнце забудет о нас.
Все сражающиеся, подобно деревьям,
        не умирают,
Сок живет в сердцевине,
        по жилам древесным сочасъ.

МИКЛОШ РАДНОТИ

ИСПАНИЯ, ИСПАНИЯ

В дожде Париж. Открыв окно,
мерцанье крыш я вижу.
Всползают тучи мне на стол
и влажный свет Парижа.

Я — над домами. А внизу
дождем прибита копоть.
Худые вести он несет,
дождя тяжелый рокот.

О, чернокрылая война
и ужас с нею рядом!
Уже не сеют и не жнут,
не дают винограда.

Там солнце с неба не печет,
птенцы дрожат в молчанье,
а кровь течет, а кровь течет...
Испания, Испания!

Но из смерчей и пустоты,
сквозь щели и ущелья,
из недр земли встает она —
громада ополченья.

Народы о твоей судьбе
кричат. И вновь я вижу,
как нынче с песней о тебе
шла беднота Парижа.

СЛЕЗЫ

*(Фрагмент из стихотворения
«Испанский триптих»)*

В день тот самый,
когда корабли в мексиканских портах дымили,
когда колонны портовых рабочих и грузчиков
по сходням шатким
полотнища, как белые крылья, вздымали:
«Рабочие Мексики — народу Испании братской», —
в тот день мы слез своих не сдержали!

В день тот самый,
когда рабочие Гамбурга
на улицах гулких, как опрокинутые лодки,
выступали
и под жарким градом, как тополи, пали,
когда пылали слова, как алые сигналы:
«Не пойдем, как убийцы, в страну Испании братской!» —
в тот день мы слез своих не сдержали!

В день тот самый,
когда с аэроплана «капрони»
бомба весом в 100 килограммов
па-
да-
ла
на нас и наши руки,
несшие хлеб и детей,
и когда бомба на зеленом лугу зарылась без взрыва,
и когда мы в ней нашли письмо и прочитали:
«Не хотим вашей смерти. Рабочие Милана», —
в день тот самый —
может, вы о том не знали —
на баррикадах мы слез своих не сдержали!

СОЛДАТЫ ДВУХ ВОЙН

Испания. Нерадостные вести.
Последний день, последний час в бою.
Француз и немец, мы сидели вместе,
И каждый вспомнил родину свою.

«Плохой конец, — вздохнул француз устало. —
Я вспоминаю ту войну, камрад.
«Да, та война уже легендой стала, —
Я отвечал. — Я тоже был солдат».

Он, как мальчишка, громко рассмеялся:
«Так мы врагами были в прошлый раз?»
«Ты где там был?» — «Я под Аррасом дрался».
«Ты брал Аррас? Я защищал Аррас».

Задумался о чем-то, взгляд мой встретив,
Потом, как будто начиная спор,
Он мне сказал: «Неправда, что на свете
Не изменилось ничего с тех пор.

Подумай, я стрелял в тебя со всеми...
Я должен был... Нас гнали на убой...
Товарищами были мы в то время,
И мы не знали этого с тобой.

Подумай, до чего все это глупо!
Кого мы защищали там? Народ?
Мы защищали Шнейдера и Круппа,
И был изменой каждый шаг вперед.

И мы и время изменилось тоже.
Теперь мы братья, нас не разлучить.
Нас не опутать больше хитрой ложью.
Мы правый бой ведем, чтоб ложь убить».

И я сказал, что верю: не порвать им
Большую дружбу — братство на века.
Нас связывает кровь убитых братьев...
Француз ответил: «Вот моя рука.

Мы бились за мадридские предместья —
Французы, немцы, все в одном строю.
Придет пора, камрад, мы будем вместе
Освободить Германию твою.

Рассыплется империя гнилая —
Последний, смертный час ее пробьет.
Все те, кого на бойню посылают,
Тех уничтожат, кто войной живет».

Мы с ним сидели молча, без движенья...
И я, припомнив разговор наш весь,
Ему сказал: «Иные поражения
Ценней побед. Такое было здесь».

ВETERАНЫ ПРОЩАЮТСЯ

Все ли в сборе,
Все ли в сборе? — «Тельман» тут и «Гарибальди».
«Смирно!» — грянула команда, пролетела по рядам.
Батальоны ряд за рядом выстроились на асфальте
И приставили винтовки к запыленным сапогам.
Доблесть их вела в сраженьях,

дружба крепко их сроднила.
Никогда не позабудут ветераны дней былых,
Здесь навеки остаются братьев и друзей могилы,
Здесь их мужество и слава, годы схваток боевых.
Здесь товарищ Матэ Залка,
Храбрый генерал Лукач!

Вот уходят.
Вот уходят «Ракоши» и «Гарибальди»,
А на смену батальонам сила новая встает,
И винтовки боевые снова звякнут на асфальте,
Станут дружно и сурово подле городских ворот.
И узнает слово радость боевых побед,
И взвоется над страной множество родных знамен,
Над могилою зеленой будет свет зари струиться.
Мы прощаемся с тобою, спи, вкушая вечный сон,
Наш товарищ Матэ Залка,
Храбрый генерал Лукач!

Ты остался,
Ты остался... Маршируют ветераны.
Кто ж командовать парадом должен был бы в этот раз?
Тот, кто в битве под Уэской и в январские туманы
Средь теснин Гвадалахары вел к победной славе нас.
Мерно движутся бригады, марш гремит в величье
строгом.

Над землею благодарной веет легкий ветерок.
Разойдутся ветераны по бесчисленным дорогам —
И на север, и на запад, и на юг, и на восток.

Где ж товарищ Матэ Залка,
Храбрый генерал Лукач?

Ты заснул,
Заснул навеки в милой нам земле испанской.
Кровь твою она впитала, пламенем боев дыша,
Ты снега тайги окрасил жаркой кровью партизанской.
Напоил горячей кровью землю подле Сиваша.

И с тех пор стократ богаче древняя тайга Сибири,
И с тех пор стократ богаче солнцем и цветами Крым.
Вспомнит камень Арагона об отважном командире —
Расцветет земля скупая пышной зеленью над ним.
Спи, товарищ Матэ Залка,
Храбрый генерал Лукач!

ЛЮДИ СЕРДЦА

«О люди сердца, нет для ваших сил
Нигде границ».

Так говорят испанцы.
Среди олив серебряных вдоль станций
Шел поезд мимо дорогих могил,
И говорило сердце нам:

останься!

Поля и апельсиновые рощи,
И вновь толпой заполненный перрон,
И розы падают со всех сторон.
Еще мистраль вздувает и полощет
Багровый шелк

простреленных знамен.

Испания! В сухой земле твоей
Спят тысячи товарищей бесстрашных,
Ты к сердцу их прижала, как детей...
Когда ж весной зазеленеют пашни,
Знай: наша кровь

смешалась в них с твоей.

Последний шаг...

Граница роковая,
Прощай, моей Испании земля,
Сожженная и все-таки живая, —
Навеки нам не разлюбить тебя!
И пели мы «Интернационал»
Еще с тобой,

здесь у чужой границы.

. . . . .

Мне розу жаркую товарищ дал,
Она — как сердца красная частица,
В ней солнце,

в ней народа кровь струится.

ИСПАНИЯ, ДА МИНУЕТ МЕНЯ ЧАША СИЯ...

И если, дети мира,
Испания падет — легко сказать! —
падет с небес на раненые руки
в запекшихся бинтах меридианов, —
как рано западут у вас виски!
Какая рань забрезжит в этих строчках!
И славят грудь вам старческие хрипы!
И сгорбятся в тетрадках ваши двойки!

О дети мира!
Испания одна и в тяжких родах —
Испания, учительница с розгой,
мать и пестунья; крест и древесина,
та, что дала вам высоту для взлета,
преподала деленье и сложенье, —
и вот итог, отцы иезуиты!

Когда она падет — легко сказать! —
падет с земной поверхности, —
о дети, как быстро вы разучитесь расти!
И год перечеркнет свои недели!
И снова обратятся зубы в десны,
слова — в каракули, медали — в слезы!
И навсегда останутся ягнята
на привязи у высохших чернильниц!
И никогда вам больше не подняться
по сломанным ступеням алфавита
к той букве, где рождается страданье!

О дети мира,
вы, сыновья и дочери солдат!
Замрите! В эту самую минуту
Испания остатки сил вручает
зверям и травам, людям и кометам.

Замолкните! Сейчас она стоит
лицом к судьбе, не ведая, что делать,
стоит одна, держа в ладонях череп,
и глухо говорит и говорит он,
тот вещий череп — раковина детства,
тот вещий череп — раковина жизни.

Затихните совсем — и пусть затихнет
распев слогов, и всхлипывание строчек,
и карликовый шорох пирамиды,
и гул виска, налитого свинцом!
Пусть замрет дыхание! И если
раскинутся израненные руки,
и засвистит лоза, и грянет полночь,
и рухнет небо в две земных глазницы,
и затаятся шорохи за дверью,
и не придет никто,
и ужаснут вас
тупые навсегда карандаши,
и если
мать-Испания падет, — легко сказать! —
вставайте, дети мира,
то пробил час идти ее искать...

ИСПАНИЯ

Ни разу в жизни не страдал я так,
как в эти дни. Ты вся в кольце блокады.
В душе моей взрываются снаряды,
которыми громит тебя твой враг.

Закованные в сталь, снуют акулы
вдали, у каталонских берегов.
В застенках и траншеях косят пули
твоих отважных, преданных сынов.

Железом и огнем хотят, Испания,
враги твой путь свободный преградить.
Но ни террор, ни мрак, ни испытания
не в силах дух свободы подавить.

Мы тоже каждый день здесь голодаем,
нужда и чад тяжелый душат нас,
но ждем зарю с восторгом, ибо знаем,
что близится победы нашей час.

Хоть льется кровь, среди развалин рдея,
хоть косит враг ряды твоих сынов,
воскресшая из пепелищ идея
растет, звучит в сердцах, как властный зов.

Она горит в разгневанных глазах,
она торопит так сердцебиенья.
И все твои разбитые стремленья
мы воплотим в грядущих светлых днях.

МЫ С ВАМИ

В такт испанскому танго наяривали гармони,
за пять злотых и ужин пела навзрыд сеньорита,
ночь щеголяла по улицам в синем неоне,
в реве сирен и в грусти гитарного ритма.

Рабочие шли на заводы,
звенел под их шагами булыжник,
они думали о Каталонии, в кулаки сжимая ладони.
Рабочие шли на заводы,
спрашивали у наборщиков, как спрашивают о ближнем:
— Товарищи, чей будет Мадрид, их или наш?
Товарищи, чей он сегодня?

Молчали наборщики, их лбы покрывались потом,
их груди тяжело вздымались,
изовравшимся телеграммам и предательским нотам
не веря, в свинец их переплавляли
и под вражеским пулеметом
падали — и потом в новый бой подымались.

К спине приставлено дуло, штык щекочет ребра,
в безнадежной атаке
шла по Бискайе пехота — на танки.

Лязг оков где-то в горах сделался очень близким,
у Эбро тела погибших давно остыли,
пожарами и убийством
дымились руины Астурии.
От мазовецких песков так далеко Пиренеи,
так далеко Испания, но мы сейчас рядом с нею.
Мы, которые живы,
открытыми голосами
кричим вам почти до срыва:
— Мы с ва-ми!

ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ

В ЯНВАРЕ 1939

В сырую ночь ветра точили скалы.
Испания, доспехи волоча,
На север шла. И до утра кричала
Труба помешанного трубача.
Бойцы из боя выводили пушки,
Крестьяне гнали одуревший скот.
А детвора несла свои игрушки,
И был у куклы перекошен рот.
Рожали в поле, пеленали мукой
И дальше шли, чтоб стоя умереть.
Костры еще горели — пред разлукой,
Трубы еще не замирала медь.
Что может быть печальней и чудесней —
Рука еще сжимала горсть земли,
В ту ночь от слов освобождались песни
И шли деревни, будто корабли.

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ

ИСПАНЦЫ ОТСТУПИЛИ ЗА ПИРЕНЕИ

Не могу прикоснуться к перу,
Словно полны чернила заклятий,
А в глухом иностранном бору
Лишь о войнах выстукивал дятел.

Только видятся женщины мне
Среди зимней дороги скалистой,
Только дети, упавшие в снег,
Только рощ обгоревшие листья.

И о пепельных, полных седин,
Так пронизанных порохом рощах,
И о людях, молящих воды
За колючею проволокой ночью, —

Что ни скажешь о жизни такой,
Все не так, и не то, и все мало, —
Все уж сказано детской рукой,
Из-под снега торчащей на скалах.

ПРЕДАТЕЛЬ

Пусть сожрут тебя псы-живоглоты,
мерзкий выродок матери мерзкой,
пусть голод тупыми ножами
утробу твою изрежет,
пусть вода превратится в уксус,
лишь ее зачерпнешь ты из речки,
и, раздувшись от черной крови,
пусть твое разорвется сердце.
Пусть клеймо твоего позора
горит на лбу твоём вечно —
никогда ты его не смоешь:
ни во сне, ни в жизни, ни в смерти;
пусть ни сна тебе, ни покоя
не будет на мягкой постели,
пусть не станет земля тебе пухом,
состраданье людей — спасеньем:
кровь народа течет в твоих жилах —
эту кровь ты отверг и предал,
пусть она тебя ночью задушит,
разъяренная подлой изменой.
Пусть сожрут тебя псы-живоглоты,
мерзкий выродок матери мерзкой,
и пусть мертвому места не будет
тебе ни в земле, ни на небе!

* * *

Но ты, пречистая, крепка душою —
ты дома в том краю, где пахнет смертью,
ты там находишь дерево сухое
и к господу взываешь: — Милосердья!

Куда пойдет кривым путем предатель?
В какую щель презренному забиться?
Ты пожалей преступника, создатель:
он — сын мой, пусть в любви он возродится!

Он и твое дитя, господь щедрот!
Пусть он печаль отверженности пьет,
пусть вместе с казнью примет исцеленье.

Пусть он к моей сухой сосне придет
и здесь удавится — во искупленье
чернейшего на свете преступленья!

РАУЛЬ ГОНСАЛЕС ТУНЬОН

НА СМЕРТЬ АНТОНИО МАЧАДО

Война в граните выбила могилу.
Гуадалимар, Тахунья, Эбро, Тахо
текут, меняя русла, к его праху,
несут поэту скорбь свою и силу.

Как слезы совокупные народа,
Испании торжественные реки
текут туда, где их певец навеки
бессмертию руками смерти отдан.

К нему бредут дороги сиротливо,
спешат ручьи в тоскующих долинах,
и мельница на крыльях голубиных,
и юный ветер, вскормленный оливой.

Страна камней. Твой облик прост и странен
Твои сыны — монахи и бродяги.
Погонщик мулов — образец отваги,
и эталон достоинства — крестьянин.

Кастилия. Железная корона.
Степей и гор цветок неприхотливый.
Окно. Собака. Книга. Ветка ивы.
Да ветра шум в густых сосновых кронах.

Цвет серый пепла дан зиме ненастной,
в свои цвета цикад одело лето.
Кирпичный цвет к лицу тебе, Толедо,
цвета Мадрида — траурный и красный.

Мир сводят судороги горя. Стоя
встречают смерть последние солдаты.
Зияет в сердце злая боль утраты.
И, по ночам не знавшие покоя,

закрылись очи. Он отныне внемлет,
как под землей грохочет пламя боя;
возмездья семена — сердца героев —
пускают корни в глинистую землю.

Поэта гнев горит в ночи пожаром,
любовь поэта в шуме трав струится.
Гранитные поля — его гробница,
и золотая пыль — его гитара.

ПАМЯТИ АНТОНИО МАЧАДО

Тебе, погребенному на чужбине

Заплутали, пропали
дети света в разбитых войной городах,
там, где воздух разрытой могилой пропах,
и скулят одичалые псы у развалин,
и безумцы в ночи
кулаками грозят, проклиная и плача,
и на брюхо раздутое валятся клячи,
и во мгле полыхают косые смерчи, —
и тогда, то есть ныне,
о тебе мои мысли, изгнанник. Твой прах
должен был не травой прорасти на чужбине,
а пшеницей взойти на кастильских полях.
И увидел тогда бы родной небоскат,
как бредешь ты сквозь сон по зеленому лугу
и вступаешь, пройдя через смерть и разлуку,
в перезвон колокольный, в испанский закат.
Ты слышал бы там,
как вечерние сосны не выплачут горя,
как скорбят о тебе на рассвете нагорья,
брат крестьянским селеньям, отец пастухам.
У тебя, у печальной реки,
я прошу: протеки
мне по сердцу своей добротой и грустью,
дай проплыть по тебе от истока до устья.
Спи спокойно, солдат:
пусть чужая земля приняла твоё тело,
но отчизна душой твоей не оскудела,
и над пеплом опять тополя шелестят.
Стань же пухом ему, неродная земля,
отпусти ему славу заслуженной мерой:
не струятся во Франции слезы Дуэро,
но не только в Испании есть тополя.

О, ЭТО ГОРЕ!

О, это горе!
Даже плачем его облегчить
мы не можем,
ибо исплаканы все наши слезы.

О, это горе!
Даже слезой мы не в силах
оросить пепелища свои.
О, этот плач Испании,
от которой остались морщины
да жажда,

личина,
печаль пересохшей земли
под небом пустынным,
тоска одинокого аиста
возле сухого колодца,
механизм для рыданий,
в котором нет места
для слез!

О, эта испанская маска —
смесь шутовства и боли!
Стылый плач пепла
над пеплом...

Над пеплом всего, что погибло в Испании,
над пеплом всех мертвецов
и всех развалин Испании...

Над пеплом всего поколения,
навсегда затерянного
на перепутье Истории.

Стылый плач пепла
над пеплом. Над пеплом
разбитого дома,
обескровленного народа,
навсегда бесслезных глазниц
и безводных истоков.

Стылый плач пепла
над пеплом, который нельзя уже соединить
и слепить из него кирпич
или воздвигнуть на нем надежду.
Этот желтый, проклятый пепел,
исчадь гордыни и злобы,
наследье веков,
и веков,
и веков.

* * *

О, слезы на глазах!
Плач гнева и любви!
О, Чехия в слезах!
Испания в крови!

О, черная гора,
Затмившая — весь свет!
Пора — пора — пора
Творцу вернуть билет.

Отказываюсь — быть.
В Бедламе нелюдей
Отказываюсь жить.
С волками площадей

Отказываюсь — выть.
С акулами равнин
Отказываюсь плыть —
Вниз — по теченью спин.

Не надо мне ни дыр
Ушных, ни вещей глаз.
На твой безумный мир
Ответ один — отказ.

КАСТИЛЬСКИЙ ТАНЕЦ

Так в Кастилии танцуют. Это танец среди мрака, лунный танец без лучей, цвета камня и песка, цвета пашни, цвета шлака, цвета дюны без травы, цвета дуба без листвы, чья корявая кора — как разбитые мечты...

Танец страстный, как надежда, — жизнь без счастья, жизнь без счастья, — сон пред казнью, сон пред казнью, — смерть без крика, смерть без крика, — танец гордости, в которой ты самим собой остался, танец слабости, в которой ты самим собою стал, —

о танцор, распятый вихрем, вот уж вечер, все недвижно, только в небе над тобою вознеслось сухое древо, — как отчаянье, немое, как Испания, черно.

ДЮЛА ИЙЕШ

МАДРИДСКИЕ БАРАБАНЫ

Барабаны, барабаны смерти —
в дебрях горя стук тамтамов мерный:
приговор читают, солнце меркнет...
Лжете — все не верно!

Ничего проклятый стук не скроет:
смерть принявшие проходят строем,
и гремющий голос красной крови
силу в нас утроит!

Голос тех, чье мужество огромно,
голос — гордый, гневный голос грома,
голос мрачной лагерной утробы —
из-под крышки гроба...

В этот век безрадостный и черный, —
где покорный был травой сорной, —
вы в борьбе искали счастья зерна
долго и упорно.

В барабанном грохоте недобром
смерть с ружьем гуляет по дорогам,
но живые никогда не дрогнут
перед стуком дробным.

Ночь и кровь на улицах Мадрида.
Тело до костей свинцом изрыто,
раны рваные ветрам открыты,
раны славным знаменем прикрыты...

Барабаны мертвые, гремите —
будет день в Мадриде!

**СТИХОТВОРНЫЙ ДИАЛОГ
В ПАМЯТЬ ПОГИБШИХ В ИСПАНИИ**

— Ветер, стужа, знамя и ночь,
стужа, выстрелы, знамя и дым,
и сквозь крики — плевки пальбы.

— Этой ночью ждут во дворах и в полях,
что угроза умрет и созреют плоды.

— Ты знаешь их — они пели, когда их город горел,
и траву по канавам ели,
и, шагая пулям навстречу, полегали грудami тел.

— Тяжесть изнеможенья ложится на женские веки.
Роженицам не разродиться до самой смерти рассвета.
Скорей пахнёт из колодца запахом хлева,
скорее в своих ладонях ты стиснешь бедра мои.

— И снова всю ночь
на костер восхождение длится.

— Кровь твоя жаждет пролиться.
Я помню тебя на зеленом лугу,
и кукушки безжалостный голос
мне напомнил твое горячее горло,
в котором измаялась кровь.

Солнце, стервятник плоти,
крик берегов голодный,
крик зарезанной птицы,
этот крик на дыбы вздымает деревья у края болота,
где среди жаждущей тины у рыб чешуя облезает...

Кровь, что внутри себя ты жуешь, словно жвачку,
рождение, что сохранит нетронутой крепость чрева
верней, чем жаркий песок — сухие чешуи.

МИРДЗА КЕМПЕ

БАЛЛАДА О ГЕРИЛЬЕРО¹

Кристино Гарсиа они вели в тюрьму,
Связали руки смуглые ему, —
Ведь это герильеро.

В Карабанчельский равелин
Его солдаты привели,
Глядят на герильеро.

Был путь его полков тернист,
И наземь падал фалангист
От пули герильеро.

— Лишь назови друзей своих,
И ты останешься в живых,
Ты слышишь, герильеро?

— Кури! — велит ему франкист,
И только злобные зрачки
Вонзились в герильеро.

Но астурийцу — все равно,
Он смотрит на закат в окно
С надеждою безмерной.

Там солнце село за горой,
Там, вдалеке, шагает строй
Свободных герильеро.

Тогда один, ступив вперед,
Наотмашь хлещет и орет:
— Ну, вспомнил, герильеро?

---

¹ Партизан (исп.).

И все тесней, тесней кольцо,
Все жестче бьют они в лицо, —
Безмолвен герильеро.

Все жестче... Третий час пошел.
Кровавым потом изошел
Молчащий герильеро.

— Ты все ж заговоришь, поверь! —
И грохнула за ними дверь.
— До завтра, кабальеро!

Минует день. Звенят ключи.
Опять приходят палачи,
И нет мученьям меры.

А раны жарки, глубоки,
Как будто выметал цветки
Гранат сквозь камень серый.

На третий день приходят вновь.
Кристино бледен. Хлещет кровь —
И рухнул герильеро.

Но вновь встает. Но вновь хранит,
Как красный искристый гранит,
Он верность герильеро.

Когда крушат гору в ночи,
Гора в Астурии молчит, —
Молчит и герильеро.

Двенадцать дней он все молчит.
Уже устали палачи,
Пытая герильеро.

И прежде чем захлопнуть дверь,
Вопят: — Ты замолчишь теперь
Навеки, герильеро!

И слышит он: топор стучит,
Помост сбивают палачи,
И кто-то петлю мерит.

Тогда он встал и крикнул в тьму:
— Я коммунист, и потому
Вы не убьете веру!

Вы знать хотели имена?
Оно одно — моя страна,
С народом герильеро.

Мне умереть пришла пора.
Умру, как должен умирать
Испанский герильеро.

Да, я умру, но не предам,
И вся Испания тогда
Оплачет герильеро.

Кристино Гарсиа умрет,
Но не убить вам мой народ —
Бессмертны герильеро!

ИЗГНАННИК

Испанским республиканцам

Нет больше родины. Нет неба, нет земли.
Нет хлеба, нет воды. Все взято.
Земля. Он даже не успел в слезах, в пыли
Припасть к ней пересохшим ртом солдата.

Чужое море билось за кормой,
В чужое небо пену волн швыряя.
Чужие люди ехали «домой»,
Над ухом это слово повторяя.

Он знал язык. Они его жалели вслух
За костыли и за потертый ранец,
А он, к несчастью, не был глух,
Бездомная собака, иностранец.

Он высадился в Лондоне. Семь дней
Искал он комнату. Еще бы!
Ведь он искал чердак, чтоб был бедней
Последней лондонской трущобы.

И наконец нашел. В нем потолки текли,
На плитах пола промокали туфли,
Он на ночь у стены поставил костыли —
Они к утру от сырости разбухли.

Два раза в день спускался он в подвал
И медленно, скрывая нетерпенье,
Ел черствый здешний хлеб и запивал
Вонючим пивом за два пенни.

Он по ночам смотрел на потолок
И удивлялся, ничего не слыша:
Где «юнkersы», где неба черный клок
И звезды сквозь разодранную крышу?

На третий месяц здесь, на чердаке,
Его нашел старик, прибывший с юга;
Старик был в штатском платье, в котелке,
Они едва смогли узнать друг друга.

Старик спешил. Он выложил на стол
Приказ и деньги — это означало,
Что первый час отчаянья прошел,
Пора домой, чтоб все начать сначала.

Но он не может. — Слышишь, не могу! —
Он показал на раненую ногу.
Старик молчал. — Ей-богу, я не лгу,
Я должен отдохнуть еще немного.

Старик молчал. — Еще хоть месяц так,
А там — пускай опять штыки, застенки, мавры. —
Старик с улыбкой расстегнул пиджак
И вынул из кармана ветку лавра.

Три лавровых листка. Кто он такой,
Чтоб забывать на родину дорогу?
Он их смотрел на свет. Он гладил их рукой,
Губами осторожно трогал.

Как он посмел забыть? Три лавровых листка.
Что может быть прочней и проще?
Не все еще потеряно, пока
Там не завяли лавровые рощи.

Он в полночь выехал. Как родина близка,
Как долго пароход идет в тумане...

.....
Когда он был убит, три лавровых листка
Среди бумаг нашли в его кармане.

* * *

Разлуку во всем я вижу:
она в глазах твоих грустных.

Разлуку во всем я слышу:
твой голос слабей и глуше.

Разлуку во всем вдыхаю:
ты пахнешь скошенным лугом.

Разлуку во всем осязаю:
твои обессилели руки.

Во всем предчувствую близость
разлуки, разлуки, разлуки.

МИГЕЛЮ ЭРНАНДЕСУ

И я, Мигель, земля. Нет смерти, если
плуг нашу грудь вспахал и если я
твоею жизнью переполнен, если
могу сказать, о чем ты не успел,
и если будет некогда другая
земля и обо мне она расскажет,
и если я — твой урожай, а тот,
за мной шагающий, — мой урожай.
Мигель, все трое мы земля, все трое
и наши имена; земля же смерти
не знает даже в сумраке могилы.

ЭЛЕГИЯ НА СМЕРТЬ МИГЕЛЯ ЭРНАНДЕСА

Струитесь, слезы боли и печали...

Гарсиласо

За какою звездою искать его взглядом?
Где зацвел его посох лесною черешней?
Где теперь он пасет белопенное стадо
под напев, улетающий горечью вешней?

Пусть речная волна его сердцу постелет
каменистое ложе на ласковом плесе,
чтобы пели шахтеры и пахари пели
там, где тень его бродит, срывая колосья.

Но я знаю — он жив: когда черная кара
настигает убийц, восстает он из тленья.
О руках его бредят немые гитары
и к пылающей Волге зовут его пенье.

Он в борьбе ежечасной. В тюрьме и в могиле,
со скитальческих троп и повстанческих высей
он возносит знамена — багряный светильник
для воскреснувшей поступи Павших Дивизий.

Он по-прежнему с нами, познавшими рано,
что кровавые меты поэзию метят.
Мы сегодня стоим под крылом урагана,
но не в бегстве — в полете нас молнии встретят.

Он был голосом времени, хлынувшим кровью,
и на наших губах не умрут его звуки.
Бьют кровавые крылья в мое изголовье.
Пепел мертвых поэтов сжигает мне руки.

Да прильну я к их теням, лишенным покоя,
и, завет их свершая, умру, но не смолкну!
Звезды, воды, деревья, голубки, левкои —
без ружья под рукой вы отныне безмолвны.

Было тихо, но я и Мигель уже знали:
это пальцами молний к нам тянутся тучи...
Я сберег его имя, и вновь оно с нами
возвращается мерить дороги и кручи,
и в тумане войны на походное знамя
это имя приколото розою жгучей.

О Мигель, — мертвый голос, простертый распятием!
На клинках твоих губ — поцелуи свободы.
И пока мы сторицей за кровь твою платим,
твой напев побеждает легенды и годы.

Твоим именем нивы зывают о ружьях,
твоим именем ружья зывают о нивах,
и от моря до моря над пашнями кружит
это грозных стихов и боев справедливых.

И, вставая из праха пылающим маком
и во тьме обжигая предутренний ветер,
ты горишь перед нами пророческим знаком
твоего воскрешенья в испанском рассвете.

ПИСЬМО МИРУ

Защелкнула пасть капкана
мои молодые крылья;
душа одичалой птицей
трепещет, подняться силясь,
но ей не сорвать засовы,
что в тело мое вонзились.
Шесть тысяч ночей кружила
луна на моем небосводе,
и столько же раз тянулся
мой сон к золотой свободе.
Не видел я на рассвете
цветов, росой залитых, —
лишь кровь моя, отцветая,
кропила серые плиты.
О, знали бы вы, как тяжело
мы бьемся в зубах капкана,
летели б на крыльях ветра,
на гребнях волн океана,
смыкая стальные пальцы
на горле тюремной стражи,
чтоб из могилы вырвать
то, что по праву ваше!
И если придете поздно,
и если, сорвав засовы,
найдете мой труп холодный
и мертвых друзей в оковах,
возьмите мечты и муки,
останки знамен бесценных
и те имена, что нежно
царапали мы на стенах.
И, нам глаза закрывая,
оставьте в них эти своды,
и да сгниет вместе с нами
гробница нашей свободы!

. . . . .

О, знали бы вы, как тяжело
мы в пасти капкана страждем,
примчались бы, стиснув пальцы
на горле тюремной стражи,
чтоб из могилы вырвать
то, что по праву ваше.
И если придете поздно,
под сводами каземата
найдете мое завещанье:
все, что берег я свято,
все, что имел и отстаивал,
все, чем я был когда-то.
Я миру любовь оставляю,
мои стихи и дерзання,
то зная, что я ни разу
не запятнал слезами,
и на источенном камне
перед тюремным порталом
мой крик, застывший навеки
надгробьем грозным и алым.

БАРСЕЛОНА

Тебя навек запомню, Барселона,
глубоко в сердце врезан образ твой,
во мраке фронтового небосклона
ты стала другом, честью и судьбой.

Я за твою свободу шел в сражение,
я взял винтовку, смерти не страшась,
той осенью твое сердцебиенье
сквозь грохот слышал я последний раз.

Я знал, что ты от пепла отряхнешься,
не верил я, что ты побеждена,
ты снова свежим лавром обовьешься,
к тебе вернутся дети и весна.

Весны в такой блистательной одежде
мы на земле еще не знали прежде.

В ИСПАНИИ

Если в Испании есть дерево цвета крови
Это дерево свободы

Если в Испании есть неумолкший язык
Он говорит о свободе

Если в Испании есть чистый стакан вина
Выпьет его народ

SANTA ESPINA¹

(Фрагмент из стихотворения
«Две поэмы из небытия»)

Я помню тот напев. Горячею волною
Он в сердце ударял, им кровь была полна,
И вспыхивал огонь, как пепел под золою,
И открывалась нам небес голубизна.

Я помню тот напев. Он был для нас простором,
И зовом в вышине летящих журавлей,
И стоном, чей подтекст — победный клич, с которым
Своих смирителей сметает соль морей.

Я помню тот напев. Его беззвучно пели,
Когда не стало звезд, и умер Дон Кихот,
И детство плакало, и молча в подземелье
Мечту о мщении вынашивал народ.

Его название — венец терновый бога,
Священные шипы, багряный пот чела.
С ним боль была острей, сильнее была тревога,
Он в нашу плоть входил, как в полотно — игла.

Он был без слов, он был звучаньем, а не фразой.
Кто бы дерзнул слова поставить рядом с ним?
Он был, о бедный мир, изъеденный проказой,
Твоей надеждою и четвергом страстным.

Напрасно я теперь ищу напев щемящий:
Лишь оперную боль земля передает,
А память тянется к его волне звенящей,
К живому роднику средь теноровых нот.

---

¹ Терновый венец (исп.).

Мы стоя слушали тебя, Santa Espina.
Ты помнишь эти дни? Так прилети же к нам!
Кто обновит тебя? Кто голос соловьиный
Сегодня возвратит умолкнувшим лесам?

Но верю, музыка в душе страны вовеки
Не перестанет петь, и не иссякнет свет,
К немым вернется речь, бессильные калеки
Пройдут без костылей под звуки кастаньет.

Сын человеческий, из мрака гробового
Восстав, сорвет венец, кровавый символ мук,
И песню Человек споет без страха снова,
Как будто жизнь светла и зацветает луг.

НАЗЫМ ХИКМЕТ

ДОН КИХОТ

Вечной юности рыцарь
в пятьдесят лет,
                                послушавшись разума,
                                что бьется в груди,
вышел утром июльским
                                на завоевание
справедливости,
                                правды
  и красоты.
Перед ним целый мир,
                                полный гордых и странных чудовищ,
а под ним
                                его грустный героический Росинант.
Я знаю —
                                пусть только тобой овладеет
  тоска настоящая,
если сердце твое
                                может выдержать эту напасть,
делать нечего, мой Дон Кихот, —
с ветряными мельницами
                                ты вступаешь в сражение,
и ты прав —
                                твоя Дульсинея
  прекрасней всех женщин земли.
И, конечно, ты крикнешь об этом
                                в лицо торгашам
  и, оплеванный,
будешь с лошади сброшен
                                и будешь избит
  и измят,
но всегда,
                                вечножаждущий рыцарь,
ты будешь гореть
                                в скорлупе своей кованой,
и твоя Дульсинея
                                только станет прекрасней стократ.

УНЕСЕННАЯ ПЕШНЯ

ЛЕОН ФЕЛИПЕ

* * *

*Брат... С тобою твое добро —
лошадь, очаг, ружье.
Мой только
                    древний голос земли.
Все остальное — твое.
Ты оставляешь меня нагим,
лицом к дорогам земным...
Но я оставляю тебя немым...
                    Ты понимаешь?.. Немым!*

*И как ты станешь седлать коня
и в поле точить косу,
и как ты будешь сидеть у огня,
если песню я унесу?*

ИСПАНЕЦ ГОВОРIT О РОДНОЙ ЗЕМЛЕ

Дремотный свет карминный,
Пустующие взморья,
Утесы и равнины
В безлюдье и безмолвье,

Монастыри и замки,
Селения и кельи,
Которых и столетья
Коснуться не посмели, —

Все отнял победитель
Недрогнувшей рукою,
А мне братоубийца
Оставил жизнь изгоя.

Но в сердце ты запела,
И голос надо мною
Велел заговорить мне
Твоею тишиною.

В тебя одну я верил,
Жил мыслями твоими,
И сны мне полнит мукой
Твое святое имя.

Как проживет без почвы
Цветок, на ней взращенный?
Он вечен, день мой черный,
И горек век никчемный,
Бессрочным ожиданьем
На память обреченный.

Когда-нибудь, свободна
От злобного навета,
Окликнешь ты. Но, мертвый,
Как отзовусь на это?

**ХУАН ПЕКАРЬ ОСВЕДОМЛЯЕТ ТУРИСТОВ,
ПРИБЫВШИХ В ИСПАНИЮ**

Шлю привет вам, туристы в Испании!
Поглядите, как светит солнце!
Что изгладит его из памяти!

Это нега вам в душу льется.
Да, сеньоры, нет в мире чудес,
что чудесней испанского солнца.

А цветы! Ах, какие цветы!
Бархатистые белые розы
и гвоздики, огнем налитые.

А испанки! Какие испанки!
Как пленительна нежная Лола!
Как прекрасна задорная Кармен!

Ну, а Франко, суровый Адонис
с аппетитными толстыми щечками,
расфуфыренный сверху донизу?

Как он держится, просто диво!
Изабелла Вторая — и та
не казалась такой спесивой.

Всюду роскошь, блеск, изобилие.
Нынче золото все, что блестит, —
например, сам каудильо.

Спекулировать здесь не зазорно.
Вся Испания — это рынок,
разумеется, черный.

В лавках горы колбас и шпрот,
а на каждом углу — епископ
и, естественно, крестный ход.

Здесь любой найдете товар.
Вон как бьют фонтанами вина
из утроб испанских гитар!

Изобилье! Маслом оливковым
брызжут звезды, а на земле
лишь одни пустые бутылки.

Вы о хлебе, сеньор? Пустяки!
Затмёвают в гостиницах скатерти
белизну пшеничной муки.

Или сахар возьмем, к примеру:
посмотрите, он даже в моче
обнаружен у миллионера.

Сколько рыбы здесь мелкой и крупной:
сутенеров и фалангистов,
торгашей и военных преступников!

Ах, вам танцев? Уж тут-то, поверьте,
ни минуты скучать не придется:
будет все, даже пляска Смерти.

Здесь стучат каблуками рьяно.
Но колышется на подмостках
здесь не занавес, а сутана.

Вам и музыки? Музыки много:
позабавьтесь ружейной стрельбой —
мелодично, да и недорого.

Вы, сеньора, наверно, хотели
посмотреть на тюремном дворе,
как стреляют у нас по цели?

Ах, вам страшно? Тогда взамен
мы покажем «Закон о побеге»:
захватывающий момент.

Заведений увеселительных?
А в Оканье тюрьму вы видели?
Не правда ли, восхитительно?

И в Севилью съездить не худо.
Есть там лагерь для заключенных,
настоящее чудо!

Андалусских народных песен?
Что ж, извольте: их очень талантливо
исполняют в тюрьме Пуэрто
и особенно в тюрьмах Леванта.

Сказок, правда, не стало. Изъян.
Вместо сказок сегодня Голод
посещает наших крестьян.

Мир и дружба? Слова нам знакомы:
так приятно смотреть при луне
на военные аэродромы!

Так отраднo, когда над вами
сплошь усеян ночной небосвод...
Чем! Летающими крепостями.

Как сумели к нам привязаться,
до чего нас любят и чтят
эти североамериканцы!

Что испанцам на свете милей,
чем дыханье пленительной ночи
и летающих крепостей?

Ни один турист из Испании
не вернется разочарованный,
заверяю вас в этом заранее.

Не забудьте: здесь также живет,
здесь страдает, надеется, борется
трудовой испанский народ.

Я прошу вас его не чураться.
Если любите вы цветы —
это истинный цвет нашей нации.

Вам. Хуан советует взоры
обратить на крутые тропы
и отправиться ночью в горы.

БАЛАНС

Пробил итогов час. Уединитесь,
оставьте толчею вечерних улиц,
скамейку в парке и скамью в соборе,
газету разорвите, не читая.
Войдите в спальню. Дверь на ключ закройте,
снимите галстук и личину скиньте.
Пронзите светом глубь зеркал. И сердце
на туалетный столик положите.
Раскройте грудь, глаза раскройте настезь.
Давайте, дети, подведем итоги.

Ты, генерал, — сигара, шпоры, лавры,
настало время подвести итоги.
По одному сочти своих убитых,
по сотням их, по тысячам сочти.
И, водрузив на плечи это бремя,
с ним прошагай вдоль строя матерей.
И ты, министр, ты, с орденскою лентой
через плечо, подумай об итоге.

Словно платок, засаленный и смятый,
вынь из кармана «Родину святую»
и разверни ее. И улыбнуться
фотографам при этом не забудь.
Ты — хитрозубый, сплошь заплывший жиром,
ты — золота заядлый пожиратель,
ты — властелин космических финансов, —
настало время подвести итоги!
Кишечник свой освободи от чисел.
Хоть раз на улицу осмелся выйти в дождь.

Ты — красномордый обладатель пастбищ,
привыкший стричь овец и батраков.
Ты — лавочник-разбойник, ты — прилавка
паук. И ты — постов, чинов и званий

стяжатель ненасытный, ты — пиявка
на теле родины. Настало время
поразмышлять. А завтра будет поздно.

И ты, сеньора, ты, хозяйка дома,
любительница церкви и кино.
И ты, мой друг, судья грехов отцовских
в свои шестнадцать лет и восемь дней.
И ты, красotka, роза тротуара.
И ты, раскормленный безгрешный отрок,
воспитанник отцов-иезуитов.

И ты, поэт, принципиальный лирик,
знаток вина, луны, душевных колик,
ты — инкубатор вздохов и метафор,
живущий под стеклянным колпаком.
Делите, прибавляйте, вычитайте.
Настало время подвести итог.

Но ты, народ оплеванной страны,
ты — вопль задушенный, надломленный хребет,
дешевый пот, затоптанная кровь.
Ты не считай. Уж слишком много ты
не получил того, что причиталось.
Когда наступит грозный день расплаты,
ты, кредитор, нам отпусти долги.

Пусть наконец твоя свершится воля
и здесь, в Испании,
и там, на небесах.

РАЗГОВОР СО СМЕРТЬЮ

Не оттого ли, что я изранен,
что плечи мои усталость давит, —
ты предлагаешь мне вечный отдых,
который меня от цепей избавит?

Не оттого ль, что я обессилен,
измучен нищей жизнью такою,
ты предлагаешь мне ключ, который
сразу откроет мне путь к покою?

Прочь, уходи от меня подальше!
Не задевай! Пройди стороною!
Верно, я жалок — вместо постели
только трава одна подо мною.

Служит ладонь моя мне стаканом.
Небо — вот кровля моя ночами.
Друг у меня лишь один — усталость
от тысяч дорог за моими плечами.

Но не желаю, но не приемлю,
черная мать, твоей печали.
Прочь, уходи от меня подальше,
чтоб и глаза тебя не встречали!

НАШ ЛЕС

Лес этот, дом для бездомных, приветлив и ласков
с нами
и знает: мы любим его, наш многоствольный шалаш.
Когда мы уходим в поход, не гаси в очаге своем
пламя,
лес Пикосельский наш!

А возвращаемся мы — ликуют сосны и клены,
приветствуя радостно нас пеньем негромким своим,
и мы запеваем тогда в лад их песне зеленой
свободы багряный гимн.

Этот французский лес про Испанию раньше не ведал,
но давно уже по-испански с нами ведет разговор
и знает прекрасно, кто из нас из Толедо,
а кто астурийский шахтер.

Мы не забудем тебя, свидетель наш и хранитель,
жизнью и смертью навек мы породнились с тобой.
После войны мы вернемся к тебе и в нашу обитель
войдем веселой толпой,

обнимем деревья твои и возвестим о победе,
лавр зеленый посадим под сводом свободных небес.
Где бы ни были мы, верь, к тебе мы приедем,
наш Пикосельский лес!

БЫЛ У МЕНЯ ТОВАРИЩ

«Был у меня товарищ...» —
боши так распевали,
гусиный шаг сапогами в такт отбивая.
И призрак того «товарища»,
убийцы зорь и закатов,
ухмылялся сквозь дым и пламя над пылающими домами.

И у меня был товарищ.
Был он француз, я — испанец,
и, возвращаясь с задания, мы счастливо
с ним обнимались,
делили хлеб и патроны, делили страх и отвагу.
Мы вместе сражались в Испании.
И вместе сражались за Францию.
За общее дело воюя, кровью мы с ним побратались,
и землю обеих стран наша кровь напитала.

Когда стариком я стану, коль доживу до старости,
глядя на лес и на горы, я повторять не устану:
«Был у меня товарищ...»

ФРАНСИСКО ГУЙОН

Уже привыкнуть к этому пора,
но сердце смерть его принять не в силе.
Носивший орден Ленина вчера,
сегодня он плывет к своей могиле.

Тяжелый гроб во власти кумача —
в огне сосною пахнущее ложе.
Снежинки опадают, трепеща,
на слезы затвердевшие похожи.

Гроб лодочкою красной вдалеке
мелькнул, как искра, и исчез из виду...
По улицам Москвы, как по реке,
казалось, уплывал Гуйон к Мадриду...

В Испании солдатом был Гуйон.
В Стране Советов партизаном стал он.
За две отчизны шел в сраженья он,
герою две отчизны — пьедесталом.

О нем поют мне волжские ветра,
в которых слышу я напевы Тахо...
Уже привыкнуть к этому пора...
Прощай, Гуйон,
солдат, не знавший страха!

РОМАНСЕРО О ХОСЕ САНЧО

Хосе Санчо,
Хосе Санчо,
я ищу с тобой беседы,
драгоценный Хосе Санчо,
мой приятель и художник,
поседевший на вокзалах,
постаревший в разных встречах,
двадцать пять нелегких вёсен
обходящий нашу землю.
Почему же
так неверно
ты ее изображаешь?

Расскажи,
зачем рисуешь ты в моих домах фракийских
исполнителей фламенко
и мадонн,
Хосе мой Санчо?

Расскажи,
зачем ты пишешь Северное море красным,
желтым, розовым, зеленым,
а мужчин его суровых —
с негой южною во взоре?

Расскажи,
зачем рисуешь ты быков у самой Сены,
золотые кастаньеты
в синем небе над Варшавой?

Расскажи,
зачем рисуешь белых немок только в черном,
как Кармен в ее мантилье,
и меж холмиков груди их
почему восходят розы?

Расскажи,
зачем рисуешь кипарисы и маслины
под березами России?

Расскажи,
зачем рисуешь ты во взгляде моей дочки
две большие ночи,
Санчо,
два кинжала из Толедо?

Хосе Санчо,
Хосе Санчо,
ты молчишь, не отвечаешь.
Поседевший на вокзалах,
постаревший в разных встречах,
двадцать пять нелегких вёсен
обходящий нашу землю.
На любом чужом вокзале —
сходишь ты в своей Испании,
ты при каждой новой встрече
видишь милую Испанию,
ты по всей земле рисуешь
лишь ее, свою Испанию.
Я в глаза тебя целую,
Хосе Санчо,
Хосе Санчо.

НЕМЕЦ

В Берлине, на холодной сцене,
Пел немец, раненный в Испании,
По обвинению в измене
Казненный за глаза заранее,
Пять раз друзьями похороненный,
Пять раз гестапо провороненный,
То гримированный, то в тюрьмах ломанный,
То вновь иголкой в стог обрonnenный.

Воскресший, бледный, как видение,
Стоял он, шрамом изуродованный,
Как документ Сопротивления,
Вдруг в этом зале обнародованный.
Он пел в разрушенном Берлине
Все, что когда-то пел в Испании,
Все, что внутри, как в карантине,
Сидело в нем семь лет молчания.

Менялись оболочки тела,
Походки, паспортá и платья.
Но молча душу сжав в объятья,
В нем песня еле слышно пела,
Она хрипела и болела,
Она в жару на досках билась,
Она в застенках огрубела
И в одиночке простудилась.

Она явилась в этом зале,
Где так давно ее не пели.
Одни, узнав ее, рыдали,
Другие глаз поднять не смели.
Над тем, кто предал ее на муки,
Она в молчанье постояла
И тихо положила руки
На плечи, тех, кого узнала.

Все видели, она одета
Из-под Мадрида, прямо с фронта:
В плащ и кожанку с пистолетом
И тельманку с значком Рот Фронта.
А тот, кто пел ее, казалось,
Не пел ее, а шел в сражение,
И пересохших губ движенье,
Как ветер боя, лиц касалось.

. . . . .

Мы шли с концерта с ним, усталым,
Обнявшись, как солдат с солдатом,
По тем разрушенным кварталам,
Где я шел в мае сорок пятом.
Я с этим немцем шел, как с братом,
Шел длинным каменным кладбищем,
Недавно — взятым и проклятым,
Сегодня — просто пепелищем.

И я скорбел с ним, с немцем этим,
Что, в тюрьмы загнан и поборот,
Давно когда-то, в тридцать третьем,
Он не сумел спасти свой город.

ПАСИОНАРИИ

Моя голубка мне сказала,
что, над Испанией летая,
она однажды услышала,
как пела девушка простая:

«Лети, лети, неси Долорес
мои слова:
ее Испания сегодня
жива, жива.

От крови красный Мансанарес
в тоске и горе,
он помнит бой, он помнит порох,
зовет Долорес.

«Долорес» — это значит «муки»,
но имя... имя
шепни испанцу — как рукою
все муки снимет.

И море, бьющее о берег
волной своей,
и ветер — вековечный путник —
стремятся к ней.

Несет ей море шум и пену,
встает лавиной,
а ветер собирает запах
роз и жасмина.

А на горах и на равнине
ее народ,
опять единый, к сердцу сердце,
о ней поет.

Ты слышала ли ночью топот
и крик погони?
То скачут наши полководцы,
огонь — их кони.

А там, где рухнул ствол свободы, —
скажи Долорес, —
другой, ты видела, поднялся
в своем уборе.

Скажи скорей, что в подземельях,
на чердаках,
и у станков, и в черных шахтах,
и на горах,
у всех ключей, у всех колодцев,
у всех корней
стоят на страже партизаны, —
скажи скорей!
Стоят на страже партизаны, —
скажи скорей, —
глаза не спят, рука не дрогнет,
винтовка в ней!»

ХУЛИО МАТЕУ

ДВЕ РОДИНЫ

Случилось так, что на свете
две родины у меня.
Велением сердца к обеим
навек привязан я.

В Испании свет я увидел,
а с жизнью она мне дала
и ветер, и звезды, и песню,
и землю горя и зла.

Она мне виделась дубом —
ударила молния в ствол,
и злобный огонь беспощадно
мой дуб пополам расколол.

О новом, о лучшем мире
шептала мне сказку мать,
не зная, что сыну удастся
ту сказку в жизни узнать.

Россия дала мне без просьбы
большие дороги свои,
счастливую, верную дружбу
и дар безграничной любви.

В краю свободы береза
растет, высока и стройна,
а дубу, в краю печали,
как сказка, снится она.

Сплетаются ветви деревьев,
тепло для семян берегут...
Пусть рядом, в Москве и в Мадриде,
береза и дуб зацветут!

Две родины в сердце ношу я,
две родины всюду со мной.
С одной научился я счастьем
и плачу вместе с другой.

АГУСТИН МАНСО

МАЙ 1936 ГОДА

Как одела меня мама
В это утро Первомая!
Ярче неба мне казалась
Рубашонка голубая.
Из дверей шагнул я в песню —
Вся страна ту песню пела.
Пламя галстука на солнце
Алой кровью закипело.
Мамой бережно повязан,
Он кружился, и степенно,
Полный гордости, шагал я
Вверх по улице Торено.
Я любимейшие песни
Пел до ночи не смолкая...
Как одела меня мама
В это утро Первомая!

* * *

Мне снятся мои дороги...
Никто этих снов не знает.
Я снова и снова еду
Полями родного края.

Погонщик, сдержи упряжку,
Разлукой я так измучен!
Пусть встанет возок скрипучий
У первых речных излучин.

Он мех, упругий и гулкий,
В повозке разом отыщет:
— Глотни вина молодого!
Я понимаю, дружище...

И меха тугую кожу
Я стисну в ладонях грубых,
Пока не утихнет горечь,
Пока не напьются губы.

Погонщик, гони упряжку!
Звени, придорожный камень!
Уже околица детства
Кивает мне ветряками.

РОДИНА

Этот солнечный свет, в нем открыл я глаза,
теплый и легкий, как утренний сон.
Переливами ласковых красок он лег
на простые и четкие формы вещей.

Колдовские просторы равнинной земли,
раскрытой навстречу мне, будто ладонь;
там лимонного дерева плод золотой
над фонтаном свисает из темной листвы;

там на закате вдоль старой стены
голубые цветы раскрывает выюнок;
и каждое лето из дальних земель
возвращаются ласточки в гнезда свои.

Во мне пробуждает журчанье воды
своей музыкой вечной в вечерней тиши
еще не измятые жизнью мечты,
и чистой страницей судьба меня ждет.

И в сердце моем оживает все то,
что время умчало, казалось, навек.
Воспоминанье врезается в грудь,
словно тупой и безжалостный нож.

Корни дуба. Кто вытянет их из земли?
Радость первой любви. Как тебя позабыть?
Родина! Память моя и мечта,
чем ты дальше уходишь, тем ближе мне ты.

МУХА

— Я был старым конем,
беспородною клячей, — рассказывал Росинант. —
Однажды цыгане из Вальядолида
где-то в Медина-де-Риосеко
на ярмарке сбыли меня одному
доверчивому идальго,
сеньору Кихано, по прозвищу Добрый,
о котором иные скромные летописцы
ничего другого и не сообщают.
Человеком был мирным он, этот Кихано,
однако случилось,
что муха его укусила.
— Как это?.. Что вы сказали?
Его укусила какая-то муха?
— Нет, нет. Его укусила та самая муха.
— Муха цеце?
Африканская сонная муха?
— Нет, сеньор, нет. Его укусила испанская муха,
муха безумной испанской мечты.
Укусы ее на себе испытали
святая Тереса,
Хуан де лос Риос,
мистики,
пикаро
и конкистадоры.
Муха рискованных странствий,
в которые ринулись все
и откуда никто не вернулся.
Ни разу еще не вернулся. Бедняга Испания!
Одни устремились в небо, как мистики,
другие на дно опустились
и закачались в петле,
словно пикаро.

А третьи отплыли за океан,
к островам неоткрытым,
к неведомым царствам,
к звездам чужим и далеким,
к «безумью»,
которое можно найти
на каждой земной широте.
О боже мой! Что за напасть!
Потом, спустя годы, некий тиран
страшную язву навлек на страну,
и, с плеч своих бремя Истории сбросив,
толпами снова бежали испанцы
и не возвращались обратно.
Не возвращались... Не возвращались...
Пропадали... Бесследно... Навеки...
Города опустели. Кто в них остался?
Где он, тот городок с домами из глины,
детище бурой и гордой кастильской земли,
тот городок со своей колокольней
и с аистом на колокольне,
с голубятнями, полными белых и палевых птиц,
со старой смоковницей... и тополями?
Где он теперь?
Разве что в памяти смутной моей,
в моем угасающем воображенье.
И когда я умру, через сколько-то дней,—
я, старейший в роду,—
уж никто, никогда, ничего не узнает об этом
маленьком городке.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

*

Я принес бы тебе с собою —
я тебя не видал столько лет —
все богатство мое, на котором
лежит до сих пор запрет.

Твой лоб высок и прекрасен —
чего б я ему не принес!

Кадиса — синие волны,
алую гвоздику Севильи,
золотые мирты Гранады
и колос ржаной из Кастильи.

Твой лоб — это лоб героя,
и чего б я ему не принес!

*

Твой голос чист и глубок —
чего б я ему не принес!

Гирлянду снегов Гвадаррамы,
лежащих в цветочном уборе,
и сердце Мадрида, и рыбу
Кантабрийского моря,
цветок Пиренейских гор
и свет Средиземного моря.

Твой голос — голос героя,
и чего б я ему не принес!

Чего б я тебе не принес
сегодня, если бы мог!

Всю любовь, что в крови и сознании
всего народа Испании.

**БАЛЛАДА, СЛОЖЕННАЯ ЧЕЛОВЕКОМ,
НИКОГДА НЕ БЫВАВШИМ В ГРАНАДЕ**

Федерико Гарсиа Лорке

О, как ты далека за морями, полями, горами!
Голова побелела, и солнце чужое над нами.
Никогда не бывал я в Гранаде.

Голова побелела, нет праздников, только поминки,
все ищу я бывшие, запретные ныне тропинки.
Никогда не видал я Гранады.

Не фонарь, а зеленую ветку мне дайте в дорогу,
и коня, и уздечку — галопом помчусь от порога.
Никогда не вступал я в Гранаду.

Вот и башни. Кто — враги, что толпятся на стенах?
Кто свободное эхо сковал перекличкой измены?
Никогда не бывал я в Гранаде.

Кто сады ее держит сегодня в плену под замками?
Кто фонтаны лишил языка, заковав их цепями?
Никогда не видал я Гранады.

О, придите скорей все, кто не был ни разу в Гранаде!
Посмотрите: здесь кровь пролилась и зовет нас
к осаде.

Никогда не вступал я в Гранаду.

Эта кровь на пороге любого гранадского дома,
эта кровь на листе во дворах, на воде водоема.
Никогда не бывал я в Гранаде.

Это кровь дорогого и лучшего друга и брата,
и бегут по Хенилю и Дарро кровавые пятна.
Никогда не видал я Гранады.

Высоки эти башни, но выше всех башен отвага.
Так вперед по морям, по полям, по горам и оврагам!
И вступлю я в Гранаду!

АНХЕЛА ФИГЕРА АЙМЕРИЧ

РОЖДАЮЩИЙСЯ ЧЕЛОВЕК

Прошу мира и слова.
Блас де Отеро

Из невинного дерева мне приготовь колыбель,
белый флаг водрузи над ее изголовьем.

Я родиться готов, но пока я еще не дышу,
тише, люди! Я мира и слова прошу.

Я прошу хоть немного невинной земли,
не омытой слезами и кровью земли,
не поруганной пеплом и гнилью земли,
чтобы зерна в нее погрузиться могли
из моих расprostертых ладоней.

Тише, люди! Я мира и слова прошу.
Безмятежного воздуха, нежного неба,
лучезарного моря и карты без всяких границ.
Пусть прольется целебный, живительный пот,
пусть он шрамы затянет, пускай он сотрет
все следы от невзгод и забот.

Тише, люди! Я мира и слова прошу.
Я братьев своих призываю,
всех, кто матерью был в этом мире рожден,
чтоб слышали и поспешили.
Пусть они пробудятся, как солнце взойдет,
и к ручью устремятся тогда,
пусть умоют лицо, и ладони, и рот,
пусть их ногти навек от великих чернот
поскорее очистит вода.

И пускай запыленные вынут сердца,
чтобы воздух их щедро овеял,
пусть нечистая алчность оставит их взор до конца
и покинут их волосы змеи.

А потом пусть придут, чтоб родиться со мной
и по-новому справиться с долей земной.
Я родиться готов. Но пока я еще не дышу,
я несу вам надежду и мира прошу.

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

* * *

Странное чувство меня томит:
каждую ночь,
                                опять и опять,
снится Мадрид,
                                снится Мадрид,
словно бы жизнь повернула вспять.

И начинает казаться мне,
чем дольше живу,
                                чем труднее жить,
что я воевала на той войне
и не смогла в бою победить.

Стало быть, это моя вина
в том, что стряслось на пути крутом,
в том, как окончилась та война,
в том, что случилось в мире потом.

* * *

«Разведка боем» — два коротких слова.
Роптали орудийные басы,
И командир поглядывал сурово
На крохотные дамские часы.
Сквозь заградительный огонь прорвались.
Кричали и кололи на лету.
А в полдень подчеркнул штабного палец
Захваченную утром высоту.
Штыком вскрывали пресные консервы.
Убитых хоронили, как во сне.
Молчали.

Командир очнулся первый:
В холодной предрассветной тишине,
Когда дышали мертвые покоем,
Очистить высоту пришел приказ.
И, повторив слова: «Разведка боем»,
Угрюмый командир не поднял глаз.
А час спустя заря позолотила
Чужой горы чернильные края.
Дай оглянуться — там мои могилы,
Разведка боем, молодость моя!

* * *

Сегодня в Эшери погода как будто в Рязани.
Российские тучи по небу Кавказа ползут...
И ты загрустила.

Как чайка, присела на камень
У серого моря, которое Черным зовут.

...На лапках кривых и тонких
Карабкаются крабенки,
А море серое и пегое
С бледно-зелеными пропалинами
Рычит

и целыми телегами
На берег пену сваливает...

...Знаю я, отчего ты грустна.
Ты думаешь, глядя на волны:
Может быть, эта волна
Родилась у Барселоны.

У ОГНЯ

Кружится испанская пластинка.
Изогнувшись в тонкую дугу,
Женщина под черною косынкой
Пляшет на вертящемся кругу.

Одержима яростною верой
В то, что он когда-нибудь придет,
Вечные слова «Yo te quiero»¹
Пляшущая женщина поет.

В дымной, промерзающей землянке,
Под накатом бревен и земли,
Человек в тулупе и ушанке
Говорит, чтоб снова завели.

У огня, где жарятся консервы,
Греет свои раны он сейчас,
Под Мадридом продырявлен в первый
И под Сталинградом — в пятый раз.

Он глаза устало закрывает,
Он да песня — больше никого...
Он тоскует? Может быть. Кто знает?
Кто спросить посмеет у него?

Проволоку молча прогрызая,
По снегу ползут его полки.
Южная пластинка, замерзая,
Делает последние круги.

Светит догорающая лампа,
Выстрелы да снега синева...
На одной из улочек Дель-Кампо,
Если ты сейчас еще жива,

---

¹ Я тебя люблю (исп.).

Если бы неведомою силой
Вдруг тебя в землянку залучить,
Где он, тот голубоглазый, милый,
Тот, кого любила ты, спросить?

Ты, подняв опущенные веки,
Не узнала б прежнего, того,
В грузном поседевшем человеке,
В новом, грозном имени его.

Что ж, пора. Поправив автоматы,
Встанут все. Но, подходя к дверям,
Вдруг он вспомнит и мигнет солдату:
— Ну-ка, заведи вдогонку нам.

Тонкий луч за ним блеснет из двери,
И метель их сразу обовьет.
Но, как прежде, радуясь и веря,
Женщина вослед им запоет.

Потеряв в снегах его из виду,
Пусть она поет еще и ждет:
Генерал упрям, он до Мадрида
Все равно когда-нибудь дойдет.

Я КАРТУ ИСПАНИИ СНЯЛ СО СТЕНЫ

Я снял со стены эту карту — нет силы
Смотреть на Овьедо, пожаром объятый,
На смертные муки Валенсии милой,
На пепел полей Барселоны распятой.

У неба глаза помутились от горя,
Охрипли от крика щербатые камни...
Но, как непреклонное солнце над морем, —
Сиянье Победы взошло над веками.

АЛЕКСЕЙ НЕДОГОНОВ

БИОГРАФИЯ

Я не помню детской колыбели.
Кажется:
я просто утром встал
и, накинув бурку из метели,
по большой дороге зашагал.

Как я мог пройти такие дали,
повторить стократно все пути?..
Где я был?
В газетах не писали.
Где я шел?
По звездам не найти.

Только твердо помню я,
что где-то
под Мадридом, непогодь кляня,
у артиллерийского лафета
встал пушкарь,
похожий на меня.

А потом на Финском,
в штурмовые
ночи, под раскатами огня,
глядя на великую Россию,
пал стрелок, похожий на меня.

И еще я помню, помню внятно:
над бессмертьем друга своего
с ротою салютовал трикратно
я,
лицом похожий на него.

Ангелы спасенья не витали
надо мною на большой войне:
силы Родины меня питали, —
талисман возмездья
был при мне.

Где сейчас я?
Не ищи на карте...
Только люди говорят, что я
в Греции,
в Чанду
и в Джокьякарте
в дьявола стреляю из ружья!

Где сейчас я?
Я держу святую
клятву боя
на любом ветру;
до ста лет, наверно, проживу я,
коль своею смертью не умру.

ОЛЬГА БЕРГГОЛЬЦ

ПОБРАТИМЫ

Михаилу Светлову

Мы шли Сталинградом, была тишина,
был вечер, был воздух морозный кристален.
Высоко крещенская стыла луна
над стрелами строек, над щебнем развалин.

Мы шли по каленой гвардейской земле,
по набережной, озаренной луною,
когда перед нами в серебряной мгле,
чернея, возник монумент Хользунова.
Так вот он, земляк сталинградцев, стоит,
участник воздушных боев за Мадрид...

И вспомнилась песня как будто б о нем,
о хлопце, солдате гражданской войны,
о хлопце, под белогвардейским огнем
мечтавшем о счастье далекой страны.
Он пел, озирая родные края:

«Гренада, Гренада,
Гренада моя!..»

Но только, наверно, ошибся поэт:
тот хлопец — он белыми не был убит.
Прошло девятнадцать немислимых лет —
он все-таки дрался за город Мадрид.
И вот он — стоит к Сталинграду лицом
и смотрит, бессмертный,

сквозь годы,

сквозь бури

туда, где на площади Павших Борцов
испанец лежит — лейтенант Ибаррури.
Пасионарии сын и солдат,
он в сорок втором защищал Сталинград,
он пел, умирая
за эти края:
«Россия, Россия,
Россия моя...»

И смотрят друг другу в лицо — на века —
два побратима, два земляка.

НИКОЛАЙ ЗАБОЛОЦКИЙ

БОЛЕРО

Итак, Равель, танцуем болеро!
Для тех, кто музыку не сменит на перо,
Есть в этом мире праздник изначальный —
Напев волынки, скудный и печальный,
И эта пляска медленных крестьян...
Испания! Я вновь тобою пьян!
Цветок мечты возвышенной взлелеяв,
Опять твой образ предо мной горит
За отдаленной гранью Пиренеев!
Увы, замолк истерзанный Мадрид,
Весь в отголосках пролетевшей бури,
И нету с ним Долорес Ибаррури!
Но жив народ, и песнь его жива.
Танцуй, Равель, свой исполинский танец,
Танцуй, Равель! Не унывай, испанец!
Вращай, История, литые жернова,
Будь мельничихой в грозный час прибоя!
О, болеро, священный танец боя!

МИРДЗА КЕМПЕ

СОНЕТЫ ДОЛОРЕС ИБАРРУРИ

1

То имя — как раскаты горной бури.
— Нас не согнуть! Мы умираем стоя! —
Твои глаза рассветной чистотою
Светили умиравшим, Ибаррури.

Твой голос вырывается из хмури
Клинком. И слово у тебя литое.
Нас не накрыть могильною плитою,
Мы — негасимый пламень, Ибаррури.

Идут, идут колонны из металла,
В их жилах — сталь. У них на теле раны,
Горит их кровь под солнцем Гвадаррамы,

И грозен в Теруэле камень серый.
Долорес, у тебя в глазах усталых
Темно мерцают и печаль и вера.

2

Долорес, я поведаю о бое.
Там, под Левантом, полыхали дали,
Там брата ранило. И в красном шквале
Чех нес его последнюю тропю.

Сожгло их пламя яростью слепою,
Их легкий пепел ветры разметали,
Испанские цветы не расцветали
Над ними, павшими на поле боя.

Они тобой не будут позабыты,
Как не забыт и тот, другой, —
Твой сын, над Волгою зарытый.

И косы стали пепельного цвета,
То пепел павших сыновей планеты
Запорошил тебя пургой.

ИСПАНСКИЕ СТИХИ

Испания!
Мы не забыли
то время,
тот тридцать шестой,
когда мы,
как будущим,
жили
твоею военной судьбой;

тот год,
когда после работы
мы снов
не видали иных,
а только
твои пулеметы
и песни
отрядов твоих;

те дни,
когда, спрятавши книжки,
глаголы
оставив учить,
из школ убегали
мальчишки —
патроны тебе
подносить;

когда,
свою бурку расправив,
как черные
крылья орла,
пред вами
явился Чапаев
и к нам
Ибаррури пришла.

В Москве
за вечернею чашей
тебя
называли порой

подругою младшею
нашей
и нашею
младшей сестрой.

Не верил я
ни на мгновенье
тому,
что палач-генерал
поставил тебя
на колени
и душу твою
растоптал.

Всю ночь за тюремною дверью
израненный
узник поет.
Я этому
голосу верю:
Испания наша
живет!

Идет металлист
к партизанам,
батрак
в партизаны идет.
И я повторять
не устану:
Испания наша
живет!

Вторую неделю бастует
чугунолитейный
завод.
Как заповедь,
произношу я:
Испания наша
живет!

Сегодня, как в юности,
снова,
другие
оставив слова,
твержу я
три вещи слова:
Испания наша
жива!

ЮЛИЯ ДРУНИНА

ПИСЬМО К МИССИС ЭНН СМИТ

(Фрагмент)

...В раковине
                                крошечной эстрады,
С головой,   откинутой назад,
Дочь республиканца   из Гренады
Запевала   марш интербригад.
В раковине   крошечной эстрады,
В русском парке   у Москвы-реки
Худенькой москвичке   из Гренады
Подпевали   мертвые полки.
За ее   покатыми плечами
Проходили   в боевом строю
Русские,   французы,   англичане —
Рыцари всех стран,   что защищали
Горькую   Испанию мою.
Да, мою,   поскольку в пятом классе
Я бежала защищать   Мадрид —
Я   и рыжий конопатый Вася,

Что потом
                    под Ельней
                                    был зарыт.
Нас
            домой с милицией вернули...
Шли года.
            Была я на войне,
Но болит
            невынутою пулей
То воспоминание во мне...

ЕВГЕНИЙ ДОЛМАТОВСКИЙ

ПОД ЛАВРАМИ МАДРИДА

Он первым был из тех, кому пришлось
Увидеть — не под Курском, не в Ростове, —
Как бомбы падают немного вкось,
Как смерть идет и жаждет нашей крови.

Уехал он в тридцать шестом году,
Мечту о мужестве увез с собою.
Из нас он первым ощутил беду
И первым вышел на дорогу боя.

В те дни мы часто видели во сне,
Как он шагает по кремнистым скатам,
Как говорит он о своей стране
Черноволосым молодым солдатам.

За Университетский городок
Шел долгий бой. А на земле изрытой
Двадцатилетний башенный стрелок
Лежал в тени под лаврами Мадрида.

Когда на склонах сделалось темно,
Товарищи оплакали героя
И положили в землю, как зерно
На поле вспаханном — на поле боя.

С тех пор прошло так много — десять лет!
Он умер. Мы живем. Не для того ли,
Чтоб отыскать его горячий след
В краю чужом, в краю тоски и боли?

* * *

Есть в русском городке старинном
Дом в заповедном уголке,
Где мальвы светятся за тыном
И зори плещутся в реке.

Живет в нем женщина седая
С печальным молодым лицом...
Гул самолетный, нарастая,
О ком ей говорит, о ком?!

Бежит неудержимо время,
Клубя воспоминаний дым.
А муж на фото, в летном шлеме,
Навек остался молодым.

Испанских роз и маков алость
Над ним пылала в смертный час.
Рука любимой не касалась
Его похолодевших глаз.

Есть у испанского народа
Святой обычай с давних дней:
Жене был через близких отдан
Ключ от решетчатых дверей.

Она его всю жизнь хранила,
Чтоб землю русскую в горсти
На ту далекую могилу
С любовью верной принести.

Ей ждать уже недолго надо,
Да, будет день, настанет год,
Когда жена в замке ограды
Ключ сбереженный повернет!

* * *

Лейтенанты испанской войны
все теперь генералы,
кроме тех, кто в далекие дни
за Мадрид умирали.
Кроме тех, кроме тех и других,
кто теперь только снится,
кто зимой в сорок первом погиб
далеко от границы.
Кроме тех, кто в другую войну —
пострашней, побесстрашней —
до сих пор все горит на Дону
в танках, врытых по башни.
Генералы второй мировой —
лейтенанты испанской.
Кроме тех, кто упал головой
в черный пригород Гданьска.
Кроме тех, кто неловко осел
в помутневшую воду
на изодранной дымной косе
у моста через Одру.
Лейтенанты испанской войны,
той, проигранной, лютой...
все им есть — ордена, и чины,
и салюты, салюты.
Но порой в их движениях видны
затаенные боль и обида,
лейтенанты испанской войны
не забыли Мадрида.

* * *

Отшлифован гранит пьедестала,
Да и памятник, вроде, готов.
Наша юность историей стала,
Комсомольцы тридцатых годов.

Половину планеты облазили
Мы в солдатских простых сапогах.
На полях и Европы и Азии
Побывали у смерти в гостях.

Полной мерой делили, Россия,
Мы твою огневую судьбу,
Но с войной повстречались впервые
В городке под названьем Порт-Бу.

Это там увидали воочью
Мы — посланцы страны своей,
Женщин в платьях чернее ночи
И глаза голодных детей.

Так вспомним, товарищ ровесник,
Далекие те времена,
Те битвы,

походы
и песни,
Тех давних друзей имена.

И голос набатный Долорес,
И запах малиновый роз,
Испанскую землю, к которой
Ты русской душою прирос.

Ведь с этой земли каменистой,
Поросшей колючей травой
За мир и свободу народов
Впервые поднялся ты в бой.

ВЕТКА ОЛИВЫ

МАРГАРИТА АЛИГЕР

ВЕТКА ОЛИВЫ

*Едете в Испанию? Счастливый!
Право? Не во сне, а наяву?
Привезите веточку оливы
в зимнюю, студеную Москву.*

*Привезите веточку оливы,
привезите веточку мечты,
Аликанте синие приливы,
Гвадаррамы сизые хребты.*

*Привезите сноп тепла и света,
крик осла и голоса цикад.
Привезите веточку привета
от испанских граждан и солдат.*

*Вместо сувениров и одежды
привезите доброго вина,
привезите веточку надежды,
что была на свете та война.*

ЯРОСЛАВ СМЕЛЯКОВ

МИХАИЛУ СВЕТЛОВУ

Все совершается как надо,
хоть и не сразу, не сполна.
Но горсть земли из-под Гренады
была в Москву привезена.

Ее везли не без опаски
через границы вдалеке,
как будто в старой русской сказке,
в полукрестьянском узелке.

Ей красоты не доставало,
оттенков сизо-золотых —
она из пыли состояла
и мелких камешков нагих.

Но, несмотря на это, все же
она на свой особый лад
была для нас куда дороже
всех украшений и наград.

И мы ее, чтоб легче было
тебе лежать от всех вдали,
на тихий холм твоей могилы,
как надлежало, принесли.

Ведь есть естественность прямая
в том, что сегодня над тобой
земля Испании сухая
смешалась с русскою землей.

ТРЕВОГА

Среди ночи, когда
                                припадут к аппаратам радисты
И ключом телеграфным
                                полночный эфир отомкнут,
В мою совесть стучит
                                (уж таким привелось мне родиться!)
Телеграмма Тревоги,
                                и шифр ее краток и крут.
От беды и бессонницы
                                некуда сердцу деваться:
Вот в морозном окне,
                                превращенном луною в экран,
Всходит Лоркина тень,
                                обозначился профиль Диаса,
И багровое солнце
                                сочится, как прежде, из ран.
Бьет Тревога!
                                Опять
                                чьи-то руки повиснут, как плети.
Три кукушки в саду
                                напророчат кому-то беду...
Только я не сробею!
                                Лишь небо наброшу на плечи,
Словно плащ матадора,
                                и вслед за Тревогой пойду.
Нет, поверьте,
                                не мне
                                ночь-цыганка на звездах гадала!
Ну, а если она
                                вдруг окажется все же права,
Пусть тогда надо мной
                                андалусская вскрикнет гитара
И предательский нож
                                обовьет молодая трава.

И замрешь на пороге,
и сердце в груди защежит...
...А под утро в саду,
словно небыль,
под небом полтавским
Молодыми ветвями
испанский лимон
зашумит.

ЯКОВ ХЕЛЕМСКИЙ

* * *

На Пласа Пуэрто дель Соль,
Среди магазинного блеска,
Глубинная грозная боль
Пронзает внезапно и резко.

В разгаре мадридского дня,
За множество лет не состарясь,
Она настигает меня
У мелкой реки Мансанарес.

Окраинный Карабанчель,
Чье имя как гром барабана,
Он весь — попадание в цель
И сам — незажившая рана.

А нынешний город уже
Давно не похож на вчерашний,
Что скажут ранимой душе
Сквозные современные башни?

Напрасно врываются в стих
Соборы, отели, казармы,
Монахи в сутанах глухих,
В лихих треуголках жандармы.

Ревут, словно стадо быков,
«Рено» и «сеатов» моторы,
Сигнал, как мулета, багров,
И дразнят быков светофоры.

Но, красному цвету близки
(С виденьем таким не расстанусь),
Пронесются грузовики
С веселыми милисианос.

Гитара по-русски звенит,
Матросы шагают с плаката,
Влюблен осажденный Мадрид
В трагедию «Мы из Кронштадта».

По шумной Гран Виа иду
(Ее переименовали).
«Гайлорд» и «Флориду» найду
На улице этой едва ли.

И все же не где-то, а в них,
В гостиницах тех опаленных,
Встречался «Испанский дневник»
С тирадами «Пятой колонны».

Пусть город вчерашний, увы,
В сегодняшнем виден все реже,
Людские сердца не мертвы,
И лица прохожих все те же.

Мадридский автобус ползет,
Былыми ветрами исхлестан,
С университетских высот
Спускаясь к Толедскому мосту.

И вновь отдается в ушах
Штабная суровая сводка,
Кольцова стремительный шаг
И грузного Хема походка.

* * *

Тополя над испанской равниной,
Иностранного аиста взлет,
А вздохнешь — и степной Украиной,
Чебрецом и лавандой пахнет.

Заскирдованы травы сухие,
Зябь окутана смутным дымком.
Эту землю я вижу впервые,
Но пейзаж незнакомый знаком.

Словно в Таврии, в прошлом столетье
(До чего же делянка мала!),
Остролицый оратай в берете
Подгоняет ленивца вола.

Рыжий грунт, опаленный и жесткий,
Отчужденно простерся вокруг.
Обладателю тесной полосы
Не поможет и дедовский плуг.

Кто сумеет помочь? Как и раньше,
Мнится пахарю цокот подков.
Может, рыцарь спешит из Ламанчи,
Может, всадник из русских стихов?

Конармеец в матерчатом шлеме
И гидальго с мечом и копьем,
Очень разные, мчатся сквозь время,
Безоглядно легки на подъем.

Их далекое горе тревожит,
Им чужая обида слышна.
И Светлов, на обоих похожий,
Грустно шепчет в больнице: — Грена...

Я заехал в Кастильскую волость,
А Гренадская где-то южней.
Но знакомый послышался голос —
Милый отзвук негаснущих дней.

У поэзии — вечное право
Обращаться к легендам опять,
Не затем, чтобы ширить их славу,
А чтоб землю крестьянам отдать.

Чтобы рыцарский дух не сломили
На планете, где трудно живем,
Чтоб добро не растаяло в мире,
Как дымок над кастильским жнивьем.

На клочке неприкаянном этом
Пахарь, к памяти тоже не глух,
Пот со лба утирая беретом,
Напрягает и зрение и слух.

Что доносит равнинное эхо,
У предгорий возникшее вдруг, —
Звон щита и старинных доспехов
Или песни оборванной звук?

МАРГАРИТА АЛИГЕР

В МАДРИДЕ

В Мадриде, в Мадриде, в Мадриде,
на Пласа Пуэрто дель Соль
была я ничуть не в обиде
на сердце пронзившую боль.
И мне утешений не надо,
и ты не тревожься, Мадрид.
Я рада, я рада, я рада,
что сердце о прошлом болит,
не стало сухою лепехой,
забывшей про гнев и любовь,
что нашей суровой эпохой
не вся еще выпита кровь;
что есть еще мужество в жилах
и слово «Мадрид» как пароль,
что даже заплакать я в силах
на Пласа Пуэрто дель Соль.

БАРСЕЛОНА

Ближе к роковому рубежу
проще и мудренее законы.
Не спеша по Рамблас прохожу,
улыбаясь розам Барселоны.
А они как смолоду горят,
им плевать на то, что путь мой прожит,
что в душе моей кромешный ад
и ничто унять его не может.
Им не важно, для кого цвести.
Только бы поярче, вот и чудно.
Я ропщу?!

Прости меня, прости,
мир, в котором мне живется трудно.

Нет, я не ропщу и не тужу,
не казню себя, не бью поклоны.
Не спеша по Рамблас прохожу,
улыбаясь птицам Барселоны.
А они как смолоду поют,
им плевать на то, что путь мой прожит,
что в душе разор и неуют
и помочь никто уже не может.

Буду же довольна тем, что есть,
попрошу лишь самого простого:
хорошо б до смерти перечесть
девяностотомного Толстого.
Край дороги, роковая пядь...
Как ее осилить, эту малость...
Хорошо б до смерти написать
то, что до сих пор не писалось.
Все тончает и тончает нить...
Все же довела, скажи на милость!
Хорошо б до смерти разлюбить
то, что до сих пор не разлюбилось.
На ногах стою, вперед гляжу,
жизни доверяюсь изумленно...
Не спеша по Рамблас прохожу,
улыбаясь людям Барселоны.
Думаю, какой она была
боевой, тревожной, опаленной...

В сущности, вся жизнь моя прошла
между той и этой Барселоной.

* * *

Я смолоду еду, мечты не тая,
По звонкому следу — «Гренада моя...».

И вот предо мною Гренада сама,
Легенда Альгамбры на склоне холма.

Я встретить надеюсь друзей боевых,
А также героев прославленных книг.

Но как их отыщешь на торной тропе,
Средь шумных туристов, в заморской толпе,

Средь храмов, дворцов, разномастных машин,
Зазывных витрин и всеобщих смотрин?

Бездомный с гитарой, надвинув берет,
Поет в ожидании горстки песет.

И, слушая песню, задумался я...
Гренада, красавица, чья же ты, чья?

* * *

Если б я своей судьбою был обласкан,
Если б времени и сил на все хватало,
Край, который наречен Страною Басков,
Посетил бы я во что бы то ни стало.

Я о ней мечтаю с молодости ранней,
О земле, пусть не обширной, но великой.
Уловить пытаюсь в книгах, на экране
Все черты ее страдальческого лика.

Я и сам растолковать не в состоянье,
В чем причина той привязанности давней,
Почему через года и расстоянья
Так она необоримо дорога мне?

Может, Гернике хочу я поклониться,
Той, что в грохоте смертельного обвала,
Пав безвинно, первой жертвою убийцы,
Белоруссии сестрою кровной стала.

Может, музыка влечет басконской речи?
Столь несхожая с наречьями другими,
Окрыляет она души человечьи
И свободы возвеличивает имя.

А еще мне говорил ценитель тонкий
(Я слова его охотно взял на веру),
Хороши неотразимые басконки!
Что ни женщина — пиши с нее Венеру...

Знаю, с тамошними пахарями в поле
Встретясь, я бы пожелал им: — Сейте, баски,
Чтоб взошли для вас колосья новой доли
Наяву, а не в утопии, не в сказке.

Может, так и не удастся мне собраться
В дальний край, но под одним кружимся солнцем.
Так позвольте мне в письме обнять по-братски
Друга близкого, свободного басконца.

РОБЕРТ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

ТРЕЩИНКА

Речка Тахо,
                    речка. Тахо под Толедо...
Над зеленою водой
бормочет птаха.
Желтоватая долина —
                    как тарелка.
Трещинкой на дне долины —
речка Тахо.
А Толедо —
                    как нахмуренное чудо.
Как далекий отзвук
                    рыцарского гимна.
Тусклым золотом
блестит его кольчуга...

Я не слушаю начитанного гида.
Голос гида для меня звучит нелепо.
Почему-то мне глядеть на город
                    больно.
Слишком долго я шагал к тебе,
                    Толедо!
Исполняются желанья
слишком поздно...
Память снова подымается из праха.
Вновь клянутся пацаны
                    у школьной парты.
Крепок
долгий сон
                    бойцов Интербригады...

Ты —
как трещинка на сердце —
речка Тахо.

КОРРИДА

(Фрагмент из одноименной поэмы)

...«Я испанский поэт.

Я, вернее,

хочу быть поэтом.

Хочу — я не скрою —

на великих равняться

и жить, как жестокие гении те:
не замазывать кровь,

а учить по учебнику крови.

Может, это одно

и научит людей доброте.

Сколько лет

блещут ложи,

платочками белыми плещут.

Сколько лет

продолжается этот спектакль-самосуд!

И полозья российских саней

по севильской арене скрежещут:

тело Пушкина тайно

с всемирной корриды везут.

Сколько лет

убирают арены так хитро и ловко —
не подточит и носа комар!

Но, предчувствием душу щема,
проступают на ней

и убитый фашистами Лорка,
и убитый фашистами в будущем я.

Кровь гражданской войны соскребли аккуратно

с асфальта Мадрида,

но она все течет

по шоссе и проселкам

из ноющих ран.

Треуголки полиции мрачно глядят...

Оцепили!

Коррида!..

Но да славится кровь,
если ею в тюрьме
нацарапано «No pasarán!».

Знаю я
цену образа,
цену мазка,
цену звука,

но — хочу не хочу —
проступает наплывами кровь между строк,
а твои лицемерные длинные грабли,
фашистка-цензура,
мои мысли хотят причесать,
словно после корриды песок.

Неприятна вам кровь на бумаге?
А в жизни приятно, изранив,
мучить долго и больно,
не зная при этом стыда?

Почему вы хотите вычеркивать кровь
из поэм, из романов?

Надо вычеркнуть прежде
из жизни ее навсегда!

Мир от крови устал.
Мир не верит искусной подчистке песочка.
Кровь на каждой песчинке,
как шапка на воре, горит.

Многоточия крови...
Потом — продолжение...
Где точка?!

Но довольно бессмысленных жертв!
Но довольно коррид!

Что я сделать могу,
чтобы публика оторопела
и увидела кровь у себя на руках,
а не то, что вдали,
на песке золотом...

Моя кровь ей нужна?!

Если надо,
готов умереть, как тореро,
если надо, —
как жертва его,
но чтоб не было крови вовеки потом».

СЕСАР ВАЛЬЕХО

МАССА

*Кончился бой — и был убит солдат,
и, подбежав, сказал ему товарищ:
«Не умирай! Ведь я тебя люблю!»
Но тело все мертвело и мертвело.*

*И двое, подбегая, повторили:
«Не уходи! Держись! Вернись к живым!»
Но тело все мертвело и мертвело.*

*Десяток, сотня, тысяча, сто тысяч,
на выручку бросаясь, закричали:
«Такой любви — и не осилить смерть!»
Но тело все мертвело и мертвело.*

*У изголовья встали миллионы
с единою мольбой: «Останься! Брат!»
Но тело все мертвело и мертвело.*

И человечество тогда над ним склонилось.

*Открыв глаза, несчастный, потрясенный,
труп медленно поднялся
и, первого обняв,
шагнул вперед...*

СПРАВКИ ОБ АВТОРАХ

Абашидзе Ираклий Виссарионович (р. 1909) — грузинский советский поэт и общественный деятель, Герой Социалистического Труда (1979).

Азаров Всеволод Борисович (р. 1913) — русский советский поэт и переводчик. Участник обороны Ленинграда.

Алейсандре Висенте (1898—1984) — испанский поэт. Лауреат Нобелевской премии (1977). В годы Национально-революционной войны в Испании — участник обороны Мадрида, сотрудник фронтовой печати.

Алигер Маргарита Иосифовна (р. 1915) — русская советская поэтесса и переводчица поэзии (среди ее переводов — книга Пабло Неруды «Сто сонетов о любви»). Автор цикла стихов «Печальная Испания» (1974—1980).

Альберти Рафаэль (р. 1902) — один из крупнейших современных испанских поэтов XX в., драматург, художник, общественный деятель. Участник Всемирного конгресса мира (1950). Лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» (1964). В годы войны в Испании — участник обороны Мадрида, организатор фронтовой печати. Стихи военных лет в сборниках: «Поэт на улице» (1936), «На переломе» (1937), «Столица славы» (1938). В 1939 г. был вынужден эмигрировать в Аргентину, затем в Италию. После падения франкистского режима вернулся на родину.

Альварес Хосе Мариа (р. 1911) — испанский поэт и журналист. Вступил добровольцем в ополчение и участвовал в обороне Мадрида. В годы второй мировой войны сражался во французском партизанском отряде (макй), действовавшем в Пиренеях.

Антокольский Павел Григорьевич (1896—1978) — русский советский поэт и переводчик поэзии. Участник Великой Отечественной войны.

Арагон Луи (1897—1982) — французский писатель и общественный деятель. Член ЦК Французской коммунистической партии и Всемирного Совета Мира. Лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» (1957). Один из организаторов 2-го Международного конгресса писателей в защиту культуры, проходившего в осажденном Мадриде и в Валенсии (1937). Участник французского движения Сопротивления.

Арендт Эрих (р. 1903) — немецкий поэт и переводчик испаноязычной поэзии (ГДР). После прихода к власти Гитлера — политический эмигрант. В 1936—1939 гг. сражался в Ис-

пании в рядах Интернациональной бригады. Испанской теме посвящен сборник стихов «Баллада о горном ветре» (1952).

Асеев Николай Николаевич (1889—1963) — русский советский поэт и переводчик поэзии. Друг и соратник Маяковского. Один из первых переводчиков Гарсиа Лорки (романс «Как убили Антониито Эль Камборьо на Севильской дороге», 1940); первый из советских поэтов посвятил стихотворение его памяти.

Барбарус (Варес) Иоганнес (1890—1946) — эстонский советский поэт, общественный и государственный деятель. Организатор помощи Испанской республике, автор брошюры «Испания в огне» (1937).

Барто Агния Львовна (1906—1981) — русская советская поэтесса. В 1937 г. посетила Испанскую республику в составе советской делегации участников 2-го Международного конгресса писателей в защиту культуры. Автор книги стихов «Над морем звезды. Стихи о детях Испании» (1938).

Безыменский Александр Ильич (1898—1973) — русский советский поэт, драматург и публицист. Один из виднейших представителей «комсомольской поэзии» 20-х гг.

Берггольц Ольга Федоровна (1910—1975) — русская советская поэтесса. Участница обороны Ленинграда. Ее исполненные трагического пафоса и веры в победу стихи звучали по радио и вдохновляли на подвиг жителей осажденного города.

Бехер Иоганнес Роберт (1891—1958) — немецкий писатель-антифашист, общественный и государственный деятель (ГДР). Председатель союза Культурбунд, президент Академии искусств, министр культуры. Лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» (1952).

Броневский Владислав (1897—1962) — крупнейший представитель польской революционной, антифашистской поэзии. Переводчик русской классики и произведений советских писателей.

Буш Эрнст (1900—1980) — немецкий революционный поэт-песенник, исполнитель революционных песен, общественный деятель. Сражался в Испании в батальоне «Тельман» (11-я Интернациональная бригада). После поражения Республики был выдан немецким фашистам и шесть лет (до 1945 г.) провел в различных тюрьмах. Лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» (1972).

Вайнерт Эрих (1890—1953) — один из основоположников немецкой антифашистской поэзии, переводчик Лермонтова и Шевченко, публицист, общественный деятель. Был политработником 11-й Интернациональной бригады в Испании, а в

годы Великой Отечественной войны — председателем немецкого антифашистского комитета «Свободная Германия». Автор книги стихов об Испании «Товарищи» (1951).

Вальехо Сесар (1892—1938) — перуанский поэт. Один из создателей парижского Комитета защиты республиканской Испании. Участник 1-го и 2-го Международных конгрессов писателей в защиту культуры. Автор книги стихов «Испания, да минует меня чаша сия» (1937).

Вапцаров Никола Йонков (1910—1942) — болгарский поэт-антифашист. Один из руководителей болгарского движения Сопротивления. Расстрелян фашистами. Посмертно ему присуждена Международная премия Мира (1953).

Выка Ян (р. 1902) — польский поэт. Сражался в Интернациональной бригаде (батальон Домбровского, 1936—1938). После роспуска интербригад жил во Франции и в Англии. В 1945 г. вернулся на родину. Война в Испании стала одной из основных тем его поэзии: сборник «Испанская «Варшавянка» (1953), поэма «Песнь о Сарагосе» (1956), цикл стихов «В сторону Мадрида» (в книге «Призраки», 1968). Свой сборник избранных стихов, вышедший в 1976 г. в издательстве польского Министерства обороны, Ян Выка озаглавил «Испанские трассы».

Галас Франтишек (1901—1949) — чешский поэт, переводчик Пушкина и Мицкевича. Активный участник чешского движения Сопротивления. В 1936 г. посетил республиканскую Испанию с делегацией писателей.

Гарсиа Лорка Федерико (1898—1936) — испанский поэт и драматург, в творчестве которого блестяще воплотилась андалусская традиция, обогащенная новейшими эстетическими открытиями. Поэт был схвачен фашистами в Гранаде, куда он приехал навестить родителей накануне мятежа, и расстрелян 19 августа 1936 г.

Гарфиас Педро (1901—1967) — испанский поэт и журналист. В годы Национально-революционной войны был комиссаром батальона, военным корреспондентом газеты «Френте Рохо» («Красный фронт»). После поражения Республики эмигрировал в Мексику. Фронтовые стихи вошли в сборники: «Поэзия войны» (1937) и «Герои Юга» (1938).

Геров Александр (р. 1914) — болгарский писатель, переводчик испаноязычной поэзии. Участвовал в болгарском движении Сопротивления и был арестован. Из тюрьмы поэта освободила Сентябрьская революция (1944).

Гидаш Антал (р. 1899) — венгерский писатель, переводчик русской, украинской поэзии, общественный деятель. В 1926—1932 гг. был секретарем Международного объединения

революционных писателей. В 1925—1959 гг. жил в Советском Союзе как политический эмигрант.

Гилевич Нил Семенович (р. 1931) — белорусский советский поэт, переводчик поэзии и общественный деятель. Участник Великой Отечественной войны.

Гильвик Эжен (р. 1907) — французский поэт, переводчик Шевченко и многих русских поэтов. Участник движения Сопротивления. В 1939 г. в журнале «Коммюнь» опубликовал стихи, посвященные памяти погибших испанских республиканцев.

Гильен Николас (р. 1902) — народный поэт Кубы, публицист, общественный деятель. Член Всемирного Совета Мира, лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» (1954). В 1937 г. посетил республиканскую Испанию в составе делегации участников 2-го Международного конгресса писателей в защиту культуры и провел там целый год. Выступал на фронте с чтением своих стихов. Опубликовал в Валенсии лирическую поэму «Испания» (1937).

Головановский Савва Евсеевич (р. 1910) — украинский советский поэт и драматург. Переводчик Пушкина и Маяковского. Участник Великой Отечественной войны.

Гонсалес Туньон Рауль (1905—1974) — аргентинский поэт. Участник обороны Мадрида. Выпустил три сборника об Испании: «Роза в броне» (1936), «Огненные врата» (1938), «Смерть в Мадриде» (1939).

Долматовский Евгений Аронович (р. 1915) — русский советский поэт и переводчик поэзии. Участник Великой Отечественной войны. Автор стихотворного романа-трилогии «Добровольцы», посвященного советской молодежи 30-х гг.

Друнина Юлия Владимировна (р. 1924) — русская советская поэтесса. В 1941 г. ушла добровольцем на фронт, была батальонным санинструктором. Вступила в поэзию со своей лирической темой — женщина на фронте.

Евтушенко Евгений Александрович (р. 1933) — русский советский поэт. Существенную роль в его творчестве играют гражданские мотивы.

Заболоцкий Николай Алексеевич (1903—1958) — русский советский поэт философского склада и переводчик поэзии.

Зогович Радован (р. 1907) — черногорский поэт, прозаик, публицист, переводчик Маяковского и других советских поэтов. С первого дня антифашистского восстания в Черногории (13 июля 1941 г.) воевал в партизанских отрядах. Его поэзия пронизана пафосом борьбы за освобождение трудящихся.

Ийеш Дюла (р. 1902) — венгерский поэт и прозаик. В 1919 г. вступил добровольцем в венгерскую Красную Армию.

В годы диктатуры Хорти был связан с революционным подпольем.

Иерро Хосе (р. 1922) — испанский поэт. Воевал в армии Республики. После поражения долгие годы провел в тюрьме.

Исаковский Михаил Васильевич (1900—1973) — русский советский поэт и переводчик поэзии. Герой Социалистического Труда (1970). Знаток и продолжатель народных песенных традиций.

Кельин Федор Викторович (1893—1965) — русский советский литературовед-испанист и переводчик испаноязычной поэзии. Участвовал в работе 2-го Международного конгресса писателей в защиту культуры.

Кемпе (Найковская) Мирдза Яновна (1907—1974) — народный поэт Латвии. В буржуазной Латвии была связана с революционным подпольем. Основные мотивы ее творчества — советский патриотизм, освободительная борьба народов других стран. Одно из лучших стихотворений — «Баллада о герильеро».

Кирсанов Семен Исаакович (1906—1972) — русский советский поэт, продолжатель традиций Маяковского. Участник Великой Отечественной войны.

Колас Якуб (Мицкевич Константин Михайлович; 1882—1956) — народный поэт Белоруссии (1926), общественный деятель. Вице-президент АН БССР (с 1926 г.).

Комьят Аладар (1891—1937) — венгерский поэт и публицист. Член Коммунистической партии Венгрии со дня ее основания (1918). В 1920 г. эмигрировал и работал в коммунистической печати в разных европейских странах. Умер в Париже.

Корнелюс Анри (1913—1983) — бельгийский писатель. Участник бельгийского движения Сопротивления. Автор стихотворного сборника об Испании «Поэты соленой земли» (1939).

Корнфорд Джон (1915—1936) — английский поэт и публицист. Воевал в Интернациональной бригаде, героически погиб под Кордовой. Корнфорд написал свои наиболее яркие страницы в испанский период (дневник, письма, поэма «Полная луна над Тьерсой», «Перед штурмом Уэски»).

Кулиев Кайсын Шуаевич (1917—1985) — народный поэт Кабардино-Балкарии, общественный деятель. Участник Великой Отечественной войны. Автор лирической поэмы «Я за вас сражался, павшие», посвященной Ф. Гарсиа Лорке.

Лебедев Алексей Алексеевич (1912—1941) — русский советский поэт. Военный моряк Краснознаменного Балтийского Флота, штурман подводной лодки. Погиб в ноябре 1941 года при выполнении боевого задания.

Левчев Любомир (р. 1935) — болгарский поэт и общественный деятель.

Леонгард Рудольф (1889—1954) — немецкий писатель и публицист (ГДР). Участник Ноябрьской революции (1918). С 1933 г. — политический эмигрант. Сражался в рядах Интернациональной бригады. После поражения Испанской республики несколько лет провел во французских концлагерях.

Лифшиц Владимир Сергеевич (1913—1980) — русский советский поэт. Участник обороны Ленинграда. Воевал строевым политруком.

Лихарев Борис Михайлович (1906—1962) — русский советский поэт. Участник Великой Отечественной войны.

Лопес Пачеко Хесус (р. 1930) — испанский поэт и прозаик. Автор романа «Гидроцентральный» (1958), в котором воспевают поэзию труда, силу и достоинство рабочего человека. В стихах ставит большие социальные проблемы, зовет к борьбе с франкизмом.

Мадарас Эмиль (1884—1962) — венгерский поэт, журналист, общественный деятель. Военный комиссар в войсках Венгерской Советской Республики (1919). Затем политэмигрант. В 1923—1946 гг. жил в Советском Союзе. Вернувшись на родину, принял активное участие в строительстве социализма.

Мансо Аргуэльс Агустин (р. 1927) — испанский поэт и переводчик русской (Лермонтов, Есенин и др.) и украинской (Шевченко) поэзии. Десятилетним мальчиком вместе с матерью ушел из захваченного фашистами Овьедо и, пройдя через французский концлагерь, добрался до Советского Союза. В Великую Отечественную войну подростком работал на авиационном заводе. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького.

Матеу Мартинес Хулио (1908—1985) — испанский поэт и переводчик советской поэзии («Гренада» М. Светлова, «Жди меня» К. Симонова, стихи А. Твардовского, М. Исаковского и др.). В 1936—1939 гг. по поручению Коммунистической партии Испании вел работу среди крестьянства: организовал Крестьянскую федерацию и был избран ее секретарем. В 1937 г. — член ЦК КПИ. После падения Республики эмигрировал в Советский Союз. В годы Великой Отечественной войны работал токарем на автомобильном заводе. В московских издательствах вышло пять сборников его стихов на русском языке и два — на испанском.

Маркос Ана (р. 1921) — литературный псевдоним испанского поэта-коммуниста Фернандо Макаро Кастильо, под которым были опубликованы его стихи, написанные во франкистской тюрьме. Шестнадцатилетним юношей он вступил в На-

родную армию. После поражения Республики дважды был приговорен к смертной казни, замененной двадцатилетним тюремным заключением. После выхода из тюрьмы в 1961 г. принял активное участие в подпольном движении Сопротивления.

Мачадо-и-Руис Антонио (1875—1939) — народный поэт Испании, автор философской прозы, публицист. С первых дней войны встал на защиту Республики: активно выступал в печати и на митингах, представлял Испанию на 2-м Международном конгрессе писателей в защиту культуры (1937). Его творчество, проникнутое гражданственностью, демократизмом и любовью к родине, стало надежным нравственным ориентиром для послевоенных поколений испанских поэтов.

Межелайтис Эдуардас Беняминович (р. 1919) — народный поэт Литовской ССР, переводчик поэзии, общественный и государственный деятель. Участник Великой Отечественной войны. Заместитель Председателя Верховного Совета Литовской ССР (с 1975 г.). Герой Социалистического Труда (1974).

Миндерович Чедомир (1912—1966) — сербский поэт, прозаик, драматург. В королевской Югославии неоднократно арестовывался и сидел в тюрьме за революционную деятельность, все его книги были конфискованы. В годы второй мировой войны — на политической работе в Народно-освободительной армии Югославии.

Михалков Сергей Владимирович (р. 1913) — русский советский писатель, драматург, общественный деятель. Участник Великой Отечественной войны. Вице-президент Общества дружбы «СССР — Испания». Герой Социалистического Труда (1973). Действительный член Академии педагогических наук СССР.

Михайлик Юрий Николаевич (р. 1923) — русский советский поэт.

Морено Вилья Хосе (1887—1955) — испанский поэт, художник, эссеист, журналист. В годы войны в Испании участвовал во фронтовой печати. В 1939 г. эмигрировал в Мексику.

Муратов Александр (р. 1914) — болгарский поэт и переводчик испаноязычной поэзии. Автор цикла стихов «Андалусская гитара» (1948—1953).

Муратов Игорь Леонтьевич (1912—1973) — украинский советский поэт. Участник Великой Отечественной войны.

Недогонов Алексей Иванович (1914—1948) — русский советский поэт и военный журналист. С 1939 г. в Красной Армии, участник финской кампании и Великой Отечественной войны.

Нейман Станислав Костка (1875—1947) — крупнейший чешский революционный поэт, общественный деятель. Народ-

ный художник Чехословакии (1945). В 1936 г. обратился с призывом к чешской интеллигенции встать на защиту Испанской республики. Автор цикла стихов «Испания» (1937).

Неруда Пабло (Нафтали Рикардо Рейес Басуальто; 1904—1973) — чилийский поэт, общественный деятель. Член Всемирного Совета Мира (1950). Лауреат Международной премии Мира (1950), лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» (1953) и Нобелевской премии (1971). В 1936—1938 гг. был чилийским консулом в Мадриде. Народная война с фашизмом оказала решающее влияние на формирование П. Неруды как поэта-антифашиста. Автор книги стихов «Испания в сердце» (1937), вышедшей в СССР в переводе И. Эренбурга в 1938 г.

Новомеский Лацо (1904—1976) — словацкий поэт и общественный деятель. Народный художник Чехословакии (1964). В 1936 г. в составе делегации Чехословацкого антифашистского комитета посетил республиканскую Испанию и написал цикл стихов, посвященных этой поездке. В годы второй мировой войны — член подпольного ЦК Коммунистической партии Словакии, принимал активное участие в подготовке Словацкого национального восстания (1944).

Олейник Борис Ильич (р. 1935) — украинский советский поэт.

Оксенов Иннокентий Александрович (1897—1942) — русский советский литературовед и критик, поэт, переводчик. Умер от голода в Ленинградскую блокаду.

Пастернак Леон (1910—1969) — польский поэт и сатирик. Около пяти лет провел в тюрьмах панской Польши. В Великую Отечественную войну — офицер Польской дивизии им. Костюшко. Автор популярных солдатских песен.

Первомайский Леонид Соломонович (1908—1973) — украинский советский писатель и переводчик поэзии. Участник Великой Отечественной войны.

Прадос Эмилио (1899—1962) — испанский поэт. Участник обороны Мадрида.

Прицкер Давид Петрович (р. 1917) — русский советский историк. Советский доброволец в Испании (1938—1939). Участник Великой Отечественной войны. Автор монографии «Подвиг Испанской республики» (вт. изд. М., 1962).

Радноти Миклош (1909—1944) — венгерский поэт. С 1940 по 1944 гг. — узник фашистских трудовых лагерей. Расстрелян фашистами накануне освобождения Советской Армией.

Рождественский Роберт Иванович (р. 1932) — русский советский поэт. Продолжатель гражданских традиций Маяковского.

Савич Овадий Герцович (1896—1967) — советский писатель, публицист, переводчик испаноязычной поэзии. В 1937—1939 гг. был в республиканской Испании корреспондентом ТАСС, «Известий», «Комсомольской правды». Автор книг: очерков «Люди интернациональных бригад» (1938), рассказов «Счастье Картахены» (1939), воспоминаний «Два года в Испании» (1961).

Светлов Михаил Аркадьевич (1903—1964) — русский советский поэт и драматург. Участник гражданской и Великой Отечественной войн.

Серебровская Елена Павловна (р. 1915) — русская советская писательница. Автор документальной повести «Верим, верим» (1968), посвященной борьбе немецких антифашистов.

Сернуда Луис (1902—1963) — испанский поэт и эссеист. В начале испанской войны — боец альпийского батальона. После победы франкистов эмигрировал из Испании. Жил в Англии, США, Мексике.

Симонов Константин Михайлович (1915—1979) — русский советский писатель, поэт, переводчик поэзии, публицист, общественный деятель. Герой Социалистического Труда (1974). Участник боев у озера Хасан (1939) и Великой Отечественной войны. В содружестве с Романом Карменом создал документальный фильм об Испании «Гренада, Гренада, Гренада моя...» (1968).

Смеляков Ярослав Владимирович (1913—1972) — русский советский поэт и переводчик поэзии. Участник Великой Отечественной войны.

Степанов Георгий Владимирович (р. 1918) — русский советский лингвист, литературовед, переводчик испанской прозы. Действительный член АН СССР, иностранный член-корреспондент Королевской испанской академии, вице-президент общества «СССР — Испания». Советский доброволец в Испании (1938—1939), участник Великой Отечественной войны.

Столбов Валерий Сергеевич (р. 1913) — русский советский литературовед и поэт-переводчик. Советский доброволец в Испании (1938—1939), участник Великой Отечественной войны.

Стоянов Людмил (Георги Стоянов Златаров; 1886—1973) — болгарский писатель и общественный деятель. С 30-х гг. — активный участник антифашистского движения. Действительный член Академии наук НРБ. Народный деятель культуры и Герой Социалистического Труда НРБ (1963). Участник двух Международных конгрессов писателей в защиту культуры (Париж, 1935; Мадрид, 1937). Член Всемирного Совета Мира (1950).

Табидзе Галактион Васильевич (1892—1959) — народный поэт Грузии (1933), общественный деятель. Участник I-го Международного конгресса писателей в защиту культуры (1935).

Табидзе Тициан Юстинович (1895—1937) — грузинский советский поэт-лирик. Певец патриотизма и интернационализма, Табидзе оказал значительное влияние на развитие грузинской советской поэзии.

Тавлай Валентин Павлович (1914—1947) — белорусский советский поэт. Активный участник революционно-освободительного движения в Западной Белоруссии, около семи лет провел в тюрьмах панской Польши. В годы Великой Отечественной войны — подпольщик, связной партизанского отряда.

Танк Максим (Скурко Евгений Иванович; р. 1912) — народный поэт БССР (1968), общественный деятель. Герой Социалистического Труда (1974). Участник Великой Отечественной войны.

Тапиа Луис де (1871—1937) — испанский поэт. Автор антифашистских песен, которые были популярны в республиканской Испании.

Тихонов Николай Семенович (1896—1979) — русский советский писатель и общественный деятель, один из основоположников советской поэзии. Член Всемирного Совета Мира (1949). Председатель Советского Комитета Защиты Мира. Лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» (1957). Герой Социалистического Труда (1966). Участник гражданской и Великой Отечественной войн.

Троицкий Михаил Васильевич (1904—1941) — русский советский поэт. Участник Великой Отечественной войны, командир минометного взвода на Ленинградском фронте. Пал в бою под Невской Дубровкой 22 декабря 1941 г.

Фелипе Каминьо-и-Галисия Леон (1884—1968) — испанский поэт. После поражения Республики эмигрировал в Мексику. Трагедия испанского народа нашла отражение в двух его книгах: «Топор. Испанская элегия» (1939) и «Испанец исхода и плача» (1939).

Фигера Аймерич Анхела (1902—1984) — испанская поэтесса и детская писательница. Начала свой творческий путь в осажденном Мадриде, после поражения скрылась в провинции, ушла во «внутреннюю эмиграцию» и вернулась к поэзии только в конце сороковых годов. Ее творчество, в котором сохранились гражданские и демократические традиции, явилось связующим звеном между последним довоенным и первым послевоенным поколениями испанских поэтов.

Ханчев Веселин Симеонов (1919–1966) — болгарский поэт и драматург. Заслуженный деятель культуры НРБ (1963). Участник войны против гитлеровской Германии. Первый сборник стихов — «Испания на кресте» — издал в 1937 г.

Хелемский Яков Айзикович (р. 1913) — русский советский поэт и переводчик белорусской поэзии. Участник Великой Отечественной войны. Автор книги очерков об Испании «За холмами Гренада» (1977).

Хемингуэй Эрнест Миллер (1899–1961) — американский писатель. Лауреат Нобелевской премии (1954). Военный корреспондент американских газет на фронтах республиканской Испании (1937–1939 гг., с некоторыми перерывами). Война в Испании оставила глубокий след в творчестве писателя. Он посвятил ей книгу очерков «Испанские репортажи», цикл рассказов, пьесу «Пятая колонна», роман «По ком звонит колокол» и фильм «Испанская земля», созданный совместно с голландским режиссером И. Ивенсом, весь сбор от проката которого передал в фонд Республики.

Хикмет Назым (1902–1963) — турецкий писатель и общественный деятель. За революционную деятельность провел в тюрьмах в общей сложности семнадцать лет. Последний раз (1938) был приговорен к двадцати восьми годам тюремного заключения, причем в обвинительном акте фигурировало и стихотворение «У ворот Мадрида». В 1950 г. освобожден под давлением мировой общественности, а с 1951 г. жил в СССР. Член Бюро и Президиума Всемирного Совета Мира, лауреат Международной премии Мира (1950).

Цветаева Марина Ивановна (1892–1941) — русская советская поэтесса, драматург, эссеист. Переводила стихи Ф. Гарсиа Лорки. С 1922 по 1939 гг. жила за границей (Чехословакия, Франция). На гитлеровскую оккупацию Чехословакии откликнулась «Стихами к Чехии» (1938–1939), проникнутыми ненавистью к фашизму.

Чельgren Юсеф (1907–1948) — шведский писатель и журналист. В своих произведениях боролся с фашизмом, в стихах и очерках звучит тема интернациональной солидарности рабочих.

Шаве Ашиль (1906–1969) — бельгийский поэт. Воевал в Интернациональной бригаде, участвовал в бельгийском движении Сопротивления.

Шенвальд Люциан (1909–1944) — польский поэт и переводчик поэзии. Участвовал в Великой Отечественной войне, сначала в рядах Красной Армии, а с 1943 г. в составе Первой Дивизии Войска Польского. Погиб в боях на Висле.

Шернер Леонид Рафаилович (1916—1942) — русский советский поэт. В Великую Отечественную войну — стрелок-радист бомбардировочной авиации дальнего действия. Погиб 30 августа 1942 года при выполнении боевого задания.

Шогенцуков Али Асхадович (1900—1941) — кабардинский советский поэт, зачинатель кабардинской литературы. Автор первого кабардинского романа «Камбот и Ляца». Участник Великой Отечественной войны. Погиб в фашистском концлагере в ноябре 1941 г.

Эйснер Алексей Владимирович (1905—1984) — русский советский литератор и поэт-переводчик. В 1936—1938 гг. сражался в Испании сначала бойцом 12-й Интернациональной бригады, затем адъютантом генерала Лукача. Автор мемуаров об испанской войне.

Элюар Поль (Грендель Эжен Эмиль Поль; 1895—1952) — французский поэт. Активный сотрудник подпольной печати французского Сопротивления. В 1936 г. выступил против франкистского мятежа в Испании. Посмертно удостоен Международной премии Мира (1953).

Эренбург Илья Григорьевич (1891—1967) — русский советский писатель, публицист, общественный деятель. Советский делегат на двух Международных конгрессах писателей в защиту культуры (1935 и 1937 гг.). В 1936—1939 гг. — военный корреспондент ТАСС и газеты «Известия» на фронтах Испании. Вице-президент Всемирного Совета Мира, Лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» (1952). Испании посвящены книги: очерков — «Испания» (1933) и «Испанский закал» (1937), рассказов — «Вне перемирия» (1937), воспоминаний — «Люди, годы, жизнь» (книги 3-я и 4-я). Цикл стихов об Испании вошел в сборник «Верность» (1941).

Эрнандес Мигель (1910—1942) — испанский поэт. В войну был бойцом Пятого полка, затем комиссаром батальона и бригады. Фронтовые стихи объединены в сборник «Ветер народа» (1937). В 1937 г. принял участие в работе 2-го Международного конгресса писателей в защиту культуры. После поражения Республики приговорен военным трибуналом к смертной казни, замененной тюремным заключением. В тюрьме он завершает самое значительное свое произведение «Кансьонеро и романсеро разлук», которое было опубликовано уже после смерти автора.

Эррера Петере Хосе (р. 1909) — испанский поэт. Вступил добровольцем в Пятый полк, участвовал в обороне Мадрида, редактировал полковую газету «Милисиа Популар» («Народное ополчение»). В 1939 г. эмигрировал в Мексику.

КОММЕНТАРИИ

Стр. 18. Г р е н а д а. — Это стихотворение М. Светлова переведено на многие языки. Первый перевод на испанский язык принадлежит Р. Альберти, который назвал «Гренаду» «настоящим испанским романсом». В этом стихотворении и далее, в поэзии 30-х годов, мы сохранили традиционную транскрипцию «Гренада» (вместо «Гранада»), принятую в русской поэзии еще в XIX веке.

Стр. 28. ...*медь Рио-Тинто... Линареса свинец...* — Рио-Тинто — медные копи, расположенные на берегу одноименной реки; Линарес — свинцовые рудники в провинции Хаен.

Стр. 29. ...*де ля Рокк...* — французский полковник, возглавлявший фашистскую военизированную организацию «Боевые кресты».

Стр. 33. ...*ворошиловцы...* — обладатели значка «Ворошиловский стрелок», которого удостоивались отличные стрелки.

Стр. 37. *Конрад Карел* (р. 1899) — чешский писатель.

Стр. 38. И р у н. — Испанский (баскский) город на французской границе, захваченный мятежниками 3 сентября 1936 г. после ожесточенных боев. При обороне Ируна впервые проявились типические черты народной войны с фашизмом: с одной стороны — варварские бомбардировки беззащитного города фашистской авиацией и подлое попустительство буржуазных правителей (французское правительство Леона Блюма отказалось пропустить через границу оружие, присланное защитникам Ируна из Каталонии); с другой — героическая стойкость бойцов народного ополчения, чуть ли не голыми руками защищавших родную землю, и массовый исход населения, не пожелавшего оставаться под властью мятежников.

Стр. 43. *Сестра Долорес.* — Долорес Ибаррури, названная Пасионарией («Пламенная»; р. 1895) — выдающийся деятель коммунистического движения. Дочь астурийского горняка, один из основателей Коммунистической партии Испании, пламенный оратор, она стала символом сопротивления фашизму. С 1932 г. — член ЦК Испанской Компартии, в 1943—1960 гг. — генеральный секретарь КПИ, с 1960 г. — председатель КПИ.

...*не слышно Инезилии моей...* — намек на стихотворение А. С. Пушкина «Я здесь, Инезилья».

Стр. 49. Поэт и смерть. — «В словах Лорки, обращенных к смерти, нет ни сожаления, ни страха. Это скорее слова любви и благодарности всему тому, что он любил

при жизни... Лорка изображен у Мачадо побеждающим смерть... потому, что в нем самом заложено бессмертие» (Юрьева Л. М. Национально-революционная война в Испании и мировая литература. М., 1973, с. 147).

Стр. 50. *Альгамбра* — старинный дворец мавританских королей.

Стр. 51. Элегия поэту, принявшему чужую смерть. — Первое время после убийства Гарсиа Лорки распространялся слух, что франкисты расстреляли не его, а Р. Альберти.

Стр. 56. *В руке у него был ирис...* — Ирис — любимый цветок Гарсиа Лорки, часто встречающийся в его стихах. В народной символике цветов означает печаль.

Стр. 59. *...Невадской Сьерры...* — Сьерра Невада — горная цепь в Андалусии.

Стр. 60 *...над скалами Невады.* — Имеется в виду Сьерра Невада.

Сегедилья — испанская народная лирическая песня.

Стр. 61. *Шел он гордо, срывая в пути апельсины...* — Здесь Асеев использует образ цыгана из переведенного им романа Гарсиа Лорки «Арест Антоньито Эль Камборьо».

Стр. 66. *...Когда я умру...* — Первые строки стихотворения «Прощанье» Ф. Гарсиа Лорки.

Стр. 73. *...Рауль, Рафаэль, Федерико* — имена друзей Пабло Неруды: аргентинского поэта Рауля Гонсалеса Туньона, испанских поэтов Рафаэля Альберти, Федерико Гарсиа Лорки.

Стр. 76. *Навальпераль, Сигуэнса* — города, расположенные на дальних подступах к Мадриду, за которые летом 1936 г. шли бои.

Стр. 78. *Карабанчель, Каса дель Кампо* (парк) — западные предместья Мадрида, в которых шли ожесточенные бои в ноябре 1936 г.

Пардо — бывший королевский дворец на восточном берегу р. Мансанарес, окруженный парком.

Кампо дель Моро — площадь на восточном берегу р. Мансанарес напротив парка Каса дель Кампо.

Сьерра (и с п.) — горная цепь; здесь: Сьерра Гвадаррама, горы севернее и северо-западнее Мадрида.

Вастильяс, Шамбери и Монклоа, Кастильяна и Буэнависта... — названия улиц, площадей, дворцов в западной части Мадрида, граничившей с передним краем обороны.

Стр. 79. *Сетина*, Гутьеррес де (1520—1557) — испанский поэт-лирик.

Чуэка Федерико (1846—1908) — испанский композитор, автор популярных сарсуэл (музыкальных водевилей).

Соррилья Хосе (1817—1893) — испанский поэт-романтик.
...наших Индий... — «Индиями» назывались испанские владения в Америке.

Стр. 83. *Пятый полк* — воинское соединение, сформированное для обороны Мадрида из добровольцев в августе 1936 г. в дополнение к четырем полкам регулярной армии, в начале мятежа дислоцированным в Мадриде. Музыка к «Маршу Пятого полка» написана немецким политэмигрантом, композитором Гансом Эйслером.

Стр. 87. *Четыре генерала*. — Имеются в виду руководители мятежа: генералы Франко, Мола, Кейпо де Льяно, Кабанельяс, возглавлявшие четыре колонны мятежников, с разных сторон наступавшие на Мадрид.

Французский мост (Пуэнте де лос Франсесес) — мост через р. Мансанарес, соединяющий Мадрид с его западным предместьем, Университетским городком, куда 15 ноября 1936 г. прорвались марокканцы. Продвинуться дальше им не удалось.

Стр. 89. *Пятая колонна* — тайные сторонники мятежников, а также шпионы, диверсанты и провокаторы, засланные в Мадрид. Генерал Мола заявил, что против Мадрида действуют пять колонн: четыре с фронта, а пятая колонна — в самом городе.

Стр. 98. *Интернациональным бригадам*. — *Вы пришли издалека...* — 8 ноября 1936 года на Мадридский фронт прибыла 11-я Интернациональная бригада, 10 ноября — 12-я под командованием генерала Лукача (см. коммент. к стр. 202).

Стр. 99. *Песня о летчике*. — Стихотворение включено в книгу в том виде, в каком оно было написано и опубликовано в 1936 г.

Стр. 101. *...азродром «курносых»...* — «курносыми» («чатос») испанцы называли советские истребители.

Стр. 104. *Грабовский* — министр внутренних дел панской Польши.

Стр. 130. *Домлупынар* — город в Турции, где во время войны за независимость (1919—1922) разыгралось одно из кровавых сражений.

Комитет невмешательства. — Комитет по невмешательству был создан в первых числах сентября 1936 г. с целью наблюдения за выполнением соглашения о невмешательстве в испанские дела, подписанного 26 европейскими государствами и вступившего в силу 24 августа 1936 г. Реальной власти Комитет не имел. Фашистские государства (Германия, Италия, Португалия) под прикрытием Комитета, в котором главную роль играли представители Англии и Франции, снабжали франкистов оружием и авиацией, посылали им свои войска. В ответ на это Советское правительство заявило, что

«не может считать себя связанным соглашением о невмешательстве в большей мере, чем любой из остальных участников этого соглашения» («Известия», 24 октября 1936 г.).

Стр. 140. *Фалангисты* — члены фашистской партии Испанская фаланга, которую возглавлял Франко. Из фалангистов формировались отборные части мятежников.

...*колонна Монкада*... — «Колоннами» назывались первые ополченческие формирования республиканских войск. В июле 1936 г. такое формирование под командованием оставшегося верным Республике полковника Хулио Монкада задержало продвижение противника под городом Навальпераль.

Стр. 141. ...*на Пласа Майор королю Филиппу*... — Имеется в виду памятник королю Филиппу II (1527—1598) на Главной площади Мадрида.

Стр. 145. *Ода Народной армии*. — В связи с тем, что многие военные части и соединения, находившиеся под командованием реакционно настроенных генералов и офицеров, приняли участие в мятеже, Испанское правительство объявило о роспуске регулярной армии. Первые сражения с фашистами летом 1936 г. вели повсеместно создаваемые на добровольческой основе отряды («колонны») народного ополчения (милиции). Формирование регулярной Народной армии началось осенью 1936 г. на Мадридском фронте и было закончено весной 1937 г. «К началу летней кампании 1937 г. республиканская армия состояла из 11 корпусов, 62 дивизий, 204 бригад» — пишет историк М. Г. Мещеряков («Вопросы истории», 1979, № 11, с. 49).

Стр. 149. *Партизанская серранилья*. — Серранилья — народная песня горных районов Испании. «Партизанская серранилья» пелась на мотив советской песни «По долинам и по взгорьям». Текст ее сочинялся бойцами и не был постоянным.

Стр. 155. *Интернациональная бригада*. — Добровольцы, желающие принять участие в войне с фашизмом, начали прибывать в Испанию через несколько дней после начала мятежа. Сначала объединялись по национальностям в центурии (сотни): «Тельман», «Россели» (итальянцы), «Славянская группа», «Парижская коммуна» и др. К формированию интернациональных бригад приступили в середине октября 1936 г.

Стр. 157. *Батальон Тельмана*. — Батальон Тельмана, сформированный из немцев, поляков, болгар, югославов, впервые вступил в бой на Мадридском фронте в середине ноября 1936 г. Командовал батальоном участник первой мировой войны немецкий писатель-антифашист Людвиг Ренн.

Стр. 158. *Бадахос* — город, расположенный около португальской границы. Его обороняли беззаветно храбрые, но

плохо вооруженные, не имевшие ни артиллерии, ни авиации дружинники народного ополчения. Франкисты овладели городом 13 августа 1936 г. после упорных рукопашных боев, продолжавшихся около двух суток. Кровавая массовая расправа, которую учинили победители над оставшимися в живых ополченцами и жителями города, потрясла весь мир.

Стр. 159. ...*Мансанарес, Тахо, Харамы* — три реки, на берегах которых республиканцы отражали наступления противника на Мадрид.

Стр. 163. К М а р г о Х а й н е м а н н. — Стихотворение адресовано невесте поэта, английской поэтессе и активной участнице демократического движения Марго Клер Хайнеманн (р. 1913).

Уэска — город в Арагоне (Северная Испания), опорный пункт франкистов.

Стр. 170. *Аида Лафуэнте* — девушка-астурийка, которая огнем из пулемета четыре часа сдерживала наступление марокканцев. Ее называли «испанской Анкой-пулеметчицей».

Стр. 172. «Б а н д е р а р о х а» — испанский перевод названия песни итальянских трудящихся «Бандьера росса» («Красное знамя»).

Алькасар. — Старинная крепость в Толедо. В ней в июле 1936 г. укрылись мятежники, захватив с собой заложниками женщин и детей. Крепость была осаждена республиканцами, но взять ее не удалось.

Талавера. — Талавера де ла Рейна, город, расположенный в самом узком месте горной долины реки Тахо, — последний естественный рубеж на пути к Мадриду. После ожесточенных боев был взят мятежниками 7 сентября 1936 г.

Стр. 173. ...*демченковский сахар*... — Мария Демченко (р. 1912) — одна из первых стахановок сельского хозяйства в 30-е годы. Вдохновитель массового движения за высокие урожаи сахарной свеклы. Награждена орденом Ленина.

Стр. 174. «*Нева*» — советский транспорт, который пришел в испанский порт Аликанте с грузом продовольствия и медикаментов 27 сентября 1936 г.

Стр. 178. ...*Показывали нам кино*... — «Показывал кино» сам И. Эренбург. В октябре 1936 г. он с кинопередвижкой и советскими фильмами «Чапаев» и «Мы из Кронштадта» разъезжал по городам, селам и воинским частям провинции Арагон. «Мы устраивали киносеансы и на площади — белая стена служила экраном, и в чудом уцелевшей церкви, и в столовых» (Эренбург И. Люди, годы, жизнь. Кн. 3 и 4, 1963, с. 695).

Стр. 185. *Лина Одена* (1912—1936) — героиня испанского народа, один из руководителей комсомола Испании. Погибла на фронте, попав во вражескую засаду.

Стр. 192. *Пабло де ла Торрьенте Брау* — кубинский писатель и журналист, добровольцем приехавший в Испанию. Был комиссаром бригады. Погиб под Мадридом в 1936 г.

Стр. 194. *Ганс Беймлер* (1895—1936) — член ЦК Германской Компартии, депутат германского рейхстага. Был брошен фашистами в концентрационный лагерь Дахау, подвергался зверским пыткам. Бежав из лагеря, отправился в Испанию. Участвовал в организации первых отрядов немецких антифашистов. Убит на Мадридском фронте в декабре 1936 г.

Счастливый Ганс — герой немецких народных сказок.

Стр. 199. *Под оливами могилу вырыв...* — В своих мемуарах Эренбург замечает: «Я писал о похоронах советского летчика в испанской деревне» (Эренбург И. Ук. соч., с. 695).

Стр. 201. *Стах Томашевич*. — Под именем Стаха Томашевича в рядах интернационалистов сражался западнобелорусский революционер Николай Дворников, активный участник революционного подполья в панской Польше. Он командовал ротой в батальоне им. Домбровского и погиб в бою на Эстремадурском фронте. Стихотворение Яна Выка вошло в поэму Максима Танка «Николай Дворников» и было опубликовано в его книге «Пройти сквозь верность» (М., 1961, с. 284).

Стр. 202. *Генерал Лукач*. — Под именем генерала Лукача в Испании воевал венгерский писатель, политэмигрант Матэ Залка (Бела Франкль; 1896—1937), участник гражданской войны в России. Командуя 12-й Интернациональной бригадой, он показал себя выдающимся полководцем. Погиб под Уэской 11 июня 1937 года.

Стр. 209. *Дуранго*. — В ходе наступления на север Испании для того, чтобы сломить сопротивление басков и астурийцев, немецко-фашистский «Легион Кондор» в апреле 1937 г. предпринял ряд сокрушительных бомбардировок с воздуха мирных городов и селений. Одной из первых целей был выбран небольшой городок Дуранго. «Бомбардировка Дуранго, — пишет испанский историк Туньон де Лара, — была самым варварским ударом с воздуха, какого до тех пор не знала мировая военная история. Женский монастырь был стерт с лица земли вместе с монахинями» (М. Туньон де Лара. Испания в XX веке. Париж, 1973, с. 537).

Стр. 210. *Герника*. — Варварское уничтожение древней столицы басков, священного для них города Герники, ужаснуло весь мир. Для этой операции был выбран день 26 апреля, когда в Гернику на весеннюю ярмарку из окрестных сел съезжались тысячи крестьян. Хладнокровно отрабатывая тактику налетов на мирные города, фашистские убийцы из «Легиона Кондор» сочетали сбрасывание бомб с пулеметным обстрелом народ-

ных толп, в панике мечущихся по улицам. Очевидец этого преступления против человечности священник Альберто Онаиндиа пишет: «Самолеты спустились очень низко, и вскоре улицы, леса и дороги покрылись нагроможденными друг на друга трупами мужчин, женщин, детей. Пламя охватило город. Воздух содрогался от криков и стонов...» (цит. по кн. советского историка Прицкера Д. П. «Подвиг Испанской республики». М., 1962, с. 251). Бомбардировка продолжалась более трех часов, число жертв превысило две тысячи.

Стр. 212. Альмерия. — 29 мая 1937 г. два республиканских самолета, которые вели разведку Балеарских островов, были встречены зенитным огнем с не опознанного ими военного корабля, стоявшего в порту острова Ивис. В ответ на это нападение летчики сбросили бомбы и повредили корабль. Как выяснилось впоследствии, это был германский броненосец «Дойчланд». Действия республиканских пилотов были вполне закономерны, тем более, что по международному соглашению германским военным кораблям воспрещалось находиться в районе Балеаров. Тем не менее Гитлер пришел в ярость, и по его личному приказу линкор «Адмирал фон Шпрее» в виде «возмездия» подверг беспощадной бомбардировке мирный город Альмерию, в котором не было никаких военных объектов. Город был разрушен, сотни женщин и детей убиты или искалечены.

Стр. 217. Шествие над павшим Бильбао. — Упорные бои на подступах к Бильбао, столице Астурии, продолжались полтора месяца. Отвлекающие удары республиканцев (среди них наступление под Уэской, где погиб генерал Лукач) не увенчались успехом. Бильбао пал 18 июня 1937 г. Большой части его гарнизона удалось вырваться из окружения.

Стр. 220. Пароход «Санта-И». — Пароходы с эвакуированными из Астурии детьми пришли в Ленинград и Одессу в конце июня 1937 г. Испанских детей встретили и торжественно — с оркестрами и знаменами, — и взволнованно, как родных.

Стр. 235. Гвадалавьяр — название верхнего течения реки Турии, впадающей у Валенсии в Средиземное море.

Стр. 237. Теруэль. — Город-крепость Теруэль, расположенная на высокой горе, была взята республиканскими войсками 21 декабря 1937 г. Целью этой блистательно проведенной операции было сорвать новое наступление франкистов на Мадрид из района Гвадалахары. Эта цель была достигнута.

Стр. 238. Барселона. Март 1938 года. — В марте 1938 г. фашистская авиация усиленно бомбардировала Барселону. «Только за два дня налетов на Барселону — 17 и 18 марта

1938 г. — было убито 843 и ранено 1279 человек, в большинстве женщин и детей» (Прицкер Д. П. Ук. соч., с. 306).

Стр. 240. У Эбро. — 25 июля 1938 г. республиканские войска Каталонского фронта, объединенные в «Армию Эбро» под командованием генерала Модесто, в шести местах форсировали реку Эбро и на широком фронте (150 км) начали наступление. Захваченные врасплох франкистские войска несли большие потери, бежали, сдавались в плен, за несколько дней была освобождена большая территория и отведен удар от Валенсии, которая находилась под угрозой. Однако наступление не имело решающего стратегического значения. Республиканцы испытывали острый недостаток танков, артиллерии и боеприпасов. В то же время оружие и боеприпасы, присылаемые из Советского Союза, бездейательно скапливались у наглухо закрытой испано-французской границы. «Операция на реке Эбро, — пишет Д. П. Прицкер, — убедительно показала, что регулярное снабжение оружием неизбежно привело бы к быстрому разгрому франкистов» (Ук. соч., с. 328).

Стр. 243. «Нумансия» — трагедия М. Сервантеса, посвященная подвигу защитников древней испанской крепости Нумансии, которые десять лет выдерживали осаду римлян и, оказавшись не в силах продолжать сопротивление, подожгли город и погибли в огне (II в. н. э.). Для постановки этой трагедии в Советском Союзе Н. Тихоновым были написаны интермедии, связывающие историю с современностью.

Стр. 244. Энрике Листер (р. 1907) — один из выдающихся полководцев республиканской армии. Бывший каменщик. Был командиром Пятого полка под Мадридом. На Эбро командовал V корпусом.

Стр. 245. ...шла беднота Парижа... — Стихотворение написано летом 1938 г., когда М. Радноти жил в Париже и принимал участие в массовых народных демонстрациях, которые проходили под лозунгами отказа от политики «невмешательства» и оказания Испанской республике помощи оружием и самолетами.

Стр. 249. Ветераны прощаются. — В сентябре 1938 г. республиканское правительство приняло решение отзывать из Испании всех добровольцев-интернационалистов. Этот неожиданный шаг (Туньон де Лара называет его «сенсационным») был сделан в расчете на то, что и Италия и Германия будут также вынуждены отвести свои войска. Но надежды не оправдались. Муссолини заявил было о своем намерении отвести незначительную часть своих легионеров (десять тысяч из сорока). Но фактически дело свелось к замене потрепанных «ветеранов» свежими силами.

...среди теснин Гвадалахары... — 27 марта 1937 г. под городом Гвадалахарой 11-я дивизия генерала Э. Листера совместно с 11-й и 12-й Интернациональными бригадами и советскими танкистами под командованием комбрига Д. Г. Павлова наголову разбили крупные силы противника (итальянский экспедиционный корпус) и сорвали новое наступление на Мадрид.

Стр. 262. ...погребенному на чужбине... — А. Мачадо похоронен во французском пограничном городке Кольюре. Могила поэта стала местом паломничества.

...не струятся во Франции слезы Дуэро, и не только в Испании есть тополя... — Река Дуэро («Испанская Волга») воспета А. Мачадо в одном из наиболее известных его стихотворений «Берега Дуэро». В городе Сории, через который протекает Дуэро, поэт провел лучшие годы своей жизни. Любимым местом его прогулок, во время которых он сочинял стихи, была тополиная аллея, идущая по берегу реки.

Стр. 265. ...пора творцу вернуть билет. — В романе Ф. Достоевского «Братья Карамазовы» Иван Карамазов говорит: «Свой билет на вход спешу вернуть обратно... не бога я не принимаю... я только билет ему возвращаю» (ч. 2, кн. 5, глава «Бунт»).

Стр. 269. Баллада о герильеро. — Стихотворение посвящено памяти народного героя, бесстрашного партизана Кристино Гарсиа, расстрелянного фашистами в 1945 г.

Стр. 274. «Разлуку во всем я вижу...» — Стихотворение обращено к жене поэта Хосефине Манреса.

Стр. 275. И я, Мигель, земля... — Имеется в виду стихотворение М. Эрнандеса «Я земля, хотя зовусь Мигелем...».

Стр. 276. Гарсиласо. — Гарсиласо де ла Вега (1501—1536), известный поэт-лирик испанского Возрождения.

...где теперь он пасет белопенное стадо... — В юности М. Эрнандес был пастухом.

Стр. 281. В Испании. — Отрывок из этого стихотворения Поля Элюара Д. Ибаррури поставила эпиграфом к главе «В Париже» своих мемуаров «Единственный путь» (М., 1962, с. 292).

Стр. 288. Хуан Пекарь. — Под этим псевдонимом Рафаэль Альберти выпустил в Монтевидео сборник антифранкистских стихов «Коплы Хуана Пекаря».

Стр. 290. ...Летающие крепости — так назывались тяжелые американские бомбардировщики, которые базировались в Испании, на авиационных базах, предоставленных ВВС США правительством Франко.

Стр. 294. Пикосельский лес — лесной массив в Пире-

неях, поблизости от франко-испанской границы, где базировались французские и испанские партизаны.

Стр. 296. *Франсиско Гуйон* (1920—1944) — в Испании был начальником штаба корпуса. Эмигрировал в Советский Союз и в Великую Отечественную войну сражался в одном из партизанских отрядов, действовавших в Ленинградской области. За боевые подвиги посмертно награжден орденом Ленина.

Стр. 297. *Хосе Санчо* — испанский художник-республиканец. После войны эмигрировал в Болгарию. Женат на дочери болгарского поэта Л. Стоянова.

Стр. 299. Немец. — Имеется в виду Э. Буш (см. Справки об авторах). Вилли Бредель писал о Буше: «Я вижу и слышу его на Мадридском фронте... перед тысячами боевым строем пришедших сюда немецких и итальянских добровольцев... он пел старые и новые песни свободы, пел о смысле их борьбы и о величии их жертвы. И многие, не знавшие слез ни в концентрационном лагере, ни перед лицом смерти их лучших товарищей, люди, которые, возможно, ни разу в жизни еще не плакали, не стыдились слез в этот волнующий час перед новым боем» (цит. по кн. Юрьевой Л. М. Ук. соч., с. 241).

Стр. 301. *Моя голубка мне сказала...* — «Мотив «голубки» — национальный мотив кубинской народной песни. Вводя образ голубки в стихотворение на испанскую тему, Николас Гильен органически сплавляет кубинский и испанский компоненты в единый художественный образ» (Юрьева Л. М. Ук. соч., с. 202).

Стр. 307. *Святая Тереса* (Тереса де Сепеда и Аумада, монахиня ордена Кармелитов) и *Хуан де лос Риос* — испанские поэты-мистики XVII в.

Пикаро (и с п.) — плут, мошенник. Типическая фигура испанской жизни и литературы в XVII в., когда Испания переживала тяжелый экономический и моральный кризис и толпы бродяг скитались по ее дорогам.

Стр. 309. *Возвращение в Советский Союз.* — Стихотворение относится к посещению Рафаэлем Альберти Советского Союза в 1955 г. Впервые поэт побывал в нашей стране в 1933 г., второй раз — в 1934 г., когда он и его жена, писательница Мария Тереса Леон, были гостями Первого съезда советских писателей.

Кантабрийское море — старинное название части Атлантического океана, омывающей северные берега Испании.

Стр. 310. *Хениль и Дарро* — андалусские горные реки, воспетые Ф. Гарсиа Лоркой в стихотворении «Балладилья о двух реках». Хениль протекает у Гранады, Дарро — приток Хениля.

И вступаю я в Гранаду! — Рафаэль Альберти сдержал свое слово: 23 февраля 1980 г. он посетил Гранаду. Посещение было торжественным. Поэта встречали народные толпы, алькальд города преподнес ему ключ от городских ворот.

Стр. 317. *У огня.* — Стихотворение навеяно встречей К. Симонова на Сталинградском фронте с командиром 13-й гвардейской ордена Ленина стрелковой дивизии, генералом А. И. Родимцевым, бывшим советским добровольцем в Испании (в 1936—1937 гг. — советник 11-й пехотной дивизии Листера).

Стр. 322. *...монумент Хользунова...* — В. С. Хользунов — один из первых советских летчиков, прибывших в Испанию в 1936 г. Командовал эскадрилей в боях за Мадрид. В 1937 г. удостоен звания Героя Советского Союза. Погиб в 1939 г. при авиакатастрофе. «Титанически сложную задачу — защитить Мадрид, — которую гитлеровцы считали неосуществимой, наши бойцы решили благодаря активнейшему содействию советских добровольцев, танкистов и летчиков. Среди них выделялись своим героизмом, самоотверженностью и благородным духом самопожертвования покрывшие себя бессмертной славой ас ночных полетов Серов и его товарищи — Баланов, Десницкий, Минаев, Оприщенко, Поливалов, Рычагов, Тхор, Угроватов, Ярковой, Хользунов и другие» (цит. по кн.: Долорес Ибаррури. Единственный путь. М., 1962, с. 337).

...испанец лежит — лейтенант Ибаррури... — Сын Долорес Ибаррури, командир пулеметной роты лейтенант Рубен Руис Ибаррури, в 1942 г. пал смертью храбрых под станцией Котлубань (Сталинградский фронт). Он был посмертно удостоен звания Героя Советского Союза.

Стр. 323. *Болеро* — испанский народный танец.

Равель Морис (1875—1937) — французский композитор.

Стр. 324. *...там брата ранило...* — Брат поэтессы Мирдзы Кемпе Эмиль сражался в Интернациональной бригаде и был смертельно ранен на фронте Леванта (1938 г.).

Стр. 332. *Порт-Бу* — испанский пограничный городок, через который советские добровольцы прибывали в Испанию.

Стр. 339. *Пласа Пуэрто дель Соль.* — Центральная площадь в Мадриде.

Стр. 340. *«Гайлорд»* и *«Флорида»* — мадридские отели на проспекте Гран Виа. В «Гайлорде» жили наши советники и корреспонденты, в том числе М. Кольцов; во «Флориде» останавливался Хемингуэй.

СОДЕРЖАНИЕ

Г. Степанов. Слово к читателю	5
В. Столбов. Испания в сердце	8
Михаил Светлов. Гренада	18
ВЕТЕР НАРОДА	
*Рафаэль Альберти. Ночью. <i>Перевод с испанского Е. Толстой</i>	22
Мигель Эрнандес. Ветер народа. <i>Перевод с испанского А. Гелескула</i>	23
*Педро Гарфиас. Стрелки. <i>Перевод с испанского Б. Дубина</i>	25
Станислав Костка Нейман. Горняки Астурии. <i>Перевод с чешского И. Френкеля</i>	27
Илья Эренбург. «Тогда восстала горная порода...»	28
Павел Антокольский. Карта Европы	29
Семен Кирсанов. Желание	31
Ираклий Абашидзе. Испанским бойцам. <i>Перевод с грузинского Е. Долматовского</i>	34
*Якуб Колас. «Зачем ты, о слово...». <i>Перевод с белорусского Вс. Рождественского</i>	36
Станислав Костка Нейман. Испанские дни. <i>Перевод с чешского С. Кирсанова</i>	37
*Рудольф Леонгард. Ирун. <i>Перевод с немецкого Л. Цивьяна</i>	38
*Алексей Эйсер. Дон Кихот («Нарисованные в небе облака...»)	40
Франтишек Галас. Сражающийся Дон Кихот. <i>Перевод с чешского И. Гуровой</i>	42
Тициан Табидзе. Сестра Долорес, братья баски. <i>Перевод с грузинского Н. Заболоцкого</i>	43
Мигель Эрнандес. Пасионария. <i>Перевод с испанского В. Резниченко</i>	45

ПРЕСТУПЛЕНИЕ В ГРАНАДЕ

Федерико Гарсиа Лорка. <i>Memento. Перевод с испанского Инны Тыняновой</i>	48
Антонио Мачадо. Преступление было в Гранаде. <i>Перевод с испанского А. Гелескула</i>	49
* Рафаэль Альберти. Элегия поэту, принявшему чужую смерть (Федерико Гарсиа Лорка). <i>Перевод с испанского Б. Дубина</i>	51
* Висенте Алейсандре. Павший. <i>Перевод с испанского В. Андреева</i>	52
Рауль Гонсалес Туньон. На смерть Федерико Гарсиа Лорки. <i>Перевод с испанского В. Столбова</i>	53
Николас Гильен. Испания (Фрагменты из одноименной поэмы). <i>Перевод с испанского П. Грушко</i>	55
Антал Гидаш. Страшная улыбка. <i>Перевод с венгерского И. Миримского</i>	57
Миклош Радноти. Федерико Гарсиа Лорка. <i>Перевод с венгерского Д. Самойлова</i>	58
* Эрих Арендт. Гарсиа Лорка. <i>Перевод с немецкого Л. Цывьяна</i>	59
Любомир Левчев. Песня о Гарсиа Лорке. <i>Перевод с болгарского А. Суркова</i>	60
Николай Асеев. Песнь о Гарсиа Лорке	61
Мирдза Кемпе. Голоса. <i>Перевод с латышского Т. Глушковой</i>	62
Евгений Евтушенко. Когда убили Лорку	63
Эдуардас Межелайтис. По ком звонит колокол. <i>Перевод с литовского Ю. Левитанского</i>	65
* Кайсын Кулиев. Я за вас сражался, павшие. Реквием Федерико Гарсиа Лорке. <i>Перевод с балкарского Лазаря Шерешевского</i>	68

НО ПАСАРАН!

Антонио Мачадо. Мадрид. <i>Перевод с испанского В. Столбова</i>	72
Пабло Неруда. Объяснение. <i>Перевод с испанского И. Эренбурга</i>	73
Рафаэль Альберти. Оборона Мадрида. <i>Перевод с испанского Д. Самойлова</i>	75
Владислав Броневский. Честь и граната. <i>Перевод с польского В. Луговского</i>	77
* Хосе Морено Вилья. Мадрид и его враги. <i>Перевод с испанского М. Квятковской</i>	78

Иоганнес Барбарус. Под Мадридом. <i>Перевод с эстонского Г. Шенгели</i>	80
Хосе Эррера Петере. Тревога. <i>Перевод с испанского В. Парнаха</i>	82
Марш Пятого полка. <i>Перевод с испанского Д. Самойлова</i>	83
Рафаэль Альберти. Я из Пятого полка. <i>Перевод с испанского Д. Самойлова</i>	85
Рауль Гонсалес Туньон. Пятый полк. <i>Перевод с испанского В. Столбова</i>	86
Неизвестный автор. Мадридская песенка. <i>Перевод с испанского А. Эйслера</i>	87
Луис де Тапиа. Но пасаран! <i>Перевод с испанского А. Эйслера</i>	89
Эмилио Прадос. Обманутый мавр (Фрагмент). <i>Перевод с испанского И. Чежеговой</i>	90
Хосе Морено Вилья. Мадрид фронтовой. <i>Перевод с испанского Н. Горской</i>	92
Сесар Вальехо. «Отряды нищих бьются за Мадрид...». <i>Перевод с испанского А. Гелескула</i>	94
Пабло Неруда. Прибытие в Мадрид Интернациональной бригады. <i>Перевод с испанского И. Эренбурга</i>	95
Аладар Комьят. Марш интернациональных бригад. <i>Перевод с венгерского Н. Чуковского</i>	97
Рафаэль Альберти. Интернациональным бригадам. <i>Перевод с испанского Д. Самойлова</i>	98
Борис Лихарев. Песня о летчике	99
Евгений Долматовский. Волонтерио (Фрагмент из поэмы «Добровольцы»)	100
Валентин Тавлай. Товарищ (Поэма). <i>Перевод с белорусского К. Симонова</i>	102
Люциан Шенвальд. Пожелания (Фрагмент). <i>Перевод с польского М. Зенкевича</i>	108
Никола Вапцаров. Испания («Чем ты была обычно для меня?..»). <i>Перевод с болгарского Т. Глушковой</i>	109
Франтишек Галас. Цельтесь. <i>Перевод с чешского В. Корчагина</i>	111
Всеволод Азаров. Пабло Пикассо	112
* Игорь Муратов. Письмо в Мадрид. <i>Перевод с украинского Е. Полонской</i>	115
Семен Кирсанов. Вы из Мадрида	117
Эмилио Прадос. Товарищу Антонио Колю. <i>Перевод с испанского А. Эйслера</i>	120

Сесар Вальехо. «Здесь так же, как и встарь...».	
<i>Перевод с испанского А. Гелескула . . . . .</i>	122
* Висенте Алейсандре. Неизвестный ополченец.	
Мадридский фронт. <i>Перевод с испанского Б. Дубина</i>	124
* Хосе Морено Вилья. Сегодняшний мужчина.	
<i>Перевод с испанского М. Квятковской . . . . .</i>	126
Назым Хикмет. У ворот Мадрида. <i>Перевод с ту-</i>	
<i>рецкого М. Павловой . . . . .</i>	128
Рауль Гонсалес Туньон. Мертвые дети. <i>Перевод</i>	
<i>с испанского И. Чежеговой . . . . .</i>	131
Антонио Мачадо. Смерть раненого ребенка. <i>Пере-</i>	
<i>вод с испанского Н. Горской . . . . .</i>	133
Агния Барто. Я с тобой	134
* Елена Серебровская. Мадонна	135
Пабло Неруда. Мадрид. 1937. <i>Перевод с испанского</i>	
<i>И. Эренбурга . . . . .</i>	136
* Людмил Стоянов. Мадрид — 1937. <i>Перевод с бол-</i>	
<i>гарского Н. Ванханен . . . . .</i>	138
* Хосе. Мариа Альварес. Мадрид. <i>Перевод с испан-</i>	
<i>ского Л. Цывьяна . . . . .</i>	140
Владислав Броневский. No pasarán! <i>Перевод с</i>	
<i>польского А. Ревича . . . . .</i>	142

ЛЕТОПИСЬ ВОЙНЫ

Хосе Морено Вилья. Фронт. <i>Перевод с испанского</i>	
<i>Н. Горской . . . . .</i>	144
Пабло Неруда. Ода Народной армии. <i>Перевод с ис-</i>	
<i>панского И. Эренбурга . . . . .</i>	145
Хосе Эррера Петере. Против мороза в горах.	
<i>Перевод с испанского О. Савича . . . . .</i>	147
Рафаэль Альберти. Крестьяне. <i>Перевод с испан-</i>	
<i>ского Б. Пастернака . . . . .</i>	148
Неизвестный автор. Партизанская серранилья.	
<i>Перевод с испанского А. Эйснера . . . . .</i>	149
Мигель Эрнандес. Песня женатого солдата. <i>Пере-</i>	
<i>вод с испанского П. Грушко . . . . .</i>	150
Сесар Вальехо. «Он часто в воздухе чертил коря-	
вым пальцем...». <i>Перевод с испанского А. Гелескула</i>	152
Рафаэль Альберти. Вы не погибли. <i>Перевод с ис-</i>	
<i>панского Д. Самойлова . . . . .</i>	154
Ашиль Шаве. Интернациональная бригада. <i>Перевод</i>	
<i>с французского Н. Гордеева . . . . .</i>	155
Рауль Гонсалес Туньон. Добровольцы. <i>Перевод с</i>	
<i>испанского В. Столбова . . . . .</i>	156

Эрнст Буш. Батальон Тельмана. <i>Перевод с немецкого Т. Сикорской</i>	157
Чедомир Миндерович. Сьерра Гвадаррама. <i>Перевод с сербского А. Наймана</i>	158
* Ян Выка. <i>Перевод с польского В. Британишского</i> Одноцветное стихотворение	160
Израненные пейзажи Андалусии	161
* Джон Корнфорд. <i>Перевод с английского В. Васильева</i> Письмо из Арагона	162
К Марго Хейнеманн	163
Николас Гильен. Голос надежды (Фрагмент из поэмы «Испания»). <i>Перевод с испанского П. Грушко</i>	164
Антонио Мачадо. «Россия, благородная Россия!..». <i>Перевод с испанского Ф. Кельина</i>	166
Михаил Светлов. Испанская песня («Над израненной пехотой...»)	167
* Леонид Первомайский. Испанская песня («Испания, полная гнева и стоны...»). <i>Перевод с украинского Е. Нежинцева</i>	168
Евгений Долматовский. Письмо Рафаэлю Альберти	170
Семен Кирсанов. «Бандера роха»	172
Александр Безыменский. Простые вещи (Фрагмент)	175
Илья Эренбург. «В кастильском нищенском селе- нье...»	178
Михаил Троицкий. Испания («И вдруг по залу глуховато...»)	179
Лацо Новомеский. Сон. <i>Перевод со словацкого П. Грушко</i>	181
Леонид Шернер. Сны	182
Али Шогенцуков. Роза Пиренеев. <i>Перевод с кабар- динского Л. Руст</i>	184
Хулио Матеу. Лина Одена. <i>Перевод с испанского Аркадия Шавина</i>	185
Михаил Исаковский. Мать	187
Леонид Первомайский. Перед боем. <i>Перевод с ук- раинского А. Прокофьева</i>	189
Сергей Михалков. Сын	191
Мигель Эрнандес. <i>Перевод с испанского А. Гелескула</i> Интербригадовцу, павшему в Испании	192
Павло де ла Торренте, политкомиссару	192
Иоганнес Р. Бехер. Ганс Беймлер. <i>Перевод с не- мецкого Н. Вержейской</i>	194
Владимир Лифшиц. Баллада о блокноте	195

Эрнест Хемингуэй. Американцам, павшим за Испанию. <i>Перевод с английского И. Кашкина</i>	197
Илья Эренбург. Русский в Андалусии	199
Алексей Лебедев. Бойцу Интернационального батальона	200
Ян Выка. «По ком тоскуют гитары струны...». <i>Перевод с польского Н. Кислика</i>	201
Михаил Исаковский. Песня о генерале Лукаче	202
* Савва Головановский. «Я снова книгу сердца раскрываю...». <i>Перевод с украинского Е. Рывиной</i>	203
Константин Симонов. Генерал	205
* Валерий Столбов. Рассказ о фашистском летчике	207
Сесар Вальехо. <i>Перевод с испанского А. Гелескула</i> Траурный марш на руинах Дуранго	209
«Издавека, чем дальше, тем яснее...»	210
* Анри Корнелюс. Песнь Герники. <i>Перевод с французского И. Волевич</i>	211
Пабло Неруда. Альмерия. <i>Перевод с испанского И. Эренбурга</i>	212
Миклош Радноти. Спи. <i>Перевод с венгерского Л. Мартынова</i>	213
Лацо Новомеский. Агитация. <i>Перевод со словацкого Б. Слуцкого</i>	214
* Анри Корнелюс. Неслышно снег идет... <i>Перевод с французского И. Волевич</i>	215
* Антонио Мачадо. «Испания моя! Рукой нещадной...». <i>Перевод с испанского М. Квятковской</i>	216
Сесар Вальехо. Шествие над павшим Бильбао. <i>Перевод с испанского А. Гелескула</i>	217
Ольга Берггольц. Стихи об испанских детях. Сестре	218
Встреча	219
Яков Хелемский. Пароход «Сантай»	220
* Иннокентий Оксенов. Испанским детям, живущим в городе Пушкине	222
Сергей Михалков. Товарищ	224
Маргарита Алигер. Хота — танец басков	226
Хулио Матеу. Люди и оливы. <i>Перевод с испанского Генриха Рудякова</i>	229
Рафаэль Альберти. Моей собаке Ньебле. <i>Перевод с испанского Л. Цывьяна</i>	231
Солдаты спят. <i>Перевод с испанского Д. Самойлова</i>	231
Илья Эренбург. «Парча румяных, жадных богородиц...»	233

*Эрих Арендт. Оливковые рощи возле кастильских сел. <i>Перевод с немецкого Л. Цывьяна</i>	234
Антонио Мачадо.	
Песня. <i>Перевод с испанского Н. Горской</i>	235
*Весна. <i>Перевод с испанского В. Михайлова</i>	235
Юсеф Чельгрэн. Теруэль. <i>Перевод со шведского Л. Гинзбурга</i>	237
Эрих Арендт. Барселона. Март 1938 года. <i>Перевод с немецкого В. Луговского</i>	238
*Валерий Столбов. Ночь перед боем	239
Илья Эренбург. У Эбро	240
Николай Тихонов. Говорит Эбро	241
Рафаэль Альберти. Осень и Эбро. <i>Перевод с испанского Д. Самойлова</i>	244
Миклош Радноти. Испания, Испания. <i>Перевод с венгерского Л. Мартынова</i>	245
Радован Зогович. Слезы (Фрагмент из стихотворения «Испанский триптих»). <i>Перевод с сербохорватского М. Зенкевича</i>	246
Эрих Вайнерт. Солдаты двух войн. <i>Перевод с немецкого Е. Маркович</i>	247
*Эмиль Мадарас. Ветераны прощаются. <i>Перевод с венгерского В. Бугаевского</i>	249
Всеволод Азаров. Люди сердца	251
Сесар Вальехо. Испания, да минует меня чаша сия... <i>Перевод с испанского А. Гелескула</i>	252
Александр Геров. Испания («Ни разу в жизни не страдал я так...»). <i>Перевод с болгарского Милена Маринова</i>	254
Леон Пастернак. Мы с вами. <i>Перевод с польского А. Наймана</i>	255
Илья Эренбург. В январе 1939	256
Николай Тихонов. Испанцы отступили за Пиренеи	257
Эмилио Прадос. Предатель. <i>Перевод с испанского И. Чежеговой</i>	258
*Антонио Мачадо. «Но ты, пречистая, крепка душою...». <i>Перевод с испанского М. Квятковской</i>	259
Рауль Гонсалес Туньон. На смерть Антонио Мачадо. <i>Перевод с испанского В. Столбова</i>	260
Рафаэль Альберти. Памяти Антонио Мачадо. <i>Перевод с испанского С. Гончаренко</i>	262
Леон Фелипе. О, это горе! <i>Перевод с испанского В. Столбова</i>	263
Марина Цветаева. «О, слезы на глазах!..»	265

* Анри Корнелиус. Кастильский танец. <i>Перевод с французского И. Волевич</i>	266
Дюла Ийеш. Мадридские барабаны. <i>Перевод с венгерского Н. Горской</i>	267
* Эжен Гильвик. Стихотворный диалог в память погибших в Испании. <i>Перевод с испанского М. Квятковской</i>	268
Мирдза Кемпе. Баллада о герильеро. <i>Перевод с латышского И. Черевичник</i>	269
Константин Симонов. Изгнанник	272
Мигель Эрнандес. «Разлуку во всем я вижу...». <i>Перевод с испанского В. Васильева</i>	274
Хесус Лопес Пачеко. Мигелю Эрнандесу. <i>Перевод с испанского М. Самаева</i>	275
Рауль Гонсалес Туньон. Элегия на смерть Мигеля Эрнандеса. <i>Перевод с испанского А. Гелескула</i> . . .	276
Маркос Ана. Письмо миру. <i>Перевод с испанского А. Гелескула</i>	278
Александр Муратов. Барселона. <i>Перевод с болгарского В. Цвелева</i>	280
Поль Элюар. В Испании. <i>Перевод с французского Мориса Ваксмахера</i>	281
Луи Арагон. Santa Espina (Фрагмент из стихотворения «Две поэмы из небытия»). <i>Перевод с французского Э. Линецкой</i>	282
Назым Хикмет. Дон Кихот («Вечной юности рыцарь...»). <i>Перевод с турецкого М. Павловой</i>	284

УНЕСЕННАЯ ПЕСНЯ

Леон Фелипе. «Брат... С тобою твое добро...». <i>Перевод с испанского А. Гелескула</i>	286
Луис Сернуда. Испанец говорит о родной земле. <i>Перевод с испанского Б. Дубина</i>	287
Рафаэль Альберти. Хуан Пекарь осведомляет туристов, прибывших в Испанию. <i>Перевод с испанского В. Васильева</i>	288
Анхела Фигера Аймериш. Баланс. <i>Перевод с испанского В. Столбова</i>	291
Хосе Иерро. Разговор со смертью. <i>Перевод с испанского Ю. Левитанского</i>	293
* Хосе Мариа Альварес. <i>Перевод с испанского Л. Цывьяна</i>	
Наш лес	294
Был у меня товарищ	294

Хулио Матеу. Франсиско Гуйон. <i>Перевод с испанского П. Грушко</i>	296
Веселин Ханчев. Романсеро о Хосе Санчо. <i>Перевод с болгарского В. Виноградова</i>	297
Константин Симонов. Немец	299
Николас Гильен. Пасионарии. <i>Перевод с испанского О. Савича</i>	301
Хулио Матеу. Две родины. <i>Перевод с испанского О. Савича</i>	303
Агустин Мансо. <i>Перевод с испанского А. Гелескула</i> Май 1936 года	304
«Мне снятся мои дороги...»	304
Луис Сернуда. Родина. <i>Перевод с испанского В. Столбова</i>	306
Леон Фелипе. Муха. <i>Перевод с испанского В. Столбова</i>	307
Рафаэль Альберти. <i>Перевод с испанского О. Савича</i> Возвращение в Советский Союз	309
Баллада, сложенная человеком, никогда не бывавшим в Гранаде	310
Анхела Фигера Аймериш. Рождающийся человек. <i>Перевод с испанского Т. Макаровой</i>	311

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Маргарита Алигер. «Странное чувство меня томит...»	314
Илья Эренбург. «Разведка боем» — два коротких слова...»	315
* Валерий Столбов. «Сегодня в Эшери погода как будто в Рязани...»	316
Константин Симонов. У огня	317
Галактион Табидзе. Я карту Испании снял со стены. <i>Перевод с грузинского И. Дадашидзе</i>	319
Алексей Недогонов. Биография	320
Ольга Берггольц. Побратимы	322
Николай Заболоцкий. Болеро	323
Мирдза Кемпе. Советы Долорес Ибаррури. <i>Перевод с латышского И. Черевичник</i>	324
Ярослав Смеляков. Испанские стихи	325
Юлия Друнина. Письмо к миссис Энн Смит (Фрагмент)	327
Евгений Долматовский. Под лаврами Мадрида	329
Всеволод Азаров. «Есть в русском городке старинном...»	330

Юрий Михайлик. «Лейтенанты испанской войны...»	331
* Валерий Столбов. «Отшлифован гранит пьедестала...»	332

ВЕТКА ОЛИВЫ

Маргарита Алигер. Ветка оливы	334
Ярослав Смеляков. Михаилу Светлову	335
Борис Олейник. Тревога. <i>Перевод с украинского Л. Смирнова</i>	336
Яков Хелемский.	
«На Пласа Пуэрто дель Соль...»	339
«Тополя над испанской равниной...»	340
Маргарита Алигер.	
В Мадриде	343
Барселона	343
Максим Танк. «Я смолodu еду, мечты не тая...».	
<i>Перевод с белорусского Я. Хелемского</i>	345
* Нил Гилевич. «Если б я своей судьбою был облакан...». <i>Перевод с белорусского Я. Хелемского</i>	346
Роберт Рождественский. Трещинка	347
Евгений Евтушенко. Коррида (Фрагмент из одноименной поэмы)	348
Сесар Вальехо. Масса. <i>Перевод с испанского А. Гелескула</i>	350
<i>Справки об авторах</i>	351
<i>Комментарии</i>	363

**Бессмертен подвиг ваш: К 50-летию анти-
Б53 фашистской войны испанского народа./Вступле-
ние Г. Степанова; Сост., предисл., коммент.
В. Столбова.— М.: Худож. лит., 1986.— 383 с.**

Сборник посвящен одному из важнейших политических событий XX века — Национально-революционной войне в Испании 1936—1939 гг. Включает лучшие стихи поэтов мира о первом сражении с фашизмом.

Б 4703000000-233 173-86
028(01)-86

ББК 84

БЕССМЕРТЕН ПОДВИГ ВАШ
К 50-летию антифашистской войны испанского народа

Составитель
Валерий Сергеевич Столбов
Редактор И. Павлова
Художественный редактор И. Сальникова
Технический редактор Л. Платонова
Корректор Г. Ганапольская

ИБ № 4353

Сдано в набор 30.09.85. Подписано в печать 20.02.86. А 10528.
Формат 84 × 108^{1/32}. Бумага тип. № 1. Печать высокая. Гарнитура
таймс. Усл. печ. л. 20,16. Усл. кр.-отт. 20,58. Уч.-изд. л. 15,19.
Заказ № 93. Тираж 50 000 экз. Изд. № VII-2091. Цена 1 р. 70 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство
«Художественная литература». 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-
Басманная, 19

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Зна-
мени Ленинградское производственно-техническое объединение «Пе-
чатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при
Государственном комитете СССР по делам издательства, полигра-
фии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15

